

ПОСОБІЕ и МАТЕРІАЛЫ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

для г. г. преподавателей, учениковъ
старшихъ классовъ среднихъ учеб-
ныхъ заведеній, а равно для самооб-
разованія.

(Отъ древнѣйшаго времени до
70-хъ годовъ XIX столѣтія съ
примѣчаніями и разъясненіями).

Составилъ

АВТОНОМЪ БУЛГАКОВЪ.

ЧАСТЬ II.

(Историко-Культурная)

Третье переработанное и измѣненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

Основа древняго быта славянъ ¹⁾.

Въ основѣ древняго быта славянъ лежали семейныя отношенія²⁾, которыя, въ свою очередь, главнымъ образомъ, покоились на брачныхъ³⁾.

„Брака у древлянъ“, сообщаетъ лѣтописецъ, „не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица...“

„Срамословіе“ среди радимичей, вятичей и сѣверянъ „предъ отци и предъ снохами (и) браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы, схожахуся на игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто совѣщашеся⁴⁾“. Итакъ, „умычка“⁵⁾, какъ и у многихъ другихъ полудикихъ народовъ, существовала у славянорусовъ, но ей въ данномъ случаѣ предшествуетъ „совѣщаніе“ похитителя съ невѣстой, и происходитъ она на „игрищахъ“⁶⁾. Между тѣмъ умычку въ иныхъ мѣстахъ успѣлъ уже замѣнить другой обычай, а именно мирная сдѣлка — купля-продажа невѣсты⁷⁾.

При такихъ условіяхъ власть мужа надъ женой не могла не быть значительной, тѣмъ болѣе, что содержаль онъ ихъ нѣсколько, если только имѣлъ на это средства.⁸⁾

Patria potestas первоначально могла быть [также довольно сильно развита. Изреченіе: „ни отецъ до дѣтей, что Богъ до людей...“ — встрѣчается въ старинныхъ сборникахъ нашей письменности⁹⁾.

Разросшіяся семьи славянъ не сразу распались на составныя части—на новыя семьи. Въ древнѣйшее время,

быть можетъ, вплоть до VI—VII в. славяне жили родовыми союзами, на что указываетъ богатство ихъ генеалогической номенклатуры¹¹⁾. То же подтверждаютъ и этнографическія данныя: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи при выборѣ невѣсты стараются, чтобы она состояла въ отдаленномъ родствѣ съ женихомъ¹¹⁾. Этотъ любопытный обычай указываетъ, можетъ быть, на ту эпоху, когда эндогамическій бракъ былъ развитъ. Между тѣмъ эндогамія¹²⁾ была очень распространена въ то время, когда отдѣльные роды еще враждовали между собою и внѣ рода общественныхъ связей не существовало¹³⁾. Разложеніе родового быта происходило у славянъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ причинъ, которыя въ подобныхъ же случаяхъ дѣйствовали и среди многихъ другихъ народностей. Размноженіе личнаго родового состава и родового имущества, которыми трудно управлять дряхлому родоначальнику, несоотвѣтствіе принципа старшинства съ принципомъ наслѣдованія власти ближайшимъ кровнымъ агнатическимъ родственникомъ умершаго родоначальника въ размножившемся родѣ¹⁴⁾, естественная неспособность законнаго родоначальника къ управленію—все это ослабляетъ принципъ родового старшинства. На первыхъ порахъ, однако, родоначальникъ сохраняетъ право назначать себѣ преемника при жизни и съправительствомъ узаконять его будущую власть въ глазахъ членовъ рода. Но неожиданная смерть родоначальника, не успѣвшаго назначить преемника¹⁵⁾, принуждаетъ самихъ членовъ рода избрать себѣ новаго начальника; недостатокъ хозяйственнаго умѣнія или ума у законнаго родоначальника также ведетъ къ избранію новаго, болѣе способнаго главы рода уже самими членами его. Рядомъ съ пониженіемъ власти естественнаго и наслѣдственнаго родоначальника ослабляется и прежняя кровная связь между членами агнатическаго рода. Родовое наименованіе иногда замѣняется, и родъ начинаетъ называться по имени не основателя его, а наиболѣе знаменитаго изъ предковъ или по мѣстности. Объемъ рода ограничивается. Наравнѣ со многими другими народностями и у славянъ восточныхъ

были такого рода ограниченія¹⁶⁾. На ряду съ ограниченіемъ объема рода, члены послѣдняго получаютъ возможность выходить изъ него. Первоначально такой выходъ сопряженъ былъ какъ бы съ особой пеней¹⁷⁾, а потомъ и съ простымъ заявленіемъ желающаго выйти изъ рода родовымъ властямъ. Если, съ одной стороны, кровные родственники получили возможность исключенія изъ членовъ рода, то съ другой—путемъ усыновленія и побратимства чужеродцы имѣли доступъ въ родственные союзы¹⁸⁾. Такимъ образомъ мало-по-малу родъ превращался въ союзъ лицъ, объединяемыхъ по образцу прежнихъ родовыхъ отношеній не столько уже кровными связями, сколько другими интересами, религіозными и экономическими, чему, вѣроятно, не мало способствовало и самое разселеніе славянъ по восточно-европейской равнинѣ: родовое единство разбивалось о невозможность всюду подыскать одинаково удобныя и обширныя мѣста жительства, пастбища и пашню¹⁹⁾. Итакъ, внутреннія и внѣшнія причины приводили русскихъ славянъ къ необходимости жить не столько родами въ строгомъ смыслѣ, сколько большими семьями, семейными общинами, задругами, дворами. На такой характеръ быта среди славянъ восточныхъ указываютъ слѣдующія соображенія:

1. Слово „двоюродный“²⁰⁾ свидѣтельствуетъ, что языкъ нашъ придавалъ слову „родъ“ другое значеніе, чѣмъ теперь²¹⁾.

2. Лѣтописный разсказъ о Кіѣ, Шекѣ и Хоривѣ также намекаетъ скорѣе на семейный, чѣмъ на родовой бытъ славяноруссовъ²²⁾. Судя по этому преданію, братья, основатели Кіева, жили не однимъ родомъ, а каждый отдѣльно своимъ хозяйствомъ²³⁾.

3. Древне-русская большая семья включала такихъ родственниковъ, которые съ точки зрѣнія патріархальнаго права не могли входить въ ея составъ²⁴⁾.

4. Первая статья Русской Правды начинается такъ: „Оубьетъ мужъ моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братоу чадоу, любо се-

стрину сынови; аще не будетъ кто мстыа, то 40 гривенъ за голову²⁵⁾.

5. Уже въ древнее время встрѣчаемъ братство „названное“, въ которомъ сказывается формализація родовыхъ отношеній, возможность допускать чужеродца въ составъ семьи.

6. Древне-русское семейственное право не представляетъ намъ власти мужа надъ женой или отца надъ дѣтьми особенно развитой.

Женщины у славянъ вообще пользовались въ древнее время довольно большою независимостью, имѣли нѣкоторыя имущественныя права²⁶⁾. Дѣти также не лишены были нѣкотораго значенія; оно особенно ярко сказывается при совершеніи какихъ-либо сдѣлокъ, касающихся родового имущества. Въ этихъ сдѣлкахъ на ряду съ отцомъ нерѣдко принимаютъ участіе²⁷⁾ и сыновья. Поэтому неудивительно, что самое слово „семья“ получало иногда на языкѣ старорусскомъ не столько кровное, сколько договорное значеніе²⁸⁾. Процессъ перехода отъ чистородственныхъ отношеній къ религіознымъ, вѣроятно, совершался въ древнѣйшую пору; такой же переходъ къ экономическимъ отношеніямъ, напротивъ, возможно наблюдать на сѣверѣ Россіи и въ позднѣйшее время²⁹⁾.

Всѣ эти данныя приводятъ къ предположенію, что славяне, по заселеніи своемъ на пространствѣ восточно-европейской равнины, стали жить преимущественно дворами. Это, вѣроятно, были небольшіе союзы родственниковъ (агнатовъ и когнатовъ), союзы, въ предѣлы которыхъ могли включиться и постороннія лица, такъ какъ члены ихъ объединялись уже не столько чистокровными, сколько общими религіозными и хозяйственными интересами, а также, повидимому, нѣкоторымъ подчиненіемъ одной общей естественной или выборной власти большака, управителя хозяйства, дворовладыки.

Почитаніе животныхъ³⁰⁾.

На извѣстной степени человѣческаго развитія божества представлялись людямъ въ образѣ животныхъ. Жизнь звѣрей, полная таинственности, казалась человѣку, съ одной стороны, близкой и похожей на его собственную, съ другой стороны, очень отличалась отъ людской. Наконецъ, превосходство физической силы у животныхъ и болѣе развитые органы чувствъ ихъ не могли не возбудить воображенія человѣка, и онъ сталъ думать, что въ животномъ должна таиться какая-то особенная, божественная сила. Первоначально создала его фантазія только образы, въ которыхъ воплощалась божественность животного, а потомъ онъ постепенно отождествилъ послѣднее съ самимъ божествомъ и сталъ поклоняться ему.

Въ греческой мифологіи есть указанія на то, что и греки въ древнѣйшія времена представляли своихъ боговъ въ образѣ животныхъ. Такъ, на примѣръ, Зевсъ и Діонисъ имѣли видъ быка. Но греки скоро перешли къ антропоморфизму, т. е. стали олицетворять своихъ боговъ въ образѣ человѣка. Многіе изъ греческихъ боговъ и впослѣдствіи изображались животными. Такъ, Зевсу придавали образъ орла, Аѳинѣ — образъ совы, и это означало отличительныя качества каждаго изъ этихъ божествъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ у грековъ, почитаніе животныхъ было распространено у египтянъ. Послѣдніе боготворили крокодиловъ, мышей и, въ особенности, кошекъ. Кто убивалъ кошку даже нечаянно, тотъ подвергался смертной казни. Каждая мѣстность, каждый городъ имѣлъ свои божества изъ животныхъ, общій же почетъ оказывался священному быку Апису, у котораго было на лбу бѣлое пятно при его черной масти. Египтяне считали его земнымъ воплощеніемъ Озириса, бога солнца и Нила. Въ случаѣ смерти его поклонники облекались въ трауръ и до тѣхъ поръ горевали, пока не находился новый быкъ съ подобными же признаками. Тогда у нихъ начинались ли-

кованія и празднества. Быкъ съ большою торжественностью вводился въ храмъ, находящійся въ Мемфисѣ.

Индусы воображали себѣ всю природу проникнутой душою Брамы. Они вѣрили въ переселеніе душъ и полагали, что душа по смерти переселялась въ какое-либо животное. Наибольшимъ почетомъ пользовались у нихъ змѣи.

Этотъ культъ животныхъ перешелъ и къ народамъ позднѣйшимъ, только въ другихъ формахъ. Слѣды почитанія животныхъ удержались до сихъ поръ въ суевѣріяхъ, порожденныхъ отношеніемъ человѣка съ животнымъ. Нѣкоторымъ животнымъ, вслѣдствіе проявляемыхъ ими добрыхъ качествъ, приписывается доброе вліяніе на судьбу людей, а другіе, наоборотъ, въ виду ихъ хищническихъ и вредныхъ для человѣка инстинктовъ, считаются приносящими только зло. Такъ, вороны слывутъ въ народѣ предвѣстниками несчастія и смерти, аисты—предвѣстниками благополучія.. Въ домашнемъ быту нѣкоторыя дѣйствія животныхъ служатъ также предзнаменованіемъ для людей. Вой собаки принимается за предвѣщаніе горя, умываніе кошки общаетъ гостей, крикъ пѣтуха сулитъ дождь. Люди, находясь въ постоянномъ общеніи съ животными, приписываютъ имъ свои свойства, свои добродѣтели, пороки и страсти. Такъ, мотылекъ считается воплощеніе легкомыслія и непостоянства, лисица напоминаетъ о лукавствѣ и обманѣ, осель—о лѣнности и упрямомъ невѣжествѣ, пчелы—о трудолюбіи, аистъ—о благодарности, змѣя—о чародѣйствѣ и врачеваніи и т. д.

Смотря по тому, насколько животныя приносятъ пользу или вредъ, человѣкъ старается щадить и беречь или истреблять ихъ. Степенью близости къ нимъ объясняется то доброе, гуманное отношеніе людей къ послѣднимъ, которое служитъ теперь отголоскомъ древняго культа животныхъ.

Принятіе христіанства на Руси.

Уже задолго до призванія варяговъ христіанство было распространено между племенами, обитавшими по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря. Извѣстная легенда о посѣщеніи Скиѣи апостоломъ Андреемъ, по пути его изъ Синопа въ Римъ, встрѣчается въ греческихъ житіяхъ Епифанія³¹⁾ и Метафраста; та же легенда занесена на страницы лѣтописи; въ нашей древней письменности она даже выдержала двѣ редакціи: кіевскую и позднѣйшую, новгородскую. Новѣйшая критическая разработка этой легенды показываетъ, однако, что на фактическую достовѣрность ея полагаться нечего³²⁾. Ея составленіе вызвано было благочестивымъ и отчасти тщеславнымъ желаніемъ грековъ видѣть основателемъ Русской церкви того изъ апостоловъ, который по своему значенію едва-ли уступалъ основателю Римской — апостолу Петру, такъ какъ былъ „Первозваннымъ“. Первымъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ указаніемъ на существованіе христіанства по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря можно считать извѣстіе о томъ, что на 1-мъ Никейскомъ соборѣ 325 г., между прочимъ, присутствовалъ Теофилъ³³⁾, котораго не безъ основанія считаютъ епископомъ крымскихъ готовъ. Сохранились извѣстія, что скиѣы, жившіе подлѣ Дуная³⁴⁾, крещены были во второй половинѣ IV вѣка³⁵⁾. Когда жилъ Gotta, episcopus (епископъ) Gothiae (Готіи), по повелѣнію котораго остатки Инны, Пинны и Ринны перенесены были въ Алешки при устьяхъ Днѣпра, неизвѣстно. Но, какъ бы то ни было, въ позднѣйшее время христіанство продолжало насаждаться въ этихъ краяхъ; объ этомъ можно судить по письму патріарха Фотія къ Антонію, епископу Босфора Азовскаго. „Нѣкогда, пишетъ онъ, Скиѣскій Понтъ былъ Аксинскимъ. Милевійцы передѣляли его въ Евксинскій, внесли въ него человѣчность и гражданственность, выводя изъ него звѣрство и варварство. Теперь,

благодаря твоимъ трудамъ, поднятымъ въ борьбѣ за умноженіе здѣсь служенія Богу, этотъ Понтъ не только можетъ называться Εἰς εὐχὴς³⁶⁾, но и Εἰς εὐχὴς³⁷⁾, каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ. Если еще и Іудеевъ, тамъ живущихъ, ты плѣнишь въ послушаніе Христу..., то я отъ всей души буду привѣтствовать плоды такихъ прекрасныхъ надеждъ“. Кириллъ (Константинъ Философъ), какъ извѣстно, проповѣдывалъ христіанство хозарамъ. Такимъ образомъ, существованіе въ этихъ странахъ христіанства дало возможность и русскимъ князьямъ или дружинникамъ ознакомиться поближе съ христіанскимъ ученіемъ.

Но христіане официально до принятія христіанства существовали не только на югѣ Россіи, но и въ самомъ Кіевѣ — въ дружинѣ, въ семьѣ великокняжеской. О христіанствѣ Аскольда и Дира много темнаго, почему и оставимъ этотъ вопросъ, который нельзя еще считать вполне рѣшеннымъ. Сохранились другія указанія, менѣе спорныя. Много варяговъ было въ Константинополѣ; многіе изъ нихъ исповѣдывали христіанскую вѣру: у христіанъ-варяговъ здѣсь была своя церковь св. Іліи. Въ XIV в. упоминается еще церковь Богородицы τῆς Βαρραγγιωτίσσης³⁸⁾. Такимъ варягамъ не всегда привольно жилось въ Царьградѣ: имъ хотѣлось не только жалованья, но и добычи, не только службы, но и побольше свободы. И то и другое они скорѣе могли найти у кіевскихъ князей, чѣмъ при дворѣ византійскихъ кесарей. Возможно, что такіе варяги переселялись иногда изъ Константинополя въ Кіевъ и заносили туда съ собою христіанство; не трудно было, конечно, и дружинникамъ кіевского князя ознакомиться съ началами новой вѣры въ столицѣ православнаго міра. Такимъ новообращеннымъ, вѣроятно, былъ и тотъ варягъ, который принялъ христіанство въ Константинополѣ и убитъ былъ въ Кіевѣ при Владимирѣ³⁹⁾ въ то время, когда язычники хотѣли принести его сына въ жертву Перуну. Самая церковь св. Іліи построена кіевскими христіанами и напоминаетъ варяжскую церковь св. Іліи въ Царьградѣ. Во всякомъ случаѣ, уже въ дружинѣ Игоря были

христіане. Ольга, какъ извѣстно, крестилась въ 957 году. Іоакимовская лѣтопись, — источникъ не вполне достовѣрный, — рассказываетъ, что братъ Святослава, Глѣбъ, былъ христіаниномъ; Ярополкъ отличался вѣротерпимостью, и при немъ христіанство стало распространяться съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ раньше. Наконецъ, въ числѣ женъ Владимира упоминаются: чехиня, болгарыня, гречанка, вѣроятно, христіанки. При такихъ условіяхъ христіанство, естественно, должно было рано или поздно водвориться въ Русской землѣ.

Частныя причины, побудившія князя Владимира и лучшихъ русскихъ людей того времени принять христіанство, объясняютъ намъ, почему оно стало утверждаться въ концѣ X вѣка.

1. Владимиръ слышалъ о „бабкѣ своей Ольгѣ, какъ, шедши къ Царю-городу приняла она св. крещеніе и какъ пожила (послѣ этого) добрѣ предъ Богомъ всѣми добрыми дѣлы украсившись“. Не безызвѣстно также было Владимиру, какъ „заповѣдывала Ольга не творити трызны надъ надъ собою, бѣ до имущи прозвутера и тѣ (онѣ) похороны блажену Ольгу“. А между тѣмъ, по словамъ дружинниковъ Владимира, Ольга была мудрѣйшей „изъ челоуѣкъ“, значить, то, что сдѣлала она, достойно было подражанія. Не забудемъ также, что всякій примѣръ уважаемаго предка долженъ былъ въ то время имѣть гораздо болѣе притягательной силы, чѣмъ теперь.

2. Владимиръ, какъ многіе другіе язычники, не погрязшіе окончательно въ типъ невѣжества, самъ чувствовалъ внутреннюю потребность въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ рѣшеніи вопросовъ, на которые мало развитая славянская міеологія не давала опредѣленныхъ отвѣтовъ. Вопросъ о будущей жизни, и ея характерѣ, о наказаніи злыхъ и награжденіи добродѣтельныхъ въ земной и будущей жизни, могъ уже нарождаться и интересоваться нѣкоторыхъ представителей тогдашняго общества. Между тѣмъ христіанство давало поучительный и опредѣленный отвѣтъ на такіе вопросы. Разговоръ Владимира съ присланнымъ къ нему

проповѣдникомъ. какъ бы на него ни смотрѣла современная критика, содержитъ нѣсколько намековъ на такое состояніе духа князя, на то, что онъ уже искалъ, но не находилъ истины.

Не мало привлекательнаго имѣли для язычника того времени и торжественность и внѣшняя пышность православнаго греческаго богослуженія. Преданіе повѣствуетъ, будто послы, отправленные въ разныя страны для ознакомленія съ иноземными религіями, особенно сильно поражены были богослуженіемъ въ Константинополѣ. По всей вѣроятности блескъ и торжественность православнаго богослуженія усилены были желаніемъ византійскаго двора, какъ можно, болѣе подѣйствовать на воображеніе пословъ язычниковъ. Такъ же радушно, по разсказамъ Константина Багрянороднаго, принимали въ Царьградѣ пословъ сарацинскихъ. Какъ бы то ни было, но богослужебный ритуаль въ храмѣ св. Софіи подѣйствовалъ на пословъ. Возвратившись въ Кіевъ, они въ слѣдующихъ выраженіяхъ сообщили свои впечатлѣнія князю и боярамъ: „Не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такого вида ли красоты такая, и недоумѣемъ бо (что) сказать; токмо то вѣмы, яко онѣдѣ (тамъ) Богъ с человѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ (т. е. наилучшая). Мы убо не можемъ забыть красоты тоя; всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести⁴⁰⁾ не принимаетъ, тако и мы не имамы сде (т. е. въ Кіевѣ) быти⁴¹⁾”.

4. Быть можетъ, наконецъ, и политическія соображенія повліяли на принятіе христіанства. Владимиръ, повидимому, хотѣлъ войти въ возможно болѣе близкія отношенія къ византійскимъ императорамъ; онъ не чуждался политическихъ сношеній съ государствами европейскаго запада, а между тѣмъ почти всѣ эти страны приняли христіанство. Желаніе стать въ уровень съ ними могло побудить нашего князя водворить христіанство на Руси.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ мотивы, которые, вѣроятно, побудили князя Владимира съ дружиной принять

христіанство. Разсказъ объ этомъ событіи слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы его излагать. Совѣщаніе Владимира съ дружиною, появленіе разныхъ пословъ отъ болгаръ, евреевъ, нѣмцевъ и грековъ съ изложеніемъ вѣры каждаго изъ этихъ народовъ и предложеніемъ принять ее и причины, появившія на избраніе именно греческой вѣры, походъ и взятіе Корсуня, женитьба на царевнѣ Аннѣ, сестрѣ византійскихъ императоровъ Василя и Константина, наконецъ крещеніе Владимира, а затѣмъ и кіевлянъ,— все это достаточно памятно намъ и записано на страницахъ нашей лѣтописи⁴²⁾“. Но эти дорогія преданія въ настоящее время подвергаются строгой критикѣ⁴³⁾ и уже мало заслуживаютъ довѣрія. Лѣтописный разсказъ въ этомъ отношеніи представляетъ двѣ редакціи, изъ которыхъ первая болѣе ранняя, вѣроятно, греческаго происхожденія. Свѣдѣнія о посольствахъ едва ли достовѣрны. Быть можетъ даже самъ Владимиръ крестился не въ Корсунѣ, а въ другомъ мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, по возвращеніи изъ Корсуня князь крестилъ кіевлянъ; они охотно принимали крещеніе, слѣдуя примѣру его и бояръ. Изъ Кіева христіанство стало распространяться въ разные концы Русской земли.

Проповѣдь и прозелитизмъ въ начальномъ развитіи.

Мало развитымъ религіямъ свойственны проповѣдь и прозелитизмъ. Языческое божество срастается съ тѣмъ племенемъ или народомъ, религіозному чувству котораго обязано своимъ возникновеніемъ; но за предѣлами этого племени или народа оно безсильно. Язычникъ не только не отрицаетъ, но считаетъ совершенно естественнымъ существованіе у другого племени или народа такого же бо-

жества, какое покровительствуетъ его собственному племени. Только тогда, когда религіозное чувство разрастается настолько, что начинаетъ оскорбляться слишкомъ узкою сферою дѣятельности племенного божества, послѣднее теряетъ національныя особенности и интересы, распространяетъ свою власть за предѣлами своего племени или народа, благодаря миссіонерской дѣятельности и прозелитизму. Вотъ почему проповѣдь и прозелитизмъ отсутствовали въ славяно-русскомъ язычествѣ и, наоборотъ, сильно развиты были въ христіанствѣ.

У насъ, на Руси, христіанство распространялось различными способами:

1) путемъ миссіонерской дѣятельности (Кукша, св. Стефанъ Пермскій);

2) путемъ водворенія церквей и монастырей (съ послѣдними связана также русская колонизація);

3) путемъ проповѣдей, которыя говорились и читались въ церквяхъ; онѣ воспитывали населеніе въ христіанскомъ духѣ. Правда, онѣ не могли сильно вліять на слушателей, потому что проповѣдниками нерѣдко были греки или болгары, т. е. люди, мало знакомые съ русскою рѣчью; при томъ нельзя предположить, чтобы просвѣщенный грекъ могъ *вполнѣ снизить* на уровень развитія такого необразованнаго человѣка, какимъ былъ русскій того времени ⁴⁴). И дѣйствительно, рѣчи и поученія первыхъ проповѣдниковъ на Руси украшены такими цвѣтами византійскаго краснорѣчія, въ которыхъ и теперь еще иногда трудно разобраться (напр., рѣчи Кирилла Туровскаго ⁴⁵). Наконецъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что церковная проповѣдь едва ли не вышла мало-по-малу изъ употребленія; лишь со времени Никона она снова получила значеніе.

Культурное вліяніе христіанства на духовное развитіе русской народности и его послѣдствія ⁴⁶⁾).

Съ введеніемъ греческой вѣры языческое міровоззрѣніе стало замѣняться христіанскимъ, многосложный кодексъ языческихъ вѣрованій—ученіемъ несравненно болѣе возвышеннымъ и стройнымъ. Первобытный политеизмъ мало способствовалъ хотя бы самому первоначальному, незатѣйливому, тѣмъ не менѣе цѣльному представленію мірового космоса. Эта черта замѣтна и въ славянской міеологіи. На славянскомъ Олимпѣ не было выработано строгой іерархіи боговъ, въ ихъ средѣ царилъ произволъ, значить у вѣрующихъ не было понятія и о соотношеніи тѣхъ явленій, которыя одухотворялись первобытной фантазіей въ божественныхъ формахъ.

Принципъ единобожія, которымъ проникнуто все христіанское міровоззрѣніе, напротивъ, вносилъ разумный порядокъ и цѣль въ кажущійся хаосъ міровыхъ явленій; христіанская мысль подчиняла эти *disiecta membra* единому Разуму и единой Волѣ, разсматривала міръ, какъ тѣло, которое подчиняется одному всемогущему Духу, и представленіемъ о такомъ соподчиненіи вносила порядокъ въ мірозданіе.

Философскій элементъ, почти отсутствовавшій въ языческомъ міровоззрѣніи русскихъ славянъ, теперь сталъ проникать въ среду новыхъ приверженцевъ христіанскаго ученія, хотя и облакался въ болѣе доступныя мало развитому уму формы религіозныхъ вѣрованій. Въ славянскомъ язычествѣ и въ древнемъ христіанствѣ замѣтны особенности, которыя съ перваго взгляда возможно было бы принять за довольно сходныя: то и другое устанавливали невидимую связь между божественными силами и явленіями природы. Но язычество разсматривало эти явленія, какъ атрибуты или дѣйствія того или другого бога, выз-

ванные собственными его аффектами; представлѣніе о божествѣ здѣсь отчасти сливалось съ самимъ физическимъ дѣятелемъ. Средневѣковое христіанство видѣло въ тѣхъ же явленіяхъ природы, напримѣръ, въ кометахъ, знаменія, которыми божество предупреждаетъ родъ человѣческой о грядущихъ бѣдствіяхъ; слѣдовательно оно строго различало *божество отъ тѣхъ средствъ*, которыми послѣднее являло міру предначертаніе Промысла⁴⁷). При языческомъ воззрѣніи мысль еще затеряна въ чувствѣ; она не видитъ цѣли явленія, производящаго впечатлѣніе, въ христіанскомъ же она старается подыскать не только ближайшую причину, но и разумную цѣль. При послѣдней точкѣ зрѣнія контингентъ явленій, привлекающихъ вниманіе, становится гораздо болѣе значительнымъ, и сами они получаютъ иное освѣщеніе.

Языческое божество въ отношеніяхъ своихъ къ человѣку было такимъ же необузданнымъ, кровожаднымъ и жестокимъ, какъ и люди другъ къ другу. Оно жаждало человѣческой крови, умилоstellялось однѣми человѣческими жертвами⁴⁸). Божество христіанское удовлетворялось жертвою безкровною, оно требовало отъ каждаго вѣры и добрыхъ дѣлъ.

Грубое и мрачное міросозерцаніе славянина-язычника опутывало его духъ цѣлою сѣтью предразсудковъ и суевѣрій; онъ на каждомъ шагѣ сталкивался съ добрыми и злыми, нечистыми силами; онъ долженъ былъ задабривать однѣхъ, предохранять себя, умилоstellять и бороться съ другими; его духовныя силы, благодаря матеріальному характеру его религіозныхъ представленій, были привязаны къ міру и поглащались имъ; въ такой борьбѣ язычнику помогали дружелюбныя божественныя силы, но послѣднія не всегда были всемогущими, нерѣдко разбѣгались передъ враждебными имъ существами. Свѣтлое христіанское ученіе, конечно, требовало борьбы, но борьбы, главнымъ образомъ, съ преградами для нравственнаго совершенствованія человѣческой личности, вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживало духовныя силы борца общаніемъ божественной по-

мощи и озаряло ихъ надеждою на награду въ будущей жизни, ставило, слѣдовательно, его выше невзгодъ земного существованія. Христіанство полагало тѣ основы для человѣческой дѣятельности, то спокойствіе и твердость духа, которыхъ не могла дать первобытная славянская религія, не поддерживаемая философіей.

Соотвѣтственно различію въ догматическихъ взглядахъ язычества и христіанства замѣчаются отличія и въ воззрѣніяхъ этическихъ.

При языческихъ вѣрованіяхъ возможно многоженство, и моногамическій союзъ является лишь слѣдствіемъ экономической необходимости. Въ христіанскомъ обществѣ тотъ же моногамическій союзъ становится единственно возможнымъ въ силу нравственныхъ требованій. Съ точки зрѣнія языческой, лицо или родъ — племя, которымъ еще поглощена личность, является исходной единицей и конечною цѣлью ихъ собственнаго существованія; съ христіанской точки зрѣнія, лицо имѣетъ нравственное право на жизнь, лишь какъ членъ общечеловѣческаго братства. Отсюда естественно, что въ языческомъ славянорусскомъ обществѣ признавались право сильного и обязанности слабого (рабство); въ христіанскомъ, наоборотъ, выставлялись въ видъ право слабого и обязанности сильного. Въ первомъ обязательна была лишь забота о себѣ и о своемъ близкомъ, т. е. родичѣ; во второмъ, напротивъ, развивалась общечеловѣческая благотворительность, призрѣніе нищаго и сираго, брата во Христѣ. Христіанское милосердіе вызвало, напримѣръ, со стороны Владимира Святого повелѣніе „всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій и вѣзти всякую потребу — питье и яденіе и денежныя вспомошествованія отъ ключницъ“. Но князю и этого показалось мало: не всѣ немощные и больные могутъ „долѣсти“ до его двора. И вотъ князь Владимиръ велѣлъ устроить телѣги „и вскладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ возити по городу въпрошающимъ: квѣ больній и нищъ, не моги ходити? тѣмъ раздаваху на потребу“.

Въ язычествѣ насиліе было личнымъ оскорбленіемъ и стало съ теченіемъ времени гражданскимъ и уголовнымъ преступленіемъ; въ христіанствѣ оно было не только преступленіемъ, но и грѣхомъ. Изъ языческаго взгляда на насиліе само собою вытекало и отсутствіе нравственной отвѣтственности: насильникъ не заслуживалъ наказанія не только въ теченіе земной жизни, но и въ загробномъ существованіи. Христіанскій взглядъ, наоборотъ, нерѣдко рассматривалъ невзгоды земного бытія, какъ справедливое возмездіе за насиліе, а въ будущемъ считалъ это наказаніе, какъ неизбѣжное послѣдствіе несправедливой жизни. При всемъ томъ идеи человѣческаго раскаянія и божественнаго милосердія, почти неизвѣстныя язычеству, сильно развиты были въ христіанствѣ и смягчали суровость положенія⁴⁹).

Язычество вообще довольствовалось грубою дѣйствительностью и переносило ее въ загробный міръ. Христіанство требовало нравственнаго совершенствованія, вносило въ духовную жизнь идею развитія, ставило высокіе идеалы и требовало ихъ посильнаго достиженія⁵⁰). Это породило своеобразный взглядъ въ нравственно мало развитомъ обществѣ, гдѣ добродѣтель не является естественною потребностью и духъ не настолько поглощаетъ и подчиняетъ плоть, чтобы послѣдняя не напоминала о себѣ постоянно, — взглядъ на необходимость умерщвленія плоти, насильственнаго ограниченія ея проявленій⁵¹). Всѣ типы, образовавшіеся подъ вліяніемъ христіанства, быть можетъ, въ дѣйствительности не отличались всѣми этими достоинствами, какія готовы приписать имъ сложившіяся о нихъ сказанія. Но эти сказанія, будучи сами древняго происхожденія, читались многими и могли имѣть вліяніе на многихъ⁵²).

Христіанство было перенесено на русскую почву въ извѣстныхъ формахъ народной обрядности, безъ которой, впрочемъ, не могло бы, вѣроятно, привиться русскому обществу X вѣка. Не всегда правильное пониманіе внут-

ренняго содержанія христіанскаго ученія и его обрядность порождали вредныя послѣдствія.

1. „Ангельское житіе“ въ жизни будущей можно было бы считать результатомъ праведно проведенной жизни земной, но средневѣковые христіане склонны были разсматривать его, какъ награду, какъ конкретную цѣль земного существованія. При такой точкѣ зрѣнія христіанская этика получала эгоистическую окраску.

2. Направленіе такого рода сказывалось и въ аскетизмѣ, который такъ развитъ былъ на востокѣ⁵³).

3. Если, съ одной стороны, надежда на „ангельское житіе“ иногда и являлась однимъ изъ важнѣйшихъ стимуловъ къ нравственной жизни, то съ другой — къ такой же жизни приводилъ и страхъ передъ муками ада, которыя не мало мѣста занимаютъ въ эсхатологическихъ понятіяхъ средневѣковаго христіанства⁵⁴). Такимъ образомъ страхъ передъ наказаніемъ, какъ побудительный импульсъ къ нравственной жизни, вносилъ также эгоистическую окраску и элементъ внѣшняго формальнаго ограниченія во внутреннюю правду христіанскихъ отношеній.

4. Нежелательное послѣдствіе ложнаго пониманія нѣкоторыхъ началъ христіанства вытекало и изъ чрезмѣрнаго значенія, какое пріобрѣла внѣшняя форма надъ внутреннимъ содержаніемъ: внѣшнимъ дѣйствіямъ наружнаго благочестія стала присваиваться спасительная сила, независимо отъ добрыхъ дѣлъ. Этимъ самымъ такія дѣйствія получили какъ бы сверхъестественную, магическую силу⁵⁵).

Такимъ образомъ христіанская мысль, сама того не сознавая, запутывалась въ языческихъ суевѣріяхъ.

5. Рѣзко выдѣляя человѣка изъ природы, устремляя всѣ духовныя его силы на нравственное совершенствованіе, новое ученіе вселяло въ своихъ адептовъ пренебреженіе къ тому, что такъ или иначе прикосновенно было ко всему мірскому и, въ частности, къ матеріальному міру⁵⁶).

6. Идея личнаго совершенствованія, такъ ярко выставленная христіанствомъ, временно затмевала передъ

глазами его послѣдователей сложныя задачи политическаго преуспѣянія.

Въ заключеніе скажемъ, что всѣ эти нежелательныя послѣдствія не мѣшаютъ, конечно, признать того благотворнаго вліянія, какое оказало христіанство на развитіе русской народности.

1. Оно внесло единство міровоззрѣнія въ прежній хаосъ языческихъ взглядовъ; въ немъ, какъ бы въ фокусъ, сошлись разнообразныя духовныя силы, которыя прежде разсѣивались и терялись во мракъ языческихъ вѣрованій.

2. Новое вѣроученіе распространило у насъ и идею личнаго самоусовершенствованія на пользу всѣхъ. Эта идея требовала сознательнаго отношенія лица къ своимъ дѣйствіямъ, внушала ему вѣру въ возможность личной инициативы и свободной саморазвивающейся дѣятельности—давала ему средства на борьбу и надежду на успѣхъ, словомъ, создавала изъ него силу, столь необходимую для общества.

3. Евангеліе вносило въ наши общественныя и политическія отношенія идею христіанскаго братства, идею. подъ вліяніемъ которой началась перестройка древне-русскаго общества.

Историческое значеніе монастырей въ Россіи.

Вступленіе. Вліяніе христіанства на нравственный и умственный прогрессъ Россіи.

Изложеніе. Монастыри, какъ средоточіе самыхъ образованныхъ и умныхъ людей своего времени.

I. Религіозно-нравственная сторона прогресса.

1. Распространеніе и утвержденіе христіанства среди язычниковъ и еретиковъ.

а) Вліяніе православной религіи на культуру язычниковъ и смягченіе нравовъ ихъ

в) Исправленіе еретиковъ.

2. Уваженіе монаховъ народомъ и правителями; Ооэдосій Печерскій и др.

3. Патріотическое значеніе монастырей: Сергій Радонежскій, Діонисій, Авраамій Палицынъ,

II. Умственная сторона прогресса

1. Монастыри, какъ средоточіе и убѣжище науки: Несторъ, Максимъ Грекъ, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій.

2. Основаніе первыхъ школъ въ монастыряхъ: Законоспасская школа.

III. Значеніе монастырей не только какъ разсадниковъ христіанства и центровъ просвѣщенія, но и какъ передовыхъ форпостовъ великорусской колонизаціи и образцовыхъ хозяйствъ ⁵⁷⁾.

Заключеніе. Монастыри, какъ хранители памятниковъ старины ⁵⁸⁾.

Владычество татаръ и его послѣдствія ⁵⁹⁾.

Широкія равнины средней Азіи по склонамъ Алтая издавна заселены были кочевыми, племенами которыя извѣстны были у китайцевъ подъ наименованіемъ „Татанъ“ (татаръ) впослѣдствіи названы Монголами. Монголы дѣлились на три группы: собственно Монголовъ, Бурятовъ и Калмыковъ, (иначе называемыхъ Ölöten); съ образованіемъ обширнаго Монгольскаго государства при Чингисъ-Ханѣ въ его составъ вошли и нѣкоторыя изъ племенъ тунгузскихъ и тюрскихъ, несправедливо названныхъ Татарами. Среди одного изъ этихъ монгольскихъ племенъ, кочевавшаго по берегамъ Онона и Ингоди (рѣкъ Амурской системы) во второй половинѣ XII в. явился смѣлый и даровитый вождь Темучинъ или Чингисъ—хакъ; ему удалось объединить разрозненные племена, набрать и устроить хорошее войско. Съ этимъ войскомъ Темучинъ двинулся на западъ, воспользовался о скорбленіемъ, нанесеннымъ его посламъ владѣтелемъ Бу-

харскимъ для того, чтобы покорить его земли. Преслѣдуя Ховарезмъ шаха (бухарскаго)—войска Чингинсхановы подъ предводительствомъ Чепе и Судубая-Багадура переправились черезъ Кавказъ и дошли до южно-русскихъ степей. Здѣсь столкнулись они съ половцами, которые обратились къ русскимъ князьямъ съ просьбой о помощи. Хотя войска Чингиса и не грозили имъ, русскіе рѣшили имъ помочь, какъ сосѣдямъ. Въ 1223 году произошла извѣстная битва на Калкѣ; князья русскіе, Мстиславъ Мстиславовичъ Торопецкій, Мстиславъ Романовичъ Кіевскій и Мстиславъ Святославовичъ Черниговскій, потерпѣли полное пораженіе; татары однако не воспользовались своей побѣдой и скоро отступили назадъ. Въ теченіе 14 лѣтъ русскіе люди о нихъ не слыхали ничего и готовы были забыть о самомъ ихъ существованіи: не свѣдаемъ, безопасно замѣчаетъ лѣтописецъ, откуда были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять.“

На азіатскомъ же востокѣ въ это время происходили событія, которыя снова надвинули грозу на русскую землю. Черезъ три года послѣ побѣды при Калкѣ смерть сразила великаго завоевателя. Чингисъ-Ханъ, однако, при жизни еще успѣлъ раздѣлить свои обширныя владѣнія между сыновьями: потомки умершаго Джучи получили Кишчакскую степь, Джагайтай-Туркестанъ, Угедей—Китай, Туки-юрты Угедая. Не за чѣмъ, да неважно, слѣдить за ссорами и подвигами Угедеева потомства. Важно лишь то, что въ 1235 году ханъ Угедей одержалъ верхъ надъ братьями, послалъ племянника Батыя, Джучіева сына, съ двоюродными братьями на западъ для новыхъ завоеваній. Первоначально татары явились въ Болгаріи (Волжской), затѣмъ покорили въ 1237 г. землю Рязанскую, взяли Владимиръ, разбили князя Юрія Всеволодовича на Сити и, не дошедши за 100 верстъ до Новгорода, повернули на югъ, разгромили Козельскъ, Черниговъ; Кіевъ и всю южную Русь (1240), вслѣдъ за тѣмъ они поразили польскихъ князей при Лигницѣ, но сами потерпѣли пораженіе при Голомуцѣ въ Моравіи и принуждены были отступить обратно. На этотъ разъ однако татары остались въ предѣ-

лахъ Россіи; столицею ихъ сталъ городъ Сарай (подлѣ нынѣшняго о. Селитряннаго, недалеко отъ Астрахани), наряду съ этимъ „Бѣлымъ Сараемъ” повидимому со времени Узбека (1342 г.) основанъ былъ Новый-Сарай (подлѣ Царевыхъ-Подовъ, въ 350 верстахъ отъ Астрахани). Таковы въ самыхъ краткихъ чертахъ событія, послѣ которыхъ татарское иго водворилось надъ землею Русскою.

Нашествіе татаръ на русскую землю отличалось характерными особенностями всѣхъ завоеваній подобнаго рода. Легкость, съ какою номады одерживали верхъ надъ осѣдлымъ населеніемъ, нельзя объяснять большою численностью завоевателей: у Чингисъ-хана въ его походахъ на султана Ала-едъ-дина, на Харасанъ, Персію Кавказъ, Крымъ и на Волгу (битва при Калкѣ) участвовало всего 20.000 чел. войска. За то неожиданность натиска, къ которой такъ способны кочевые народы, приводили въ страшное смятеніе мирное населеніе и дѣлало его неспособнымъ къ немедленной оборонѣ. Завоеватели, прошедши разрушительнымъ потокомъ по землѣ Русской, однако не остались въ русскихъ княжествахъ, особенно сѣверовосточныхъ, съ ихъ болотами и лѣсами, сами отстранились отъ всякихъ попеченій о завоеванной странѣ, отъ всякаго управленія ею и остались въ степяхъ нынѣшней Астраханской губерніи въ условіяхъ болѣе пригодныхъ для кочеваго быта. Это имѣло свои выгодныя и невыгодныя послѣдствія. Не усѣвши на обломкахъ старорусскихъ княжествъ, монголы дали имъ время оправиться и черезъ два съ половиною столѣтія окончательно свергнуть ненавистное иго. вмѣстѣ съ тѣмъ пребываніе полукочевыхъ ордъ на границѣ этихъ владѣній, ордъ, которыя, въ силу обособленнаго своего положенія, слишкомъ мало поддавались воздѣйствію европейской культуры, очень долго заставило русскихъ людей держаться насторожѣ и во многомъ задержало наше развитіе, временно подчинивъ его тяжелому татарскому игу.

Земля Русская, завоеванная татарами, подчинена была татарскому хану; но зависимость эта была скорѣе внѣш-

ней: — хотя русскіе князья и должны были признавать надъ собою верховную власть хана и получать отъ него ярлыки на свои княженія, но внутреннее управленіе русскихъ князей осталось почти нетронутымъ. Русская православная церковь также пользовалась уваженіемъ со стороны завоевателей, такъ, напримѣръ, въ законодательномъ сборникѣ Чингиса „Ясы“ прямо предписывается уважать духовенство. И дѣйствительно татарскіе ханы жаловали ярлыки митрополитамъ: уже въ первомъ изъ нихъ, — ярлыкѣ хана Узбека митрополиту Петру, послѣднему предоставляется полная свобода отъ податей ⁶⁰⁾. Послѣдующіе акты такого же рода отличались тѣмъ же характеромъ. Татарское иго сказывалось главнымъ образомъ въ тѣхъ тяжелыхъ податныхъ и военныхъ обязанностяхъ, которыя русское населеніе должно было выполнять въ пользу татарскаго хана. Для опредѣленія народныхъ силъ, способныхъ къ исправленію этихъ обязанностей, татары переписали населеніе кievское въ 1245 г., изочли земли: Суздальскую, Рязанскую, Муромскую (въ 1257) и Новгородскую (въ 1259 г.). Все мужское населеніе, начиная съ десятилѣтняго возраста пересчитывалось поголовно и облагалось равномерною данью. Татары обыкновенно требовали отъ покоренныхъ народовъ выполненія весьма разнообразныхъ податныхъ обязанностей: отправлялись нѣкоторыя личныя и натуральныя повинности, какъ-то, ямская, подводная, ловитва ханская (обязанности помогать хану на охотѣ) и кормъ; платились прямые налоги въ родѣ поплужнаго (денежные сборы съ плуга, быть можетъ, поземельной мѣры), дани десятинной, запроса, даровъ, поминковъ; косвенные налоги, какъ напримѣръ, мытъ (таможенныя пошлины) и мостовщина. Кромѣ податныхъ существовали и военныя обязанности: съ населенія собиралась рать, а въ случаѣ похода ханскаго подчиненный князь, разумѣется, долженъ былъ явиться на помощь къ верховному своему владыкѣ. Подобнаго же рода, вѣроятно, обязанности лежали и на русскихъ князьяхъ и на населеніи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ прямо упоминаются лѣтописями. Для сбора

всякихъ даней татары разсылали своихъ сборщиковъ — баскаковъ: они отличались большою жестокостью и безцеремонностью. Безчинства баскака Ахмата, получившаго Рыльскую землю въ 1283 году, занесены въ нашу лѣтопись и вызвали со стороны лѣтописца слѣдующее замѣчаніе: *„се же зло (появленіе баскаковъ) створися великое грѣхъ ради нашихъ, Богъ бо казнить челоуѣка челоуѣкомъ; тако наведе Богъ сего бесурменина злого за неправду нашу, мню убо и князи ради, зане живяхуть въ которыхъ межи собою”* ⁶²⁾. Народныя былины также сохранили тяжелое воспоминаніе о баскакахъ ⁶³⁾. Лишь съ XIV вѣка Московскіе князья мало по малу выговорили себѣ право взимать дань при помощи собственныхъ сборщиковъ и препровождать въ Орду.

Географическія, этническія, соціальныя и политическія условія, повліявшія на возвышеніе Московскаго княжества.

Политическое объединеніе сѣверовосточной Руси совершилось не сразу: много вѣковъ прошло прежде, чѣмъ московскимъ князьямъ, благодаря выгоднымъ условіямъ, въ какія было поставлено ихъ княжество, — удалось возвыситься надъ остальными сосѣдними князьями, и сплавить разрозненныя владѣнія ихъ въ одну плотную массу.

1. *Географическія условія* ⁶⁴⁾. Московскій удѣлъ расположенъ былъ въ области р. Москвы, которая Сходней и Яузой могла соединяться съ областью р. Клязьмы, а также связывала Оку съ Волгой. Онъ, какъ и самый городъ Москва, повидимому поставлены были въ благопріятное положеніе для веденія торговли, въ началѣ, впрочемъ, едва ли особенно значительной. Слѣдуетъ замѣтить также, что Москва расположена была около истоковъ Волги, недале-

ко стояла и отъ истоковъ Днѣпра, а Мологой и Шексною сближалась съ истоками Мсты и Сухоны; естественно было московской силѣ съ теченіемъ времени спуститься внизъ по теченію этихъ рѣкъ. Москва съ удѣломъ находилась при этомъ на рубежѣ между Суздальскою и Кіевскою Русью; она, слѣдовательно, была переходнымъ пунктомъ, въ которомъ случайно могло осѣдать бродячее населеніе, что, вѣроятно, происходило нерѣдко, въ виду выгоднаго положенія Московскаго удѣла вдали отъ западныхъ и восточныхъ сосѣдей, беспокоившихъ Тверь и Рязань ⁶⁵); въ немъ безопаснѣе жило мѣстному населенію; такую безопасностью онъ привлекалъ и стороннихъ переселенцевъ.

Въ Московское княжество, по примѣру извѣстнаго кіевскаго боярина Родіона Несторовича ⁶⁶), а также Плещеева, боярина Черниговскаго, стекалось, вѣроятно, и много другихъ менѣе знатныхъ колонистовъ; приходили они не только съ юга, но и изъ окрестныхъ полуразоренныхъ областей ⁶⁷). На такого рода переселенія, быть можетъ, сохранились косвенныя указанія въ запискахъ иностранцевъ, лѣтъ двѣсти спустя посѣщавшихъ эти мѣста. По ихъ увѣреніямъ, московская почва оказывалась гораздо менѣе плодородной, чѣмъ въ областяхъ Нижегородской и Владимирской. Возможно объяснить такое различіе болѣею скученностью населенія по берегамъ Москвы, нежели въ другихъ углахъ сѣверо-восточной Руси, скученностью въ силу которой и почва въ этой области истощилась скорѣе, чѣмъ въ остальныхъ. По мѣрѣ того, однако, какъ росла населенность московскаго княжества, богатѣли и его князья, что, въ свою очередь, давало имъ возможность еще болѣе и скорѣе увеличивать свои средства, пуская ихъ, такъ сказать, въ политическій оборотъ. Дѣйствительно, благодаря этимъ средствамъ, московскіе князья выкупали плѣнныхъ изъ Орды ⁶⁸) и, вѣроятно, пользовались затруднительнымъ положеніемъ такихъ областей, какъ Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ, не способныхъ выплачивать ордынской выходъ,—и приобрѣтали ихъ у мѣстныхъ удѣль-

ныхъ князей, какъ это дѣлалъ великій князь Дмитрій Ивановичъ; наконецъ, тѣ же средства позволяли московскимъ князьямъ выдавать льготы переселенцамъ и такимъ образомъ, конечно, привлекать еще большее число колонистовъ. Богатство и сила наслѣдниковъ Даниила, всегда умѣвшихъ во время купить себѣ ханскій ярлыкъ, придавали имъ такое политическое значеніе, какого не имѣли другіе князья. Могущество ихъ возрасло еще болѣе, когда срединное положеніе Московскаго княжества, плотность его населенія и рядъ послѣдствій, вызванныхъ его ростомъ, въ связи съ ловкой политикой князей, способствовали перенесенію митрополичьей каѳедры съ разореннаго юга Россіи на сѣверъ, въ Москву. Такимъ образомъ, здѣсь утвердился и религіозный центръ русской жизни, единственный на всю Россію. Но, если вспомнить, что къ этому центру православія стали мало-по-малу тяготѣть и неразрывно связанные съ нимъ рациональные интересы, перенесеніе митрополичьей каѳедры изъ Кіева въ Москву получить еще болѣе важное значеніе въ нашихъ глазахъ. Это понимали князья, которымъ не удалось водворить митрополичью каѳедру въ своихъ столицахъ ⁶⁹).

2. *Этническія условія* имѣли также нѣкоторое значеніе въ дѣлѣ политическаго объединенія сѣверо-восточной области. Великорусское племя, какъ извѣстно, образовалось изъ юго-западныхъ переселенцевъ, смѣшавшихся съ остатками новгородскихъ колонистовъ и съ финскими (урало-алтайскими) племенами. Эта помѣсь и сношенія съ ней не прошли безъ вліянія на антропологическій типъ, на языкъ, характеръ великорусса и его бытъ. Общіе результаты, добытые по этому вопросу, возможно перенести и на населеніе, обитавшее въ предѣлахъ Московскаго княжества, мѣстныя особенности котораго остаются неизвѣстными и едва ли рѣзко отличались отъ остальной территории будущаго Московскаго царства. Замѣтимъ только, что самая помѣсь между двумя малородственными народностями, порождая антропологическія условія, наиболѣе пригодныя для быстрого и успѣшнаго размноженія населенія, уси-

ливала, такимъ образомъ, и благопріятныя послѣдствія такого роста; съ теченіемъ времени народность, говорившая на великорусскомъ нарѣчій, заняла пространство, лежащее на сѣверо-востокъ отъ линіи, проведенной между юго-западнымъ угломъ Пейпуса и устьями Дона.

3. *Соціальныя условія.* Отношенія русскаго князя къ жителямъ были на сѣверѣ далеко не тѣми, что на югѣ. Если тамъ пришлые князья на мѣстахъ уже застали осѣдлое городское населеніе, то здѣсь, наоборотъ, послѣднее гостило у князя и принуждено было примириться съ тѣми условіями, какія предъявилъ имъ рачительный хозяинъ. Поэтому естественно, договорныя отношенія между княземъ и „людьми“ далеко не такъ ярко сказывались на сѣверѣ и легче уступали мѣсто новому порядку. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что тогда, какъ на югѣ населеніе нерѣдко скупивалось въ городахъ, занималось торговлей и отличалось предпримчивостью и самостоятельностью, русскіе колонисты на сѣверо-востокѣ привязаны были къ землѣ, жили разрозненно деревнями и обнаруживали менѣе охоты и способностей отстаивать свою независимость, хотя и отличались стойкостью, оказывались матеріаломъ, гораздо болѣе прочнымъ для постройки государственнаго зданія. Если средній, городской, промышленно - торговый классъ въ Московской Руси почти вовсе отсутствовалъ ⁷⁰⁾ и, такимъ образомъ, не представлялъ политическихъ преградъ къ развитію самодержавія, то высшіе классы, бояре и духовенство, первоначально признававшіе единство своихъ интересовъ съ интересами великаго князя, напротивъ, несомнѣнно способствовали укрѣпленію его власти. Соціальныя условія на первыхъ порахъ, какъ видно, благопріятствовали развитію самодержавія въ сѣверо-восточной Руси. Низшій классъ населенія служилъ прочнымъ фундаментомъ, на которомъ сами же представители высшаго класса строили новый порядокъ московскаго единодержавія, вскорѣ придавившій недальновидныхъ каменщиковъ. Замѣтимъ при этомъ, что тяжелыя условія жизни, въ какія попало населеніе сѣверо-восточной области при ея ко-

лонизаціи, стали еще суровѣе по водвореніи татарскаго ига; населеніе въ борьбѣ съ невѣрными, не теряя прежней выносливости и терпѣнія, приобрѣтало новую стойкость, хотя и не любило войны, не отличалось стремительностью натиска, и, гдѣ нужно было стать крѣпко и защищаться, тамъ его можно было убить, но не сдвинуть съ мѣста ⁷¹⁾.

4) *Политическія условія*, въ какія поставлена была Москва въ XIII — XV в. в., также способствовали ея возвышенію.

Татарское иго приучило русскихъ людей преклоняться передъ единою, верховною властью хана. „Мы есмы въ Божьей волѣ, писалъ Дмитрій Донской, и въ Царевѣ ⁷²⁾: какъ повелитъ, такъ ны дѣяти“ ⁷³⁾. Князья московскіе ранѣе и лучше другихъ сумѣли воспользоваться этими новыми условіями и сдѣлать ихъ благопріятными для развитія своей собственной власти.

Московский удѣлъ, сравнительно съ другими окружавшими его территоріями, первоначально находился въ незавидномъ положеніи. Послѣднее вызывало московскихъ князей, самихъ по себѣ не лишенныхъ дарованія, къ чрезвычайнымъ мѣрамъ; оно порождало въ нихъ смѣлость политическаго замысла, воспитывало осторожность и твердость воли, выбивало ихъ изъ колеи обычной политики удѣльнаго князя. Михаилъ Ярославичъ, Даниилъ Ярославичъ, Юрій Даниловичъ — князья, которые нарушаютъ родовой порядокъ престолонаслѣдія путемъ далеко необычнымъ ⁷⁴⁾. Отношенія къ Ордѣ также содѣйствовали возвышенію московскихъ князей. Нельзя не признать за татарами нѣ котораго значенія въ дѣлѣ политическаго объединенія Московскаго удѣла, а также въ усиленіи московскаго князя по отношенію къ другимъ князьямъ Русской земли.

Въ первомъ случаѣ вліяніе это можетъ быть охарактеризовано такъ: налоги, взимаемые въ пользу хана, были общеобязательными для населенія, должны были возбуждать вопросъ о распредѣленіи податнаго бремени между отдѣльными классами и ближайшемъ опредѣленіи, если не

источниковъ обложенія, по крайней мѣрѣ, податной единицы, съ которой они могли бы взиматься; вызывали, наконецъ, стремленіе возможно болѣе удобно строить обложеніе. Словомъ, они приобрѣли государственный характеръ ранѣе сборовъ, взимавшихся на удовлетвореніе личныхъ и первоначальныхъ частныхъ потребностей великаго князя, его вольныхъ и невольныхъ слугъ, а также до того времени, когда сложились податныя единицы и обязанности, удовлетворявшія нуждамъ государственной защиты. Поэтой они должны были послужить довольно могущественнымъ факторомъ въ переходѣ простыхъ частно-хозяйственныхъ доходовъ или случайной самопомощи въ государственные налоги и повинности. Такимъ-то путемъ податныя отношенія къ Ордѣ могли отчасти способствовать финансовому объединенію Московскаго княжества и другихъ областей, находившихся въ такомъ же положеніи.

„По мѣрѣ поступленія татарской дани въ его казну, богатѣлъ великій князь московскій. Въ противоположность западно-европейскимъ государствамъ, онъ не нуждался въ деньгахъ. Располагая значительными по тому времени средствами, онъ содержалъ многочисленную дружину, покупалъ землю у обѣднѣвшихъ князей или приобреталъ заложенные у него имущества владѣльцевъ по несостоятельности послѣднихъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденъ былъ отъ необходимости обращаться къ населенію съ запросами о денежныхъ вспомошествованіяхъ взаимнѣ политическихъ льготъ“ ⁷⁵). Кромѣ податныхъ отношеній къ Ордѣ, на объединеніе Московскаго удѣла могла повліять и необходимость возможно лучше оградить себя отъ татарскихъ набѣговъ; постоянное руководство въ самозащитѣ естественно выпадало на долю князя, приобретающаго, благодаря такой роли, новое значеніе въ своемъ удѣлѣ.

Во второмъ случаѣ, т. е. въ исторіи усиленія власти московскаго князя надъ властью другихъ князей, зависимость отъ татарскаго хана также имѣла нѣкоторое значеніе. Съ одной стороны, благодаря этой зависимости, родовой порядокъ наслѣдованія терялъ прежнюю силу и да-

валъ возможность выдвинуться отдѣльнымъ личностямъ, а слѣдовательно и тѣмъ князьямъ, которые, подобно московскимъ, занимали младшее мѣсто въ родовомъ распорядкѣ. Съ другой стороны, внесеніе татарской дани однимъ московскимъ княземъ за другихъ князей ставило его несравненно выше послѣднихъ въ политическомъ отношеніи. Правда, самъ ханъ утверждалъ не только великаго князя, но и cadaго изъ удѣльныхъ, но, съ другой стороны, утвержденіе московскихъ великихъ князей имъ въ великокняжеское достоинство тѣмъ самымъ увеличивало его власть надъ ближайшими, отъ него зависившими князьями. Когда Симеонъ Ивановичъ Гордый получилъ ярлыкъ на великое княженіе, „все князи русскіи ⁷⁶⁾ подъ руцѣ его даны“.

Такимъ образомъ отношенія къ Орду вызывали политическое объединеніе Московскаго удѣла и выдвигали его князей преимущественно передъ другими князьями того времени.

Основные начала русской государственности.

Съ XIII вѣка удѣльные княжества стали постепенно объединяться, благодаря различнымъ внутреннимъ, а отчасти и внѣшнимъ условіямъ (татарское иго) около двухъ центровъ: сѣверо-восточнаго (Суздаль и Владимиръ) и юго-западнаго (Галичъ).

Въ системѣ удѣльныхъ княжескихъ столовъ, образовавшейся въ XII вѣкѣ, можно видѣть зародыши іерархіи позднѣйшей, осложненной и болѣе строгой іерархіи политическихъ тѣлъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени сложилось русское государство. Зачатки новаго государственнаго строя приводили къ двумъ общимъ послѣдствіямъ: 1) лицо въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, подчинилось государству, но въ немъ же нашло себѣ защиту

отъ произвола и насилія; теряя свою независимость, лицо, такимъ образомъ, получало возможность развивать свою личную свободу не во вредъ, а на пользу остальнымъ членамъ общества. 2) Большое количество политическихъ тѣлъ, входившихъ въ составъ юнаго государства и тяготѣвшихъ къ меньшему числу крупныхъ общихъ центровъ, крѣпче сrostались въ одно цѣлое.

Развитіе же русской національности далеко еще не завершилось къ концу XIII вѣка. Вопросъ о народности, которая должна была лечь въ основу русскаго государства, оставался не рѣшеннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда татары клиномъ врѣзались въ Русскую землю, она не выдержала и „треснула на двое“; образовалось два племени: Малорусское и Великорусское. Одно изъ нихъ подчинилось Литовско-Польскому королевству, другое опредѣлилось въ Московскомъ государствѣ; короли Литовскіе объединили юго-западную Русь; то же на сѣверо-востокѣ сдѣлали великіе князья Московскіе. При этомъ первые все болѣе проникались иноземными, вторые — національными тенденціями. Столкновеніе между этими двумя комплексами, опасными другъ для друга, становилось поэтому неизбежнымъ и должно было такъ или иначе вырѣшиться вопросъ, зародившійся въ XIII вѣкѣ. Цѣли этой нельзя было достигнуть путемъ мирной конкуренціи на почвѣ матеріальной или духовной культуры. Для этого русскіе люди XIII в. не обладали достаточнымъ запасомъ хозяйственныхъ и образовательныхъ средствъ, да и некогда было и развивать ихъ: съ востока населенію грозили татары, съ запада — поляки. А между тѣмъ цѣльной и болѣе и менѣе крѣпкой общественной организаціи у этого населенія не было: разные принципы древно-русскаго общественнаго строенія противорѣчатъ другъ другу; общественныя силы были разсѣяны и не могли препятствовать послѣдующей политикѣ правительства, направленной на безусловное подчиненіе ихъ интересамъ даннаго государственнаго строя, слѣдовательно не могли имѣть и самостоятельнаго значенія въ рѣшеніи сложныхъ вопросовъ международной

политики, отъ котораго зависѣла дальнѣйшая судьба государства. Политическія начала, выработанныя древнею Русью, также оказались мало пригодными для этихъ цѣлей; ея политическая организація также далеко еще не опредѣлилась; удѣльный порядокъ, какъ извѣстно, не дѣйствовалъ на пространствѣ всей Россіи: вѣчевыя общины ему не подчинялись, стояли особнякомъ. Самый удѣльный порядокъ въ XIII вѣкѣ уже замѣтно пошатнулся: родовыя связи между князьями Рюрикова дома стали слабѣть, а главный центръ его потерялъ прежнее значеніе. Переповторяясь въ отдѣльныхъ великихъ княжествахъ, въ каждомъ независимо отъ остальныхъ, удѣльный порядокъ, очевидно, становился не достаточнымъ для объединенія этихъ княжествъ; они начинали рѣшать дѣла между собою силою и рядомъ.

Въ этомъ способѣ и лежали зародыши новаго монархическаго порядка, который по условіямъ того времени оказался самымъ дѣйствительнымъ политическимъ орудіемъ для тѣхъ боевыхъ цѣлей, какія въ XIII—XVII в.в. поставлены были на очередь международными отношеніями на востокѣ Европы.

Экономическія, культурныя и политическія послѣдствія татарскаго ига⁷⁷⁾.

Послѣдствія татарскаго завоеванія были экономическаго, культурнаго и политическаго свойства.

Въ экономическомъ отношеніи отъ татарскаго погрома особенно пострадала южная Русь. По сѣверо-восточнымъ областямъ татары прошли, почти не останавливаясь и даже не заглядывая въ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ на примѣръ, въ Новгородскую, тогда какъ по южной ходили впередъ до Голоскуда и назадъ къ Волгѣ. Кромѣ того, близкое сосѣдство съ кочевниками, при отсутствіи какихъ

бы то ни было естественныхъ преградъ, ставили южную Русь почти въ беззащитное положеніе; татары часто разоряли пограничныя земли. Давно уже высказано было мнѣніе⁷⁸⁾, что она была даже совершенно опустошена, а малорусская народность образовалась изъ новыхъ поселенцевъ, прибывшихъ сюда съ Карпатъ, изъ Литвы и Польши, и смѣшалась съ татарами. Плано Карпини, проѣзжавшій черезъ Кіевскую область, дѣйствительно, свидѣтельствуешь о сильномъ запустѣніи страны; на то же указываютъ Суздальская и Воскресенская лѣтописи. Однако нѣтъ никакой возможности придавать этимъ свидѣтельствамъ безусловное значеніе. Большинство изслѣдователей⁷⁹⁾ склоняются къ мысли, что часть населенія осталась, хотя разореніе и было, разумѣется, весьма значительнымъ. Дѣйствительно, мнимыя извѣстія о полномъ запустѣніи Украйны слишкомъ неопредѣленны, а иногда сами себѣ противорѣчатъ. Даниилъ Галицкій, напримѣръ, послѣ татарскаго погрома привлекаетъ новыхъ поселенцевъ въ свои владѣнія и даже вызываетъ разбѣжавшееся туземное населеніе изъ лѣсовъ на прежнія мѣста. Такимъ образомъ татарское нашествіе едва ли особенно способствовало коренному измѣненію этнографическаго состава южно-русскаго населенія; оно только понизило численность жителей. Страна запустѣла и обѣднѣла; промышленность и торговля совсѣмъ упали и уже не достигали сравнительно большаго развитія, какимъ онѣ отличались въ Кіевской области до появленія татаръ. Менѣе вредно отозвалось татарское разореніе на благосостояніи сѣверо-восточной Руси. Самыя условія мѣстности (лѣса и болота) давали возможность укрыться отъ погрома. Населеніе жило здѣсь гораздо менѣе скученно, чѣмъ на югѣ, и разорять во многихъ мѣстностяхъ было нечего. Сѣверо-восточная Русь не поднималась до той степени благосостоянія, какой успѣла достигнуть Русь юго-восточная; слѣдовательно, разореніе для нея было менѣе чувствительнымъ.

Культурныя послѣдствія опустошенія, къ сожалѣнію, въ точности опредѣлить весьма трудно по недостатку ка-

кихъ бы то ни было спеціальныхъ изслѣдованій того вліянія, какое въ этомъ отношеніи оказало на нашу жизнь татарское иго. Можно думать, что нѣсколько спеціальныхъ терминовъ перешло изъ восточныхъ языковъ въ русскій; таковы, напримѣръ, слова: *Казань* (чугунный котель), *шаровары*, *колпакъ*, *кушакъ* (слова схожія съ турецкими), затѣмъ *деньга*, *копейка*, *алтынъ*, *ямъ*, *тамга* (tamgha), *тарханъ* (слова татарскія⁸⁰).

Если и принимать такого рода гадательныя предположенія, во всякомъ случаѣ, нѣтъ основанія утверждать, что самыя понятія, связанныя съ заимствованными словами, не существовали до появленія татаръ; впрочемъ, съ нѣкоторой вѣроятностью можно полагать, что эти понятія утвердились или видоизмѣнились, благодаря заимствованію. Возможно, напримѣръ, что кое-какія особенности нашей финансовой системы сложились подъ вліяніемъ татарскимъ. Въ житіи Петра, царевича Ордынскаго⁸¹), сохранился, на примѣръ, любопытный рассказъ о томъ, какъ князь „повелѣ извлечь вервь отъ воротъ до воды“ и проч., т. е. отмежевать землю, а царевичъ Петръ сказалъ: „да повелиши, княже, ровъ копати, яко же въ Ордѣ бываетъ“... и граждане... „въ той часъ ископаша ровъ“⁸²).—На русскихъ денежныхъ знакахъ, повидимому, замѣтно то же вліяніе. Недавно въ Княгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., найденъ кладъ русскихъ монетъ, содержащій между прочими „подражанія“ татарскимъ⁸³).

Важнѣе было отрицательное вліяніе татаръ на русское просвѣщеніе XIII и XIV вв. Почти всѣ живыя общественныя силы того времени уходили на борьбу изъ-за матеріальнаго существованія и политической самобытности. На духовное развитіе не доставало ни времени, ни средствъ. Образование за это время едва ли осталось на прежнемъ уровнѣ. Не говоря о низшихъ классахъ населенія, и духовенство и высшіе слои русскаго общества отличались порядочнымъ невѣжествомъ. Митр. Исидоръ говорилъ папѣ Евгенію (быть можетъ, впрочемъ, съ нѣкоторымъ пристрастіемъ), что „епископы русскіе—люди не

книжные“. Центромъ, гдѣ теплилась еще искра просвѣщенія, были монастыри, какъ извѣстно, пользовавшіеся уваженіемъ самихъ татаръ; поэтому въ нихъ искали убѣжища не только отъ суетности, но и отъ опасности мірской жизни. Но монастырей въ первое столѣтіе послѣ нашествія татаръ возникло всего лишь какихъ-нибудь десятка три, лишь съ 1340 по 1440 годъ ихъ появилось гораздо болѣе—до 150-ти.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, нечего было и думать о свѣтской литературѣ. Преобладающимъ литературнымъ типомъ были проповѣди, посланіе или житіе; искусство почти совсѣмъ заглохло. Не менѣе печальнымъ образомъ отразилось татарское иго и на правахъ русскаго общества XIII—XIV вѣковъ. Отсутствіе безопасности и постоянныя войны приучали мужчинъ къ походной жизни, а женщину загоняли въ теремъ. Мужское общество безъ женскаго грубѣло, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находилось въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ татарами. Извѣстно, напримѣръ, что рязанцы отличались болѣе грубыми правами, чѣмъ жители другихъ сѣверо-русскихъ княжествъ.

Но, кромѣ послѣдствій экономическихъ и культурныхъ, татарское иго породило и новыя политическія отношенія. Верховнымъ владыкой Русской земли сталъ татарскій ханъ: онъ раздавалъ ярлыки на княженія. Отсюда новыя политическія отношенія князей къ татарскому хану, въ которомъ они волей неволей должны были признать верховную власть. Это естественно подготовляло ихъ нѣсколько къ будущему господству великаго князя московскаго, приучало ихъ признавать надъ собой, если не юридически, по крайней мѣрѣ, фактически одну и ту же политическую силу, не находившую себѣ никакихъ оправданій въ прежнихъ родовыхъ счетахъ Рюриковичей. Впрочемъ, отношенія владимирскихъ и галицкихъ князей къ татарскому хану въ первое время были различны. Первые вскорѣ поняли невозможность противиться татарамъ. Ярославъ Всеволодовичъ уже въ 1243 году отправился въ орду за полученіемъ

ярлыка на великое княженіе; то же дѣлалъ братъ его Святославъ. Отношенія Александра Невского Ярославича къ татарскому хану хорошо извѣстны (1252—1263). Онъ не разъ отправлялся въ Орду, задаривалъ хана и уговаривалъ новгородцевъ подчиниться татарской переписи. Нельзя упрекнуть Александра въ недостатокъ храбрости и военного таланта. Его побѣда надъ шведами на Невѣ и надъ нѣмцами на Чудскомъ озерѣ показываетъ, что онъ въ минуты опасности способенъ былъ на открытый бой. Тѣмъ болѣе политическаго благоразумія слѣдуетъ признать въ его отношеніяхъ къ хану. Оно принесло свои плоды: несмотря на возстаніе населенія противъ татарскихъ баскаковъ въ Ростовѣ, Владимирѣ, Суздалѣ и Ярославлѣ, Александру тѣмъ не менѣе удалось отвратить второе монгольское нашествіе на русскую землю. Иначе относится къ татарамъ галицкій князь Даниилъ Романовичъ. Онъ явно сопротивлялся татарскому владычеству, искалъ средствъ насильственнымъ путемъ освободиться отъ ненавистнаго ему ига и для этого обезпечилъ свои границы крѣпостями, принялъ королевскій вѣнецъ отъ Иннокентія IV и готовъ былъ заключить унію съ тѣмъ, чтобы папа проповѣдывалъ крестовый походъ противъ невѣрныхъ. Разочаровавшись въ папской помощи, онъ обратился къ союзу съ княземъ литовскимъ Миндовгомъ, но и отъ него не добился существенной поддержки. Такимъ образомъ старанія Даниила оказались напрасными: татарскій баскакъ Бурундай велѣлъ сломать всѣ галицкія крѣпости. Чужеземной помощи Даниилъ не дожидаясь, такъ что уже въ 1257 г. папа Александръ IV укорялъ галицкаго короля за отступленіе его отъ католической церкви и увѣщалъ его возвратиться въ ея лоно⁸⁴). Въ концѣ концовъ кн. Даниилъ принужденъ былъ явиться на поклоненіе хану (1250 г.) и тѣмъ признать татарское иго. Въ 1264 г. умеръ даровитый, но слишкомъ пылкій галицкій князь. Народная молва сохранила намъ два преданія, въ которыхъ довольно рельефно обрисовываются разные политическіе облики князей владимирскихъ и галицкаго. Але-

ксандръ пріѣхалъ въ орду и самъ Батый, поговоривъ съ княземъ, призналъ въ немъ мудраго правителя и сказалъ своимъ вельможамъ: „воистину повѣдаша ми, яко нѣсть князя подобна ему“. Посѣщеніе Данииломъ хана представлено въ довольно унижительномъ видѣ; лѣтописецъ съ видимымъ раздраженіемъ описываетъ эту поѣздку, старается сгладить ея неприглядныя стороны и найти утѣшеніе въ религіознымъ чувствамъ⁸⁵).

Юго-западная Русь, какъ видно, поставлена была въ гораздо менѣе благоприятныя условія развитія, чѣмъ сѣверо-восточная; они въ значительной степени созданы были тѣмъ, что послѣдствія татарскаго нашествія неравномѣрно сказались въ одной и другой не только въ экономическомъ, культурномъ и политическомъ, но даже въ церковномъ отношеніи. Самъ представитель русской церкви, митрополитъ Максимъ, въ 1299 году перенесъ митрополичью кафедру изъ Кіева во Владимиръ, и такимъ образомъ за владимирскимъ великимъ княженіемъ призналъ первенствующее значеніе среди русскихъ земель того времени.

Разореніе, понесенное отъ татаръ, и монгольское иго, которое повело къ необходимости признать надъ собою верховную власть хана, ослабили политическое значеніе галицкаго и владимирскихъ князей, при чемъ подорвали силы первыхъ въ большей степени, чѣмъ силы вторыхъ. Явленія эти повели къ новымъ послѣдствіямъ. Родовыя отношенія князей, потомковъ Даниила Романовича и Ярослава Всеволодовича, не могли возстановиться въ прежнемъ видѣ: они подрывались зависимостью отъ хана и давали просторъ личной предпримчивости князей. Въ свою очередь, эти отношенія еще болѣе вліяли на паденіе прежнихъ политическихъ центровъ—Галича и Владимира.

Внутренній строй Галича, какъ извѣстно, былъ довольно ненадежнымъ, представлялъ менѣе устойчивости, чѣмъ зарождавшійся государственный строй сѣверо-восточныхъ княжествъ. Притомъ Галичъ вмѣстѣ съ остальною южною Русью болѣе пострадалъ отъ татарскаго разоренія, чѣмъ Владимиръ, и галицкіе князья не такъ умѣло

справлялись съ татарскимъ игомъ, какъ владимирскіе. По смерти Даниіла между его сыновьями (Львомъ и Мстиславомъ) происходили междоусобія. Если сюда еще присоединить то неблагопріятное положеніе между татарами, Венгріей, Польшей и Литвой, въ какомъ находилось Галицкое княжество, тѣ неудачныя большею частью войны съ Польшей и Литвою, которыя вели правнуки Даниіла, Андрей и Левъ Юрьевичи, и сынъ Андрея Юрій, то неудивительно будетъ паденіе Галицкаго княжества. Въ 1330 г. Воынь и др. южнорусскія земли отошли къ Литвѣ, а въ 1340 г. Галичъ присоединенъ былъ къ Польшѣ. Вліяніе Литвы на южную Русь было довольно благопріятнымъ: литовскіе князья оградили Русь отъ татарской власти, раздвинули предѣлы южнорусской земли до Чернаго моря и приступили къ дѣйствительному заселенію южно-русской Украйны. Вліяніе Польши на Воынь и западную Подолію въ XIV и XV вв. не имѣло плодотворныхъ результатовъ. Поляки не освободили этой области отъ татаръ, не способствовали ея дальнѣйшему заселенію и не инкорпорировали частей этой страны. Въ Подоліи, въ которой хозяйничали извѣстный Снитко, лишь съ появленіемъ и утвержденіемъ въ ней власти Коріатовичей, а затѣмъ и Витовта, послѣдовало уничтоженіе татарской власти въ странѣ, постройка укрѣпленныхъ мѣстъ и городовъ⁸⁶).

Политическія отношенія въ сѣверо-восточной Руси также измѣнились. Хотя прежній родовой порядокъ признавался, а возникавшій вотчинный упалъ, тѣмъ не менѣе на дѣлѣ замѣчается постоянная борьба между князьями, потомками Всеволода и Ярослава Всеволодовича изъ-за великокняжескаго стола, но далеко уже не въ силу родовыхъ правъ. Святославъ Всеволодовичъ насильственно смѣщенъ былъ съ великокняжескаго престола, впрочемъ, не надолго племянникомъ Михаиломъ Ярославичемъ; тому же Святославу приходилось бороться и съ другимъ племянникомъ Андреемъ Ярославичемъ. Умираетъ Святославъ, и между сыновьями Ярослава Всеволодовича Андреемъ и Александромъ начинаются споры; они заканчи-

ваются тѣмъ, что великое княженіе получаетъ Александръ. По смерти этого князя борьба продолжается между его братомъ Василиемъ и сыномъ Дмитріемъ Александровичемъ. Наконецъ, между послѣднимъ и братомъ его Андреемъ Александровичемъ въ теченіе 30 лѣтъ безъ малаго (1276—1304), также нерѣдко происходили столкновенія изъ-за того же великокняжескаго стола. Такимъ образомъ, извѣстная борьба между московскими князьями и тверскими, начавшаяся несправедливымъ водвореніемъ на великокняжескомъ столѣ Юрія Даниловича, внука Александра Невскаго, помимо дяди Михаила Ярославича, не была первымъ случаемъ такого рода. На ряду съ этимъ разложеніемъ родового порядка, которое вызвано было, съ одной стороны, ослабленіемъ родовыхъ отношеній, съ другой—возможностью добывать себѣ ханскій ярлыкъ на великое княженіе, помимо родовыхъ правъ, замѣчается и паденіе того политическаго значенія, какимъ пользовалось Владимірское княженіе. Ярославъ Ярославичъ (1264—1272) жилъ больше въ Твери, Василій (1272—1276 г.) въ Костромѣ: эти князья остаются въ своихъ княжествахъ даже въ то время, когда носятъ титулъ великихъ князей владимірскихъ; такое же стремленіе, быть можетъ, существовало и у Дмитрія Переяславскаго и у Андрея Городецкаго, тѣмъ болѣе у московскихъ князей. Такимъ образомъ, въ сѣверо-восточной Руси въ XIII—XIV вв. падало значеніе Владимира, какъ политическаго центра.

Итакъ, нѣтъ возможности отрицать то вліяніе, какое оказало татарское иго на наше развитіе. Вліяніе это скорѣе косвенно отразилось въ нашемъ внутреннемъ бытѣ и прямо сказалось въ измѣнившемся строѣ политическихъ отношеній. Монгольское владычество тяжело отозвалось на состояніи нашего просвѣщенія и хозяйства и послужило суровой школой для русской политики. Послѣдствія его обнаружились, наконецъ, и въ явленіяхъ, которыя не могутъ быть подведены подъ одну изъ частныхъ категорій намѣченныхъ выше. Съ появленіемъ татаръ русская народность стала еще рѣзче прежняго противопоставлять самое

себя, какъ національное и религіозное цѣлое, ордѣ ино-родцевъ и иновѣрцевъ; въ такомъ противоположеніи русскій народъ находилъ новую опору въ дѣлѣ развитія своего національнаго самосознанія. Татарскій погромъ связалъ всѣхъ русскихъ въ одно цѣлое и другимъ путемъ — *однимъ общемъ горемъ, горемъ всей земли Русской*.

Внѣшняя политика Московскихъ государей въ XVI—XVII вв.

Всю внѣшнюю политику Московскихъ государей въ XVI—XVII вв. можно раздѣлить на: теорію международныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII в.⁸⁷⁾, отношенія Московскаго государства къ востоку въ XV—XVI вв.⁸⁸⁾.

1. Не смотря на то, что теорія международнаго права въ Европѣ стала складываться съ первой половины XVII ст., европейскія государства въ отношеніяхъ своихъ другъ къ другу продолжали держаться исключительно національной *эгоистической точки* зрѣнія, по крайней мѣрѣ, до второй половины XVIII в. Московское царство въ этомъ отношеніи, конечно, не представляло исключенія, но старалось обосновать свои политическія претензіи *своеобразной теоріей*, которая состояла въ примѣненіи мѣстническихъ идей къ международнымъ отношеніямъ. Русскіе государи считались съ иностранными мѣстами также какъ и русскіе служилые люди между собою; разница состояла въ томъ, что въ первомъ случаѣ эту мѣстническую точку зрѣнія признавалъ въ сущности одинъ лишь Московскій государь, во второмъ — ее признавали обѣ тяжущіяся стороны. Государи считались „родствомъ и честью, прирожденною государскою“, то есть какъ бы родословцами и разрядами. а). Счетъ по родословцу имѣлъ важное значеніе.

1. Такимъ счетомъ опредѣлялась прежде всего древность богоустановленной царской власти. „Мы Божіей милостію, государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ

прародителей и постановленіе имѣемъ отъ самого Бога.....“, говорилъ Иванъ III въ 1488 г. цесарскимъ посламъ, предлагавшимъ ему королевской титулъ или въ 1489 г. отказано было „Макробію Подноскому“ Альбрехту въ сватовствѣ дочери великаго князя. При этомъ посоль Юрій Траханіотовъ долженъ былъ объяснить, что „государь нашъ великій, государь урожденный изначала отъ своихъ прародителей, а и напередъ того отъ давнихъ лѣтъ прародители его по изначальству были въ пріятельствѣ и въ любви съ передними, римскими цари, которые Римъ отдали папѣ, а сами царствовали въ Византіи, да и отецъ его государь нашъ и до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ и любви и до своего зятя Ивана Палеолога, римскаго царя; ино такому великому государю какъ давати своя дочь за того Макробія?“ ⁸⁹⁾, Шведскій король тоже считался государемъ неважнымъ. Родъ Густава безспорно „мужичій родъ, а родствомъ вгосударился, а не по достоинству“. Бояре сказывали про этого государя въ разсудъ а не въ укоръ: котораго онъ роду и какъ животною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ: то недавно ся дѣляло и всѣмъ вѣдомо“ ⁹⁰⁾. На этомъ основаніи съ такимъ молодымъ королемъ какъ Іаганъ Шведскій, сносились черезъ посредство новгородскихъ намѣстниковъ. Словомъ, почтеннымъ считалось непрерывное родословіе за 200 лѣтъ. Московскіе государи однако „нѣ отъ колико лѣтъ государили больше 600 лѣтъ“.

2. Тѣмъ же счетомъ доказывалась наслѣдственная передача богоустановленной власти, въ сущности исключавшая понятіе объ избраніи, какъ источникъ и ограниченіи власти. Въ 1562 году бояре замѣтили литовскому послу: „начиная отъ Великаго Государя Владиміра; просвѣтившаго русскую землю св. крещеніемъ, до нынѣшняго великаго государя нашего, наши государи самодержцы никѣмъ не посажены на своихъ государствахъ, а ваши государи—посаженные государи; такъ который покрѣпче—вотчинный-ли (наслѣдственный) государь или посаженный?—сами разсудите“ ⁹¹⁾. Вообще въ переговорахъ 1562 г.

и другихъ дипломатическихъ сношеніяхъ мысль эта проводилась не разъ.

Счетъ не родословіемъ, а мѣстами также примѣнялся Московской дипломатіей къ установленію отношеній Московскихъ государей къ иностраннымъ. Въ 1557 году, на примѣръ, Шведскому королю указано было, что Стокгольмъ не великое мѣсто по чести, многимъ ниже новгородскихъ пригородовъ⁹²). Въ 1576 году Стефана Баторія попрекали тѣмъ, что онъ на польскій престолъ попалъ „съ невеликаго мѣста съ воеводства Седмиградскаго, а воеводство Седмиградское подданное было Угорскому господарству.“⁹³)

II. Политическую самостоятельность Московское государство пріобрѣтаетъ съ того времени, какъ сбрасываетъ съ себя татарское иго. Вотъ съ этого-то момента и можно начинать исторію внѣшней политики Московскаго государства.

Великіе князья Московскіе уже давно стали помышлять объ уничтоженіи этой зависимости. Уже въ договорной грамотѣ Дмитрія Донского 1388 г. встрѣчается предположеніе о томъ, что Богъ можетъ перемѣнить Орду и что въ такомъ случаѣ дань татарская пойдетъ въ казну каждаго изъ договаривающихся князей. То же предположеніе встрѣчается въ духовномъ завѣщаніи Дмитрія⁹⁴), въ договорной грамотѣ Василя Дмитріевича съ Владимиромъ Андреевичемъ и въ завѣщаніи Василя Темнаго⁹⁵). Въ началѣ XV в. Эдигей, какъ извѣстно, упрекалъ великаго князя въ томъ, что онъ не соблюдаетъ старины, — въ Орду не ѣздитъ и выхода не платитъ.

Стремленіе великихъ князей уничтожить постыдную зависимость отъ татарскаго хана могло поддерживать также сочувствіе нѣкоторыхъ изъ представителей тогдашняго общества. Извѣстна та популярность, какую пріобрѣлъ великій князь Дмитрій послѣ Куликовской битвы и то увлеченіе, съ какимъ читалось сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Не менѣе характерно и посланіе Вассіана на Угру къ великому князю, когда послѣдній стоялъ въ нерѣши-

тельности передъ полчищами Ахмата въ 1480 г. — Вассианъ ссылками на Св. Писаніе, на примѣръ прародителей великокняжескихъ, особенно Димитрія Донского и, наконецъ, отвлеченными разсужденіями убѣдительно доказываетъ великому князю, что его прямая обязанность поревновать своимъ родителямъ, выйти на встрѣчу безбожному языку агорянскому. Въ томъ же посланіи Вассианъ разрѣшаетъ великаго князя отъ клятвы въ покорности, нѣкогда данной его предками татарскому хану, и совѣтуетъ ему, покаившись отъ всего сердца, прибѣгнуть подъ крѣпкую руку Господа, въ надеждѣ на Его милосердіе. — Гордая супруга великаго князя Ивана III Софія Ѳомишна также сильно желала освободиться отъ унижительнаго ига татарскаго. Итакъ, надежда на освобожденіе отъ татарскаго ига, давнымъ давно выраженная великими князьями, находила сочувствіе и поддержку въ современномъ обществѣ.

Съ другой стороны, сама Орда ханская ко второй половинѣ XV в. обнаружила явные признаки разложенія. Она въ это время окончательно утратила внутреннее единство и распалась на три главныя части: Золотую, казанскую и крымскую, враждовавшія между собою.

Иванъ III съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего царствованія едва-ли исправно платилъ дань въ Золотую Орду. Ахматъ, подговариваемый Казимиромъ Польскимъ, уже въ 1471 году ходилъ къ р. Окѣ; когда же великій князь окончательно пересталъ платить дань, ханъ въ 1480 г. снова двинулся туда же, а затѣмъ перешелъ на Угру, гдѣ и встрѣтился съ войсками великаго князя. Битвы, какъ извѣстно, не было; Ахматъ возвратился въ Сарай и вскорѣ (1481 г.) былъ убитъ ногайскимъ княземъ Ивакомъ.

Наслѣдственная вражда между ханами Золотой и Крымской Ордъ способствовала окончательному паденію первой изъ нихъ. Въ 1502 г. Менгли-Гирей, ханъ крымскій, напалъ на послѣдняго сына Ахмата-Шигъ Ахмета. Послѣдній бѣжалъ въ Польшу, гдѣ и умеръ, а Золотая Орда пала окончательно. На ея мѣстѣ остались одни На-

гайскіе татары, долго еще беспокоившіе восточныя границы Россіи своими набѣгами.—Оставалось, такимъ образомъ, двѣ Орды: Казанская и Крымская, — Казанская стала болѣе или менѣе независимой съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь уцѣлѣлъ сынъ Улу-Махмета Мамутекъ.

Казанская Орда преграждала и мѣшала мирнымъ торговымъ сношеніямъ по Волгѣ, утвержденію нашего владычества на сѣверо-востокѣ Россіи и постоянно грозила съ праваго фланга южной Украйнѣ. Къ тому же, разумѣется, Казань была крайне ненадежнымъ союзникомъ, могла вмѣстѣ съ ханами другихъ Ордъ принести Москвѣ значительный вредъ. Естественно поэтому было стремленіе московскихъ князей уничтожить Казанскіе царства. Задача эта была облегчена внутренними междоусобіями, возникшими между сыновьями казанскаго хана Алегамомъ и Магметъ-Аминемъ. Въ 1487 г. благодаря великокняжескому войску, осадившему Алегаму въ Казани, здѣсь утвердился подручникъ великаго князя Магметъ-Аминь. Несмотря на временную измѣну въ 1505 г., Магметъ Аминь до 1518 г., то есть до смерти, оставался союзникомъ великаго князя Василия. По смерти же Магмета на Казань объявили свои претензіи Гирейи Крымскіе, желавшіе объединить разрозненные татарскія владѣнія въ своихъ рукахъ.

Въ крымскомъ ханствѣ еще при Василии Темномъ утвердился Ази или Хаджи — Гирей. При сынѣ его Менгли—Гирейи Крымъ былъ завоеванъ въ 1475 г. турецкимъ султаномъ. Генуэзскія колоніи пали, а Менгли-Гирей сталъ подручникомъ султана, хотя и оставался ханомъ крымскимъ. Менгли-Гирей первоначально находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Иваномъ III. Когда же возникъ вопросъ о томъ, кому управлять казанскимъ царствомъ послѣ смерти Магмета-Аминя, явно обнаружались враждебныя намѣренія Гиреевъ въ стремленіи объединить Крымское и Казанское ханства подъ своею властью. Первая попытка сдѣлана была при великомъ князѣ Василии III. Великій князь Василій, разумѣется, долженъ былъ противиться желанію Магметъ—Гирей, Менгли-

Гиреева сына, соединить Крымское и Казанское ханства подъ одною властью Гиреевъ. Съ этой цѣлью онъ посадилъ въ Казани наслѣдственнаго врага Гиреевъ внука Ахматова Шигъ-Алея. Народное же недовольство на Шигъ-Алея доставило возможность брату Магмета-Гирея-Сайпу утвердиться въ 1521 г. въ Казани, между тѣмъ какъ Магметъ удачнымъ нападеніемъ на южную Украину отвлекалъ вниманіе великаго князя отъ дѣлъ казанскихъ. Замыслы Гиреевъ, однако, въ концѣ концовъ не осуществились. Послѣ того какъ Магметъ - Гирей, достигши Москвы и неудачно напавъ на Рязань, покинулъ Украину, великій князь Московскій все же успѣлъ нагнать Саипа при Казани и посадить здѣсь брата Шигъ-Алея-Еналея. Вторая попытка завладѣть Казанью сдѣлана была Гиреями въ малолѣтство царя Ивана IV. Воспользовавшись тѣмъ, что правительство Московское занято было Литовскою войною, Сафа-Гирей, царевичъ Крымскій, послѣ низверженія Еналея, утвердился въ Казани. Случай, однако, благопріятствовалъ Москвѣ: Сафа-Гирей вскорѣ умеръ. Казанцы сами прислали его малолѣтняго сына въ Москву и снова приняли Шигъ-Алея. Такимъ образомъ и эта вторая попытка Гиреевъ объединить ханства Крымское и Казанское подъ одною властью закончилось неудачно.

Первому изъ этихъ ханствъ конецъ былъ уже близокъ. Казанцы, недовольные Шигъ-Алеемъ и видя невозможность противиться великому князю Московскому, рѣшились было подчиниться ему добровольно. Населеніе г. Казани, однако, по какой-то случайности, возмутилось противъ пріѣхавшаго уже въ городъ намѣстника кн. Микулинскаго, призвало ногайца Эдигера-Махмета въ ханы и принудило такимъ путемъ великаго князя къ походу на Казань. Послѣ кратковременной осады Казань взята была 2-го октября 1552 г. Вслѣдъ за Казанью вскорѣ послѣдовало присоединеніе Астраханскаго царства (1556 г.). Въ 1557 г. окончательно присягнула вся земля Казанская.

Паденіе Казанскаго царства имѣло важное значеніе.

1) Оно возвысило царскую власть, окончательно

утвердило ея побѣду надъ боярствомъ (ср. отзывъ князя Андрея Курбскаго) и придало ей большую популярность въ глазахъ народа.

2) Оно окончательно предрѣшило борьбу Москвы съ Востокомъ въ пользу московскихъ князей. Отъ прежней Татарской Орды оставалась одна Крымская. Мысль объ уничтоженіи Крымскаго ханства и расширеніи предѣловъ территоріи Московскаго царства до Чернаго моря уже вскорѣ послѣ нашествія Девлетъ Гирея тревожила воображеніе Грознаго⁹⁶⁾; однако онъ не имѣлъ возможности приступить къ ея осуществленію за недостаткомъ средствъ; да и настоятельной необходимости въ этомъ пока еще не было. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Крымская Орда и беспокоила наши границы, но не грозила политической самостоятельности Московскаго государства. Такимъ образомъ, покончивъ съ Востокомъ, оно получило возможность обратить свои силы на западныхъ сосѣдей, которые стали опасаться его могущества.

3) Паденіе Казанскаго и Астраханскаго царствъ открыло доступъ русскому колонизаціонному движенію по рѣкѣ Волгѣ. Во второй половинѣ XVI-го вѣка здѣсь основано было значительное количество городовъ⁹⁷⁾; опираясь на эти пункты, русское вліяніе утверждалось среди мордвы, чувашей, черемисъ и башкиръ. Вѣроятно, благодаря тому же обстоятельству, т. е. сравнительно большой безопасности съ восточнаго фланга, быстрѣе стала заселяться и южная Украина, на которой новые города начали строиться также преимущественно со второй половины XVI-го вѣка⁹⁸⁾.

4) Не менѣе важнымъ послѣдствіемъ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ было движеніе русской колонизаціи не на юго-востокъ, а на сѣверо-востокъ — за Уральскій хребетъ⁹⁹⁾. Ближайшимъ поводомъ къ такого рода переселеніямъ послужили слѣдующія обстоятельства. Съ паденіемъ Казанскаго и Астраханскаго царствъ на Волгѣ развился разбой, которымъ занимались казацкія шайки; видными представителями въ 1570-хъ годахъ были,

между прочимъ, Ермакъ и Кольцо. Грабители вызвали со стороны царя Ивана IV энергичныя мѣры: онъ послалъ воеводу противъ разбойниковъ. Одна часть казаковъ была захвачена, другая, подъ предводительствомъ Ермака и Кольца, бѣжала къ Строгановымъ. Богатые кушцы Строгановы уже давно владѣли обширными вотчинами въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ и были дѣятельными колонизаторами Пермскаго края. Въ 1558 году Григорій Строгановъ выпросилъ у царя земли, лежавшія по рѣкѣ Камѣ на 146 верстѣ; въ 1568 году Яковъ Строгановъ получилъ пространство по всему теченію рѣки Чусовой и на 20 верстѣ по рѣкѣ Камѣ ниже рѣки Чусовой. Строгановы завели здѣсь пашню и соляныя варницы, а для укрѣпленія своихъ владѣній отъ набѣговъ сосѣднихъ инородцевъ построили сторожки и даже хотѣли предпринять походъ за Уралъ къ рѣкѣ Тоболу. Но для выполненія послѣдняго плана имъ не доставало силъ; они обратились къ Ермаку съ предложеніемъ поступить къ нимъ на службу и отправиться походомъ на Сибирское царство (1579 г.). Казаки, разумѣется, согласились на это; черезъ два года уже они перевалили черезъ Каменный поясъ и открыли враждебныя дѣйствія противъ хана Кучума. *Но не одни разбои на Волгѣ и колонизаторская дѣятельность Строгановыхъ послужили поводомъ къ завоеванію Сибири. Внутреннія междоусобія въ Сибирскомъ царствѣ способствовали тому же.* — Сибирское царство образовалось изъ прежнихъ обломковъ Чингисхановыхъ владѣній приблизительно въ то же время, какъ Казанское съ Астраханскимъ; оно, однако, распалось на двѣ самостоятельныхъ и враждебныхъ половины: на шибанскихъ и собственно сибирскихъ татаръ. Ханы шейбаниды враждовали съ сибирскими беками. Послѣдніе обратились за покровительствомъ къ Москвѣ и стали выплачивать дань царю Ивану (хотя и не вполне исправно). Но около 1563 года глава шейбанидовъ, Кучумъ, напалъ на сибирскихъ татаръ и самъ сталъ сибирскимъ ханомъ. Онъ не только отказался платить дань царю Ивану, но сталъ даже предпринимать на-

бѣги на сѣверо-восточныя окраины государства. Необходимо было оградить себя отъ такихъ нападеній. Естественно, Строгановы, предлагая казакамъ выполнить эту задачу, дѣйствовали въ данномъ случаѣ заодно съ правительствомъ, которому выгодно было освободиться отъ безпокойныхъ казацкихъ шаекъ на Волгѣ и направить ихъ въ Сибирь для борьбы съ Кучумомъ. Въ виду этихъ цѣлей Ермакъ съ казаками осенью 1581 года отправился за Уралъ. Лѣто 1582 года было занято покореніемъ татаръ на рѣкѣ Иртышѣ и Оби. „А какъ учинился на Сибирскомъ царствѣ Кучюмъ царь, читаемъ мы въ одномъ документѣ 1600 года, и онъ былъ не почаль государю нашему его царскому величеству дани давать и учелъ быть непослушенъ. И государь нашъ поволѣлъ ись Перми итти въ Сибирь казакамъ волжскимъ, и казаки, шедъ, Сибирское царство взяли и людей многихъ побили. А царь Кучюмъ убежалъ въ поле и казаковалъ на поле, а племянника Кучюмова царева Магметкула царевича взяли казаки жива. А после того государя нашего воеводы и сына Кучюмова царева Абдюль Хаира царевича взяли. А ныне великого государя нашего царя и великого князя Бориса Ѳеодоровича всея Руси воеводы изъ Сибири города посылали головъ за Кучюмомъ царемъ, и головы сошли Кучюма царя на Оби реке и шли до него дватцать денъ рѣзвымъ ходомъ. И Божіею милостью, а великого государя нашего царя и великого князя Бориса Ѳеодоровича всея Руси здоровьемъ (?), счастьемъ... государевы наши люди, зашедъ Кучюма царя на поле, побили на голову само (го) Кучюма царя да брата его Илитеня царевича и детей его, и племянниковъ, и съ ними трехъ царевичей и многихъ князей, и мурзъ, и всякихъ людей побили больши шти (шесть) тысячъ человекъ, а пяти царевичей Кучюмовыхъ дѣтей Асманака царевича зъ братьею, десять царицъ Кучюмовыхъ и детей его жонъ, да восемь царевыхъ Кучюмовыхъ дочерей и лутчихъ мурзъ, больши трехъ сотъ человекъ живыхъ взяли и къ великому государю нашему царю и великому князю Борису Ѳеодоровичю всея Руси

привели, а улусы Кучюмовы разорили“. Объ удачномъ исходѣ этихъ военныхъ дѣйствій послали извѣстить царя, который принялъ покоренную Сибирь (т. е. область рѣки Иртыша, а также нижнее и среднее теченіе рѣки Оби) въ подданство и перевелъ въ Москву дѣтей, царевичей и племянниковъ царя Кучума.

Побѣда, одержанная казаками надъ Кучумомъ, открыла доступъ русской колонизаціи въ Сибирь. Громадныя пространства сѣверной Азіи, въ нѣдрахъ и на поверхности которыхъ природа щедрою рукою разсыпала свои богатства, прорѣзаны были небольшимъ количествомъ широкихъ рѣчныхъ путей; покрыты непроходимыми лѣсами и снѣжными пустынями, они лишь кое-гдѣ заняты были нрѣдко враждебными полудикими инородческими племенами: самоедью на крайнемъ сѣверѣ, вогулами и остяками неподалеку отъ Уральскаго хребта, южнѣе киргизами и калмыками, еще далѣе на востокъ телеутами и татарами въ области верхняго теченія р. Енисея, тунгусами и якутами въ бассейнѣ Лены, еще болѣе юкагирами и наконецъ ламутами, а также камчадалами по берегамъ Охотскаго моря. Суровая природа и рѣдкое полудикое населеніе не испугали, впрочемъ, русскаго колониста. На родинѣ онъ уже привыкъ къ плохому климату, къ невеселой обстановкѣ и тяжелой жизни, которыя становились еще тяжелѣе подъ вліяніемъ длиннаго ряда обязанностей его къ государству. При такихъ условіяхъ онъ не терялъ охоты къ далекимъ передвиженіямъ и быстрымъ перемѣнамъ. Поэтому, какъ только открылся новый исходъ его колонизаторской дѣятельности, онъ повернулъ съ европейскаго сѣвера или юга, гдѣ съ каждымъ годомъ ему становилось тѣснѣе, на далекій азіатскій сѣверо-востокъ.

Въ этихъ новыхъ условіяхъ жизни русскій человѣкъ, однако, не потерялся: онъ не чуждался инородцевъ и умѣлъ съ ними ладить¹⁰⁰). Не думая о томъ, чтобы испросить у правительства разрѣшеніе на занятіе поземельнаго участка, не требуя отъ него гарантій въ неотъемлемомъ пользованіи землей, онъ прямо захватывалъ ее, какъ и гдѣ

могъ, селился на ней, обрабатывалъ, и, такимъ образомъ, самый фактъ превращалъ въ право. *И теперь еще въ разныхъ углахъ Сибири можно найти землевладѣльцевъ, живущихъ иногда цѣлыми поселками, напр.: Уймонъ, Котанда (на Алтаѣ), самовольно, безъ дозволенія начальства.* При этомъ разъ крестьянинъ сѣлъ на землю и началъ пользоваться сосѣдними угодьями, онъ немедленно проникается своимъ правомъ на нее и дѣйствуетъ смѣло, рѣшительно; по праву сильного онъ занимаетъ инородческія пастбища, около зимовья строить пасѣку, пчельникъ или запашку-хуторъ, наконецъ пользуется орѣхомъ и охотой, хотя эти мѣста предназначены не для него. *Успѣшному покоренію Сибири способствовала не одна народная колонизація, но и изумительная энергія, съ которой служилые люди разныхъ сибирскихъ острожковъ, нерѣдко при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, двигались на востокъ (Хабаровъ и др.).* Само правительство, наконецъ, старалось закрѣпить сдѣланныя имъ пріобрѣтенія и мирнымъ путемъ, а не „жесточью“ приручить инородцевъ, преслѣдовало направляемая противъ нихъ стѣсненія воеводъ и запрещало епископамъ насильно обращать язычниковъ въ христіанство. Вслѣдъ за прикрѣпленіемъ тяглыхъ классовъ *народная колонизація стала все болѣе уступать мѣсто правительственной.* Главною причиною такой перемѣны, вѣроятно, послужило финансовое значеніе Сибири для государства,—значеніе, усиливавшееся съ покореніемъ каждой новой земли, cadaго новаго племени.

Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, колонизація Сибири быстро подвигалась впередъ. Со времени ея покоренія по 1600 г. русское вліяніе успѣло водвориться преимущественно въ области р. Оби, такъ что, по свидѣтельству того же акта 1600 года, въ это время сибирскіе „царевичи царскому величеству служили, и матери ихъ и сестры, и жены „жили“ въ царскомъ жалованье въ ихъ помѣстьяхъ. А въ Сибири „жили“ государя нашего его царскаго величества воеводы многіе, и города въ Сибири поставлены многіе по Турѣ рѣкѣ и Иртышу и Оби по великой

рекѣ, и въ тѣхъ городѣхъ люди многіе устроены, а поставили въ Сибирской землѣ больше 20 городовъ, а старыхъ городовъ во всей Сибирской землѣ до 200: и дань съ Сибирскіе земли великому государю... шла многая: соболи и лисицы черныя, и иной звѣрь всякой“¹⁰¹). Въ числѣ этихъ новыхъ городовъ, между прочимъ, построены были Тюмень (1586 г.) и Тобольскъ (1587 г.), нѣсколько позже Верхнее Хотуры (1598 г.) и Туринскъ (1601 г.). Слѣдующее двадцатилѣтіе посвящено было колонизаціи земель, расположенныхъ въ области рѣки Енисея: основаны, на примѣръ, Томскъ, (1604 г.) и Енисейскъ (1619 г.). За послѣднее 25-лѣтіе русскіе успѣли уже обстроиться (1632 г.), утвердился, такимъ образомъ, на берегахъ Лены и даже достигли береговъ Восточнаго Океана. Часть Амура занята была до 1660 г., Камчатка въ концѣ XVII в.—Нерчинскимъ договоромъ, заключеннымъ между Московскимъ государствомъ и Китаемъ 27 августа 1689 г., рѣка Горбича, лѣвый притокъ Шилки, и рѣка Аргунь признаны пограничными между обоими государствами, крѣпость Альбазинъ разорена, а берега Амура уступлены китайцамъ.

Колонизація Сибири повела къ образованію новаго типа сибиряка. Этотъ типъ сложился частью подъ вліяніемъ окружающей природы, частью и благодаря новымъ отношеніямъ, въ какія русскій человѣкъ сталъ къ инородческому міру. Географическія и климатическія условія заставляли русскаго человѣка въ устройствѣ своего хозяйства и быта слѣдовать примѣру туземцевъ. Такъ, еще въ 1840 г., русское населеніе г. Обдорска по образу жизни не разнилось отъ инородческаго. Этнографическое вліяніе сибирскихъ инородцевъ на типъ русскаго колониста было также весьма значительно. Служилые люди и казаки, пріѣзжавшіе въ Сибирь, не привозили съ собой женъ. Правительство старалось помочь этому неудобству высылкой женщинъ въ безлюдныя острожки Сибири; въ одинъ изъ нихъ, напр., въ 1635 г. велѣно было препроводить до 150 „дѣвокъ“ изъ Тотмы, Устюга и Сольвычегодска. Подобнаго рода мѣропріятія, конечно, не могли предовратить

смѣшенія русскихъ людей съ туземцами. Не противодѣйствовалъ этому сближенію и полудикій характеръ мѣстнаго населенія. Русскій колонистъ самъ, вѣдь, не имѣлъ еще своей крѣпкой, самостоятельной культуры, не чувствовалъ глубины той пропасти, которая отдѣляла его отъ туземцевъ. Онъ, въ виду незначительнаго количества православныхъ церквей, обнаруживалъ, напр., склонность къ языческимъ обрядамъ и охотно вступалъ въ общеніе съ инородцами, ходилъ въ юрты, пилъ и ѣлъ съ ихъ обитателями, говорилъ ихъ языкомъ, игралъ съ ними въ „зернь“ и въ карты, какъ это, напр., было въ Якутскѣ.

Достоинства и недостатки русскаго человѣка такъ же рѣзко сказывались въ сибирякѣ, какъ положительныя и отрицательныя стороны московской администраціи въ новомъ управленіи Сибирью. Не столько оживленными торговыми сношеніями, сколько простымъ покореніемъ страны и результатомъ послѣдняго—данью думало правительство достигнуть наиболѣе выгодныхъ послѣдствій для казны. Поэтому правительственная дѣятельность въ Сибири и имѣла въ виду двѣ важнѣйшихъ задачи: первая состояла въ томъ, чтобы дать возможно болѣе крѣпкую военную организацію служилому классу, который разсѣянъ былъ по сибирскимъ городамъ и острожкамъ, держалъ въ повиновеніи покоренныя племена и приводилъ новыхъ язычниковъ подъ государеву высокую руку; вторая сводилась къ раціональному устройству дворцоваго хозяйства и финансоваго управленія въ завоеванныхъ странахъ.

Съ населенія (съ каждаго взрослого инородца съ семнадцати до пятидесяти лѣтъ) правительство взымало тройной ясакъ: 1) податной въ видѣ извѣстнаго количества мѣховъ, напр., десяти соболей съ женатаго; сборъ уменьшался на половину, если взымался съ холостого (Борисъ Годуновъ); 2) десятиной — десятый звѣрь всякой породы и, наконецъ, 3) поминочный или поклонный — приносимый въ даръ добровольно. Препровождаемые воеводами въ главные города „разрядовъ“, военно-администра-

тивныхъ округовъ (Тобольскаго, Томскаго и Енисейскаго), эти сборы, кромѣ послѣдняго, поступали въ Сибирскій приказъ въ Москву.

Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы туземцы сразу подчинились требованіямъ московской администраціи: они не разъ возставали съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1610 г., напр., ногаи напали на Тюменскій округъ подлѣ Исети; въ 1622 г. киргизы разорили Томскій округъ; два года спустя кузни отазались отъ уплаты ясака, а телеуты совершили набѣгъ на Томскъ; не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ калмыки опустошили страну до Пышмы. Въ 1630 г. Аблай, внукъ Кучума, съ телеутомъ Абокомъ беспокоили Томскій округъ; въ 1632 г. тотъ же Аблай бродилъ по Тюменскому округу до Ницы и попался въ плѣнъ. Въ 1634 г. калмыки напали на Тюменскій и Терской округи и т. д. Постоянные набѣги подобнаго рода обыкновенно не представляли большой опасности, но все же держали въ напряженномъ состояніи русскія силы и незамѣтно поглощали довольно много средствъ, а мѣстная администрація сохраняла отпечатокъ милитаризма; завоеватели долго еще военнымъ лагеремъ стояли во вновь приобрѣтенной странѣ.

5) Наконецъ, паденіе Казанскаго царства и покореніе Астрахани повели къ утвержденію русскихъ и на берегахъ Каспійскаго моря, а также къ сближенію Московскаго государства съ прикавказскими племенами и средне-азіатскимъ востокомъ.

По отношенію Востока политика Московскихъ Государей въ XVI — XVII вѣкѣ оказалась вполне плодотворной, такъ какъ сдѣлало массовое территоріальное приобрѣтеніе и опредѣлило свои отношенія къ Востоку, а также создала опредѣленность международныхъ отношеній, которыя до той поры были крайне тусклы.

Водвореніе майоратнаго порядка единонаслѣдія въ Руси сѣверовосточной.

Личная дѣятельность Московскихъ князей направлена была прежде всего на ослабленіе и уничтоженіе родового порядка наслѣдованія великокняжескаго стола, порядка, въ силу котораго Московскіе князья, какъ младшіе въ родѣ не могли получить великокняжескаго достоинства.

Система удѣловъ въ Владимиро-Суздальской области зародилась, какъ извѣстно, послѣ того, какъ Всеволодъ III Большое Гнѣздо подѣлилъ ее въ 1212 году между своими сыновьями. Владимірское великокняженіе онъ отдалъ Юрію (2-му), Ростовское—Константину, Переяславльское—Ярославу и четвертый удѣлъ, въ области котораго находился Юрьевъ,—сыну Владимиру. Вскорѣ послѣ 1212 года въ этомъ распредѣленіи произошли перемѣны. Со смертію Константина Ростовское княжество было вновь присоединено къ Владимірскому, а послѣ гибели Юрія 2-го то и другое соединилось съ Переяславскимъ княженіемъ подъ властью Ярослава Всеволодовича (1238 — 1246). Со второй половины XIII в. владѣнія этого Ярослава распались на княжества:

1) *Владимірское*, 2) *Суздальское*, 3) *Тверское*, 4) *Переяславское*, 5) *Костромское*, 6) *Галицкое*, 7) *Дмитровское* и 8) *Московское*.

Изъ этихъ княжествъ великимъ считалось Владимірское, второстепенными—остальныя. Поэтому при родовомъ порядкѣ наслѣдованія на Владимірскомъ столѣ долженъ былъ сидѣть старшій въ родѣ. Въ самомъ дѣлѣ этотъ порядокъ держался за немногими исключеніями до начала XIV вѣка. Въ этомъ убѣждаетъ простое перечисленіе великихъ князей Владимірскихъ по старшинству означая при каждомъ время его пребыванія на великокняжескомъ столѣ:

Всеволодъ Большое Гнѣздо

Всеволодъ Большое Гнѣздо				
Юрій	Ярославъ	Святославъ		
1213—1237	1237—1246	1246—1248		
Александръ	Ярославъ	Андрей	Михаиль	Василій
1252—1264	1264—1272	1248—1252	1248	1272—1276

Димитрій (1276—1294) съ перерывами; Андрей (1294—1304).

Андрей еще раньше, въ 1289 г. занималъ столъ великокняжескій, „а не по старшинству“, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ. Въ началѣ XIV вѣка его захватилъ уже Юрій (1304—1325), сынъ Данила Александровича, не бывшаго великимъ княземъ (онъ умеръ въ 1308 г.), племянникъ Дмитрія и Андрея. Такимъ образомъ:

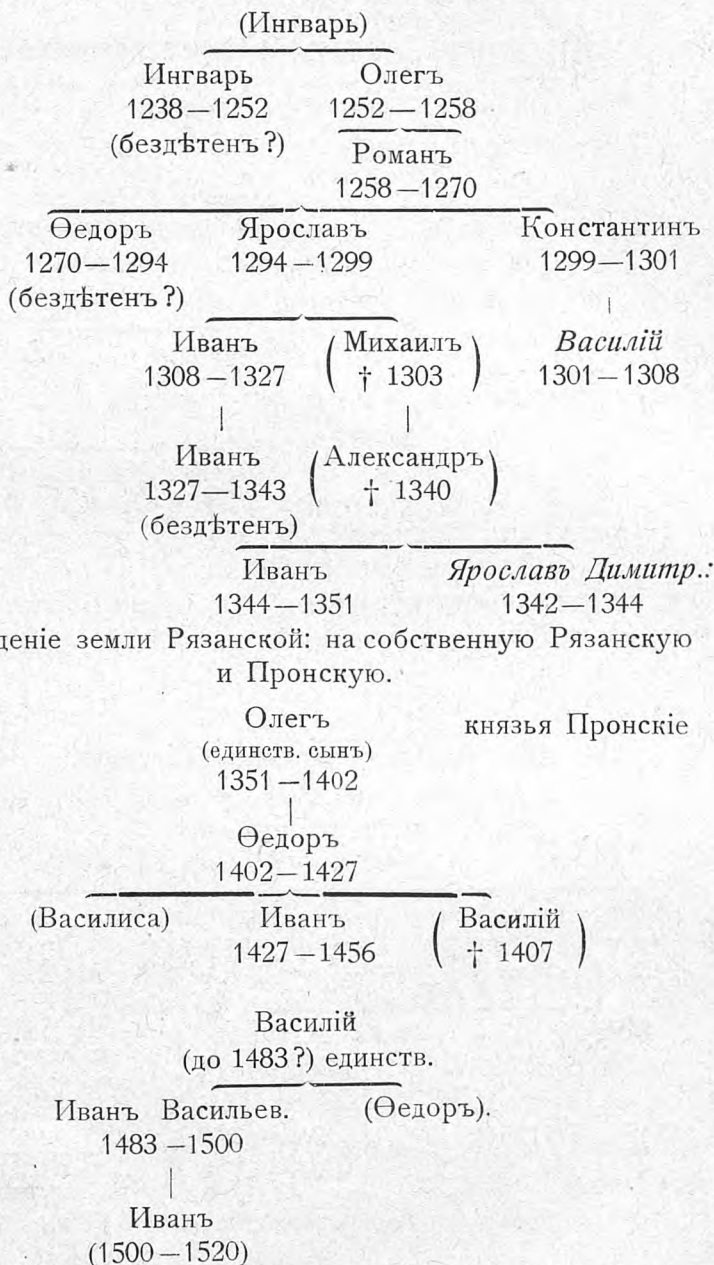
1. Рязанское великое княженіе первоначально было самостоятельнымъ, но съ 1344 года при Ярославѣ Димитріевичѣ распалась Рязанская земля: на собственную Рязанскую и Пронскую.

2. Суздальско - Нижегородское, окончательно обособившееся въ 1252 г., когда спорившіе между собою Ярославичи Александръ и Андрей подѣлили Владимиро-Переяславское княженіе такъ, что Андрей получилъ Суздаль;

3. Тверское—еще ранѣе обособившееся отъ Переяславскаго въ 1246—1252 гг. при Ярославѣ, внукѣ Всеволода; да еще 4. Московское, въ которомъ послѣдовательный рядъ князей начинается лишь съ Данила Александровича (сына Невскаго), выговорившаго себѣ Москву въ удѣлъ въ 1282 году.

Всѣ эти четыре княжества назывались великими; въ каждомъ изъ нихъ родовой порядокъ престолонаслѣдія продолжался довольно долго, приблизительно до второй половины XIV в., въ чемъ убѣждаютъ нижеслѣдующія таблицы:

I) Великихъ князей Рязанскихъ.

II) Князей Суздальско-Нижегородскихъ.

Андрей Ярославичъ
внукъ Всеволода Большое Гнѣздо.
1246—1252; 1256—1264.

Юрій	Михаилъ	Василій
(1264—1279)	(1279—1305)	1305—1309
(дѣтей не означено)		

Александръ	Константинъ
1309—1332	1332—1355
(дѣти не извѣстны)	

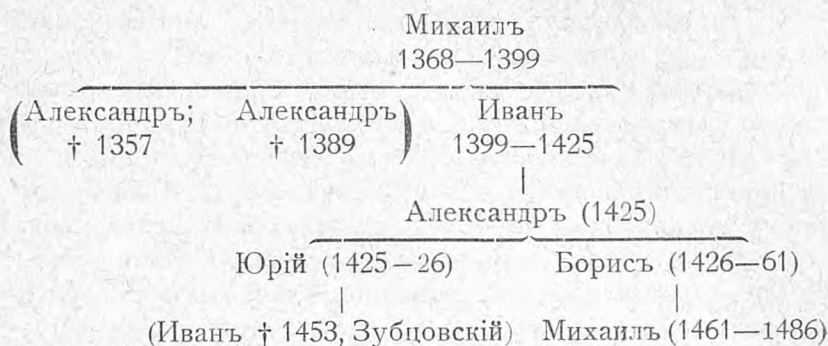
Андрей	Дмитрій	Борисъ.
--------	---------	---------

Послѣдніе изъ князей, упомянутыхъ въ этой таблицѣ занимали столъ великокняжескій, но не по порядку родового престолонаслѣдія, который по смерти Бориса въ 1394 году нарушается окончательно.

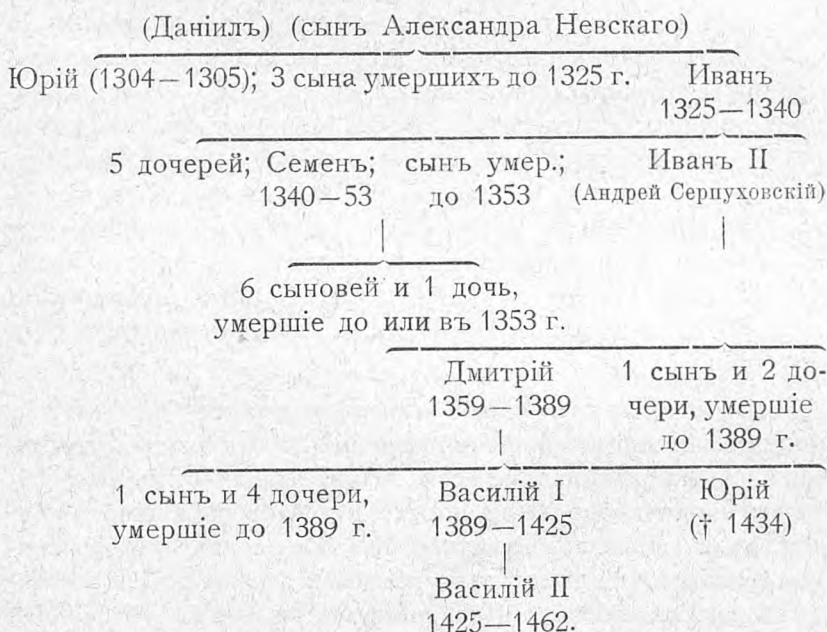
III) Великихъ князей Тверскихъ.

Михаилъ Ярославичъ
1282 — 1318

Дмитрій	Александръ	Константинъ	Василій
1318—1325	(1325—1327	(1327—1337	1345—1348
(бездѣтный)	и 1338—1339)	и 1339—45)	спорить съ
Всеволодъ	Михаилъ	Всеволодомъ,	
спорить съ Ва-	спорить съ	потомъ вел. кн.	
силіемъ	Василіемъ	1348—1366;	
1345—48 (†1364)	съ 1366—1368 г.	съ 1366—1368	
	1368—1399.	спорить съ Ми-	
		хаиломъ	
		† 1368	

IV) Великихъ князей Владимирскихъ и Московскихъ.

Родовой порядокъ престолонаслѣдія окончательно на-
рушается, такъ какъ братья Юрія: Андрей, Петръ и Кон-
стантинъ не занимали великокняжескаго стола.

Сравнивая время правленія великихъ князей, помѣщенныхъ на этихъ таблицахъ, между собой, не трудно прійти къ заключенію о томъ, какой принципъ первоначально лежалъ въ основѣ означеннаго престолонаслѣдія. Если вслѣдъ за старшимъ братомъ великокняжескій столъ занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ и т. д., пока не вымретъ эта линія князей; если послѣ младшаго брата, столъ его переходитъ къ старшему сыну старшаго брата и только тогда, когда вымретъ этотъ послѣдній князь съ братьями, его ближайшими наслѣдниками по старшинству,—предоставляется сыновьямъ второго брата, владѣющимъ столомъ по тому же порядку старшинства; если, наконецъ, такой порядокъ держится въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній и почти одинаково проявляется въ разныхъ княжествахъ, то, разумѣется, возможно на вполне законномъ основаніи утверждать, что родовой принципъ наслѣдованія лежитъ въ основѣ подобнаго рода переходовъ стола великокняжескаго отъ одного князя къ другому. Этотъ принципъ, однако, дѣйствуетъ уже не на пространствѣ почти всей земли Русской, какъ то было во время Ярослава Мудраго, не обнимаетъ въ равной мѣрѣ всего рода княжескаго, а въ силу ранѣ указанныхъ причинъ обнаруживается въ каждой вѣтви княжескаго рода отдѣльно; пространство его дѣйствія теперь ограничено все болѣе и болѣе суживающимися предѣлами каждой изъ великокняжескихъ территорій.

Со второй половины XIV вѣка, такое ограниченіе пошло еще далѣе. Родовой принципъ дробится уже по отдѣльнымъ разросшимся семьямъ прежнихъ вѣтвей и дѣйствуетъ одинаково не на пространствѣ всего великаго княжества (Рязанскаго, Суздальскаго, Тверскаго, Московскаго), а въ еще болѣе узкихъ предѣлахъ, главнаго и удѣльныхъ, образовавшихся въ немъ. При этомъ указанный принципъ слабѣетъ и все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто майоратному способу наслѣдованія столомъ великокняжескимъ.

Этотъ процессъ локализациі родового порядка наслѣдованія можно представить въ слѣдующей схемѣ.

По этой таблицѣ не трудно прослѣдить постепенное дробленіе родового порядка наслѣдованія по территоріямъ, независимымъ (по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи) другъ отъ друга. По мѣрѣ развѣтвленія старый принципъ все болѣе слабѣетъ и, обнаруживаясь въ постепенно суживающихся сферахъ дѣйствія, обособленныхъ другъ отъ друга, какъ бы приростаетъ къ почвѣ, незамѣтно переходитъ въ вотчинный порядокъ наслѣдованія.

Причины подобнаго перехода уяснить себѣ не трудно: 1) Любовь отца естественно сосредоточивалась преимущественно на первородномъ сынѣ; будучи старше другихъ, онъ раньше младшихъ своихъ братьевъ способенъ былъ проникнуться интересами отца и соправительствовать съ нимъ, что и его братьевъ и населеніе приучало къ мысли о первородномъ единомаслѣдіи; 2) съ дробленіемъ родовыхъ отношеній и ограниченіемъ ихъ сравнительно небольшими предѣлами, мѣстные интересы выступили на первый планъ; но ихъ лучше понималъ старшій сынъ, чѣмъ младшіе и чѣмъ живущій на сторонѣ дядя; 3) дробленіе власти оказывалось вреднымъ и для сохраненія политическаго значенія за даннымъ княжествомъ.

Для уясненія этого положенія, вообразимъ себѣ—два князя: А и а съ сыновьями В, С, D, Е и в, с, d, е и пред-

положимъ, что политическая единица каждаго изъ нихъ (А и *a*) равна единицѣ. А и *a* одновременно умереть почти никогда не могли. Положимъ, что А умеръ раньше *a*, тогда при родовомъ дѣлѣжѣ послѣ А останутся его сыновья В, С, D, Е, каждый съ $\frac{1}{4}$ частью власти и могущества отца. Очевидно, что при такихъ условіяхъ В, С, D, и Е придется каждому имѣть дѣло съ силой *a*, вчетверо болѣе значительной. Союзъ между В, С, D, Е зависитъ отъ многихъ благопріятныхъ условій, которыя далеко не всегда могутъ осуществиться. Слѣдовательно В, С, D, Е—окажутся въ необходимости подчиниться вліянію *a* и даже его власти. Сознаніе возможности подобнаго рода зависимости и стремленіе предовратить ее породить въ А желаніе при жизни принять мѣры къ возможному сосредоточенію власти въ однѣхъ рукахъ, для чего разумѣется всего пригоднѣе будетъ старшій сынъ. Приведенныя соображенія не теряютъ силы, если мы подъ знаками В, С, D, Е—*в, с, d, e* будемъ разумѣть не только родныхъ братьевъ, но и родственниковъ вообще. 4) Замѣтимъ, наконецъ, что разъ обычай расширять власть старшаго сына на счетъ остальныхъ родственниковъ утвердился въ одномъ княжествѣ, то и въ другихъ въ силу подражанія и необходимости долженъ былъ водвориться тотъ же порядокъ.

Въ переходѣ отъ родового порядка въ наслѣдованіи столomъ великокняжескимъ къ вотчинному замѣтно двоякаго рода движеніе: а) старшій сынъ получаетъ отцовскій столъ преимущественно передъ дядями, б) старшій сынъ наслѣдуетъ вотчиною-удѣломъ. Обратимся къ изученію этихъ процессовъ.

а). Первый родъ явленій, т. е. наслѣдованіе племянниковъ преимущественно предъ дядями стало довольно рано обнаруживаться въ исторіи великаго княжества Владимірскаго. Въ 1304 году Юрій Даниловичъ, какъ извѣстно, вопреки обычаю родового порядка наслѣдованія, помимо двоюроднаго дяди Михаила Ярославича, получилъ великое княженіе: Московскіе князья послѣ долгой борьбы съ

Тверскими оставили за собою это преимущество; въ ихъ собственной средѣ, т. е. среди Калитина племени, великокняжеское достоинство стали получать племянники преимущественно передъ дядями. Особенно рѣзкое столкновение подобнаго рода произошло въ первой половинѣ XV вѣка между Василиемъ Темнымъ и дядею его Юриемъ Дмитріевичемъ; это столкновение закончилось торжествомъ Василия Темнаго. Новому порядку въ великомъ княжествѣ Владимирскомъ и Московскомъ сильно благопріятствовали и случайныя обстоятельства. Такъ напр., Андрей Ивановичъ, младшій братъ великаго князя Ивана II, могъ бы предъявить свои права на великокняжескій столъ послѣ смерти Ивана II на основаніи старыхъ родовыхъ правъ во вредъ молодому Дмитрію Донскому; но онъ умеръ въ 1353 г., слѣдовательно, еще до смерти старшаго брата, Ивана II. Тоже случилось и съ сыновьями Ивана II, Дмитріемъ Донскимъ и Иваномъ Звенигородскимъ; послѣдній умеръ въ 1365 г., слѣдовательно, до смерти старшаго брата. Припомнимъ также, что у Василия I былъ всего одинъ сынъ Василий II.

Не слѣдуетъ думать, чтобы новый порядокъ наслѣдованія племянниковъ преимущественно передъ дядями утверждался лишь въ одномъ Владимирскомъ и Московскомъ княжествахъ; его присутствія нельзя не замѣтить въ Тверскомъ княжествѣ, Суздальскомъ, Смоленскомъ и Ростовскомъ. Такъ въ 1365 году Михаилъ Александровичъ Тверской получилъ столъ помимо дяди Василия Михайловича, брата его родного дѣда. Въ исторіи Суздальскаго княжества также встрѣчается случай, когда вотчинные интересы столкнулись съ родовыми и восторжествовали надъ ними: въ 1385 году умеръ Дмитрій Константиновичъ; удѣлъ его перешелъ къ сыну его Василию, несмотря на притязанія дяди Василия Бориса Городецкаго. Послѣ довольно долгой борьбы племяннику удалось одержать верхъ надъ дядей въ 1388 году. Въ исторіи наслѣдованія Смоленскимъ и Ростовскимъ княжескимъ столомъ въ XIV вѣкѣ замѣчается тотъ же вотчинный порядокъ. Правда, въ Смоленскѣ это

отчасти вызвано было незначительными размѣрами княжеской семьи; но нельзя того-же сказать что Ростовскихъ князей; здѣсь вотчинное начало укрѣпилось на столько, что удѣлъ Всеволода Константиновича (внука Всеволода Большое Гнѣздо) отъ его сына Василя (†1249 г.) перешелъ къ дочери послѣдняго, когда она вышла замужъ за Теодора Ростиславича Чернаго. Всѣ эти явленія, происходившія въ разныхъ княжествахъ ясно указываютъ на водвореніе новаго порядка наслѣдованія столomъ великокняжескимъ, по прямой нисходящей линіи, исключавшее въ немъ участіе родственниковъ по боковой линіи.

б) Переходъ отъ родового порядка наслѣдованія къ вотчинному, семейному, дополнялся ограниченіемъ правъ наслѣдованія всѣхъ сыновей въ пользу старшаго.

Этотъ процессъ особенно ярко обнаружился въ исторіи отношеній между ближайшими потомками Калиты. Развитіе этихъ отношеній можно раздѣлить на нѣсколько періодовъ.

Въ первомъ изъ нихъ, хотя вотчинный принципъ наслѣдованія успѣлъ уже утвердиться среди сыновей и внуковъ Ивана Даниловича, но усиленіе старшаго сына на счетъ младшихъ, пока еще мало замѣтно. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Даниловичъ Калита имѣлъ трехъ сыновей: Семена, Иванъ II и Андрея. Онъ раздѣлилъ между ними доходы съ города Москвы на „трети“ (т. е. на три части), отдалъ старшему сыну Можайскъ и Коломну, среднему Звенигородъ, младшему—Серпуховъ. Изъ старшихъ братьевъ, лишь у Ивана оказались дѣти, Дмитрій и Иванъ, которые унаслѣдовали владѣнія отца и дяди (Семена). Первый получилъ Коломну и Можайскъ, второй Звенигородъ. Иванъ Ивановичъ, какъ извѣстно, умеръ бездѣтнымъ, такъ что его владѣнія, т. е. тѣ же владѣнія, какія получали Дмитрій и Иванъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми приращеніями перешли къ сыновьямъ Дмитрія. Младшій братъ, Андрей, получилъ Серпуховъ. Этотъ удѣлъ, по смерти Андрея, перешелъ къ сыну его Владимиру, который разбилъ его между 5-ю сыновьями; дробныя части Серпуховскаго удѣла снова

объединились при внука Владимира Андреевича, Василии Ярославича, но не надолго. Сынъ Василия Иванъ бѣжалъ въ 1457 г. въ Литву и удѣлъ его присоединенъ къ владѣніямъ великаго князя Московскаго.

Второй періодъ въ исторіи отношеній между князьями Московскими можно начинать съ того распредѣленія городовъ и волостей, какое сдѣлалъ великій князь Дмитрій Ивановичъ между сыновьями. Старшій изъ нихъ, Василій, получилъ великое княженіе и Коломну, другіе во всякомъ случаѣ менѣе значительныя области. Это видно не столько по наименованію городовъ, сколько при сравненіи количества выхода ордынскаго, какой платилъ каждый изъ сыновей Дмитрія, разумеется, въ извѣстной мѣрѣ пропорціонально доходности и значенію земель. Такъ:

Василій вносилъ	342	рубля
Юрій	272	"
Андрей	235	"
Петръ	111	"
Иванъ	10	"
Всего 970		рублей

Къ этой суммѣ недостаетъ еще 30 руб. для образованія той 1.000, которую князья должны были вносить въ Орду. Быть можетъ, эти 30 руб. выплачивались сообща съ Москвы¹⁰²⁾ Изъ шести удѣловъ сыновей Дмитрія, Юрій (2-й сынъ) владѣлъ Звенигородомъ и Рузой, Андрей—Можайскомъ, Петръ—Димитровомъ, Иванъ—Раменейцемъ, Константинъ—Ржевой и Угличемъ¹⁰³⁾ Но три послѣднихъ удѣла оказались выморочными, такъ что при Василии II, кромѣ Серпуховскаго, какъ указано выше, въ 1457 году, оставалось еще два: удѣлъ Юрія и Андрея Дмитріевичей. Судьба этихъ владѣній въ двухъ словахъ слѣдующая: Юрій раздѣлилъ свой удѣлъ между тремя сыновьями: Василиемъ Косымъ, получившимъ Звенигородъ, Дмитріемъ Шемякой и Дмитріемъ Краснымъ. Шемяка получилъ Рузу, Красный—Вышгородъ. У Шемяки былъ сынъ Иванъ, но

онъ бѣжалъ въ Литву, а бывшій удѣлъ Юрія прибрѣтенъ Василиемъ II. Тоже отчасти случилось и съ удѣломъ Андрея Можайскаго. У Андрея было два сына: Иванъ Можайскій и Михаилъ Верейскій. Иванъ бѣжалъ въ Литву, и его удѣлъ возвратился во владѣнія Василия II; удѣлъ Михаила Верейскаго присоединенъ при Иванѣ III, хотя Михаилъ и имѣлъ сына Василия, бѣжавшаго въ Литву. Таковы были послѣдствія неравномѣрнаго распредѣленія городовъ и волостей, какое Дмитрій Донской сдѣлалъ между сыновьями: владѣнія старшаго сына поглотили почти всѣ удѣлы младшихъ сыновей.

Второй періодъ отношеній между князьями Московскими, какъ видно, не только обнаруживаетъ развитіе вотчиннаго принципа наслѣдованія; въ теченіе означеннаго промежутка времени, столкновенія, возникшія между Василиемъ Вторымъ и наслѣдниками удѣловъ Юрія и Андрея явно обнаружили недостаточность этого принципа для утвержденія единовластія Московскихъ князей. Новымъ и болѣе дѣйствительнымъ средствомъ казалось усиленіе старшаго сына на счетъ остальныхъ. Эта точка зрѣнія замѣтно сказывается въ дѣлежѣ, сдѣланномъ Дмитріемъ между сыновьями, и еще сильнѣе обнаружилась по смерти Василия Второго.

Съ этого времени и начинается третій періодъ въ развитіи излагаемаго процесса.

Единственный наслѣдникъ Василия Перваго, Василій Второй имѣлъ пятерыхъ сыновей, между которыми снова распредѣлилъ города и волости. Въ этомъ распредѣленіи замѣтны слѣдующія особенности: нельзя не видѣть преобладающаго значенія старшаго сына; младшіе братья владѣютъ небольшими клочками территоріи, которыхъ раздѣляютъ города и волости великаго князя; при этомъ, они настолько мало самостоятельны, что не постоянно сидятъ въ своихъ удѣлахъ. Андрей Старшій, напр., взамѣнъ прежняго удѣла, временно владѣлъ Романовымъ и Можайскомъ, Борисъ — Вышгородомъ, Андрей Меньшой — Тарусой. Иванъ Третій въ своемъ завѣщаніи (1504 г.) сдѣлалъ

распоряженіе о томъ, чтобы выморочные удѣлы, т. е. удѣлы, оставшіеся послѣ смерти бездѣтныхъ князей, переходили къ великому князю, чего раньше не было; удѣлъ Юрія, напр., достался, такимъ образомъ, великому князю. Вотчинный порядокъ наслѣдованія, какъ видно, сталъ примѣняться лишь къ великимъ князьямъ, но не къ удѣльнымъ; земли ихъ не переходили къ наслѣдникамъ. Судьба удѣловъ младшихъ братьевъ вел. кн. Ивана Третьяго поучительна и въ другомъ отношеніи: они возвращаются къ старшему брату не только насильственнымъ, но и мирнымъ, юридическимъ путемъ, путемъ завѣщанія. Такимъ образомъ приобрѣтенъ былъ удѣлъ Андрея, который завѣщалъ его великому князю (Андрей умеръ въ 1486 г.); то-же сдѣлалъ второй сынъ Бориса Иванъ († 1504), который передалъ, такимъ образомъ, великому князю свой удѣлъ, Рузу, полученную имъ отъ отца. Старшій братъ Ивана—Федоръ еще около 10 лѣтъ владѣлъ частью бывшаго удѣла отца, Воколомъ и Ржевой, которые послѣ его смерти достались великому князю Василию Третьему. Такимъ образомъ, удѣлъ Бориса Васильевича, временно перешедшій къ его сыновьямъ, благополучно присоединился къ владѣніямъ великаго князя, хотя и позже другихъ.

Итакъ, раздѣлъ, произведенный Василиемъ II между сыновьями, хотя и повелъ къ образованію нѣсколькихъ удѣловъ, но не имѣлъ уже особенно вреднаго вліянія на ходъ объединенія земли Русской. Новые удѣлы были невелики, раздроблены, иногда мѣнялись, и легко присоединялись къ владѣніямъ старшаго сына Василия II.

Но такова сила обычая, что и этотъ старшій сынъ, великій князь Иванъ III, раздѣлилъ свои владѣнія между сыновьями¹⁰⁴). Съ него слѣдуетъ начинать новый и послѣдній періодъ въ исторіи отношеній старшаго сына къ младшимъ въ великомъ княжествѣ Московскомъ.

Въ духовномъ завѣщаніи вел. кн. Иванъ III приказываетъ старшему сыну Василию держать братью свою „молодшую во чти безъ обиды“ и быть имъ вмѣсто отца, а

отъ младшихъ сыновей, Юрія, Дмитрія, Семена и Андрея, требуетъ, чтобы они старшаго брата слушали во всемъ. Это утвержденіе не было голословнымъ. Великій князь распредѣлилъ свои владѣнія такъ, что Василій дѣйствительно могъ держать братьевъ въ подчиненіи. Василій получилъ Москву съ волостями, за исключеніемъ нѣкоторыхъ доходовъ съ нея, перешедшихъ къ братьямъ и сыновьямъ великаго князя Ивана III, а также великое княжество (Колому, Каширу, Рославлевъ, Веневъ, Мстиславль, Елецъ, Серпуховъ и т. д. — всего 66 городовъ, въ числѣ которыхъ были самыя значительныя: Новгородъ, Псковъ, Тверь, Владимиръ, Переяславль, Ростовъ, Нижній, Суздаль, Муромъ, Вятская земля); кромѣ того ему обязаны были служить князя: Мезецкіе, Новосильскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Бѣльскіе, еще владѣвшіе довольно значительными вотчинами. Остальные сыновья Ивана Третьяго получили гораздо менѣе старшаго брата. Такъ, напр., Юрію достались: Кашинъ, Дмитровъ, Звенигородъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; Дмитрію даны были: Угличъ съ Устюжною, Молога, Хлепень съ Богачевымъ, Зубцовъ, Опоки, половина Ржева. Семень получилъ Бѣжецкій верхъ, Калугу и Козельскъ, а Андрей—Верею, Вышгородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старицу и Холмъ.

Преобладающее положеніе вел. кн. Василя III давало ему возможность въ значительной мѣрѣ ослабить притязаніе великихъ князей. Изъ удѣловъ, образовавшихся послѣ раздѣла Ивана III, раньше другихъ оказался выморочнымъ и возвратился во владѣніе вел. кн. Василя III удѣлъ Семена († 1518 г.) и Дмитрія († 1521 г.). Великій князь въ это время уже не довольствовался мирными пріобрѣтеніями. Василій III, напр., заточилъ племянника Дмитрія (сына Іоанна Молодого) въ темницу, гдѣ тотъ и умеръ, брату Андрею позволилъ жениться лишь въ 1533 г., когда самъ имѣлъ уже дѣтей. Юрій и Андрей не замедлили подвергнуться несчастной участи Дмитрія. Удѣлъ Юрія присоединенъ былъ къ территоріи великокняжеской въ 1553 году, во время правленія Елены Глинской, на

томъ основаніи, что Юрій будто бы питаль враждебные замыслы противъ малолѣтняго Ивана IV. Четыре года спустя настала очередь удѣла Андрея Ивановича. Правительство возымѣло такія же подозрѣнія на этого послѣдняго, какъ и на Юрія, тѣмъ болѣе, что кн. Андрей „почаль гнѣвъ держати о томъ, что ему вотчинъ не придали“. Извѣстно, какъ правительница звала Андрея на совѣтъ, какъ онъ отказался и отъѣхалъ къ Новгороду, какъ противъ него былъ посланъ Телепня-Оболенскій, который обѣщаль ему безопасность и какъ вслѣдъ за тѣмъ, по пріѣздѣ своемъ въ Москву, князь Андрей лишень былъ владѣній и заключень въ темницу (1537 г.). Андрей, однако, не умеръ бездѣтнымъ; онъ оставилъ сына Владимира, который одно время владѣлъ Старицею, Новымъ городищемъ, Холмскою волостью и Вереей съ волостями. Этотъ князь внушалъ мало довѣрія Ивану IV, долженъ былъ въ разное время дать три клятвенныхъ записи въ томъ, что по смерти царя онъ признаетъ его законнымъ наслѣдникомъ, не станеть рѣшать никакого дѣла, не сообщивши о томъ великому князю съ боярами и не будетъ держать многочисленной дворни у себя на московскомъ дворѣ¹⁰⁵). Обладая довольно значительнымъ удѣломъ, Владимиръ или самъ имѣлъ виды на престолъ, или служилъ орудіемъ политическихъ замысловъ, направленныхъ противъ Московскаго государя. Есть извѣстіе о томъ, что архіепископъ Пимень намѣревался возвести на престолъ Владимира Андреевича¹⁰⁶). Государь убѣдился въ томъ, что Владимиръ „учаль ему не прямити“, и „государь того дѣла сыскалъ“. Онъ держалъ гнѣвъ на Владимира; послѣдній, узнавъ свои вины, сталъ бить челомъ государю за эти вины съ матерью Евфросиньей. Государь смиловался, но „для тѣхъ винъ бояръ и дьяковъ у князя Владимира отвелъ, потому, что они въ той же думѣ были, а далъ государь отъ себя своихъ бояръ и дьяковъ“. Установивъ, такимъ образомъ, какъ бы политическій надзоръ за удѣльнымъ княземъ, государь вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнилъ владѣнія его. По „приказу“ государя вмѣсто

Старицы, Новаго-городища и Холмской волости, Владимиръ получилъ Дмитровъ съ волостями; вмѣсто Вереи—Звенигородъ¹⁰⁷). Оказались ли эти мѣропріятія недостаточными, или самъ царь не могъ сдержать своего гнѣва, мы не знаемъ; извѣстно только, что въ 1569 году Владимиръ былъ убитъ, мать его еще ранѣе поступила въ монастырь, а изъ сыновей, хотя одинъ и остался въ живыхъ, но уже не владѣлъ отцовскими городами, вымѣненными у государя, Дмитровымъ и Звенигородомъ. „А что былъ далѣе“, — пишетъ царь Иванъ въ своей духовной 1572 г., „князю Володимеру Андреевичу въ мѣну противъ его вотчины городовъ и волостей и селъ, города и волости и села, и князь Владиміръ предо мною преступилъ и тѣ города и волости и села сыну моему Ивану и князь Владимірова сына князя Василья и дочери посматрѣвъ по настоящему времени, какъ будетъ пригоже¹⁰⁸).

Описанный нами эпизодъ достаточно ясно показываетъ, на сколько измѣнились отношенія великаго князя къ князьямъ удѣльнымъ. Великій князь смотритъ на удѣльнаго, какъ на своего подданнаго; онъ принуждаетъ его заключать одностороннія обязательства, мѣняетъ составъ его придворнаго штата, „приказываетъ“ ему промѣнять свои вотчины на другія владѣнія, и при малѣйшемъ подозрѣніи или неповиновеніи удѣльнаго князя, подвергаетъ его наказанію и даже смертной казни. Этимъ принудительнымъ и насильственнымъ характеромъ отношеній старшаго брата къ младшимъ и отличается періодъ ихъ развитія отъ предшествующихъ.

Усиленіе старшаго сына на счетъ младшихъ замѣтно не только въ Московскомъ, но и въ другихъ княжествахъ. Въ Тверскомъ, напримѣръ, въ 1365 г. Михаилъ Александровичъ получилъ волость трехъ умершихъ своихъ братьевъ и сверхъ того захватилъ волость двоюроднаго брата Семена Константиновича. Тотъ же Михаилъ неравномѣрно распредѣлилъ города и волости между сыновьями. Иванъ Михайловичъ получилъ отъ отца 8 городовъ, Ѳеодоръ—два, а Василій и Борисъ вмѣстѣ всего два.

Новый порядокъ наслѣдованія столомъ великокняжескимъ не только отъ отца къ сыну, но отъ отца къ старшему сыну, какъ видно изъ вышесказаннаго, утвердился въ послѣдней четверти XVI вѣка. Царь Иванъ IV въ духовной своей благословляетъ старшаго сына всѣмъ русскимъ царствомъ, а Оедору даетъ нѣсколько незначительныхъ городовъ, прибавляя, что тотъ удѣлъ „ему же (сыну Ивану) къ великому государству“ ¹⁰⁹). Угличъ, данный царевичу Димитрію, былъ послѣднимъ примѣромъ отживающаго порядка.

Таковы были результаты дѣятельности Московскихъ князей, направленной къ ослабленію и уничтоженію родового порядка наслѣдованія великокняжескимъ столомъ: мало по малу стало утверждаться сперва лишь преимущественное, а затѣмъ и исключительное право наслѣдованія старшаго сына этимъ столомъ.— Основаніемъ новаго порядка съ теченіемъ времени сталъ обычай, на ряду съ которымъ продолжала, однако, дѣйствовать личная воля великихъ князей, выражавшаяся въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Обычай иногда даже сталкивался съ завѣщательнымъ правомъ и въ исключительныхъ случаяхъ приносился въ жертву послѣднему. Такъ, по смерти старшаго сына Ивана III, Ивана Молодого, великій князь, слѣдуя принципу первородства, благословилъ великимъ княженіемъ сына Иванова, внука своего, Димитрія и торжественно вѣнчалъ его на царство въ 1498 году ¹¹⁰). Когда же былъ открытъ заговоръ приверженцевъ Димитрія, князей Патрикѣевыхъ и Ряполовскихъ, заговоръ, направленный, повидимому, противъ Софьи Ѳоминышны, государь сталъ „нерадѣть о внукѣ“ и въ 1502 году „наложилъ на внука опалу и не велѣлъ нарицати великимъ княземъ“ ¹¹¹). Случай этотъ, однако, былъ исключительнымъ; словомъ, въ общемъ можно сказать, что со временъ царя Ивана IV окончательно утверждаются права первородства и единонаслѣдія престола.

Вліяніє западно-європейської культури на русську жизнь XVI і XVII вв. і послѣдствія его.

Притокъ иноземцевъ въ Московское государство къ концу XVI в. и началу XVII-го, съ цѣлями духовними и матеріальними, вызвавъ въ русской жизни поворотъ къ иноземщинѣ, что, разумѣется, не прошло безъ вліянія на самую жизнь. Это вліяніє западно-європейської культури на русскую жизнь еще яснѣе обнаруживается въ XVII в.

Иностранные мастера нерѣдко держали русскихъ подмастерьевъ; техника этихъ мастеровъ и выдѣлываемые ими предметы служили образцами для русскихъ ремесленниковъ; русскіе люди научились винодѣлію ¹¹²⁾, канатному, „рудознатному“ и литейному дѣлу, часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастерству; туземное производство бумаги вызвано было, повидимому, подобнымъ же образомъ: русская бумага конца XVII в. снабжена иностранными знаками ¹¹³⁾. Купцы привозили западно-європейскія произведенія, которыя распространялись по Московскому государству. Въ Москвѣ появились доктора, излагавшіе свою науку, какъ, наприкладъ, „дохтуръ Квиринъ Бремборгъ ¹¹⁴⁾“; въ Москву же стали приглашать ученыхъ „географусовъ“ и астрономовъ въ родѣ Олеарія. Наконецъ, военные люди знакомили москвичей съ иноземнымъ вооруженіемъ и строемъ, а также съ инженернымъ искусствомъ. Помимо этихъ частныхъ вліяній, иностранцы вообще въ XVII вѣкѣ продолжали заносить на русскую почву сѣмена западно-європейской цивилизаціи. Начали обнаруживаться перемѣны въ древне-русскомъ бытѣ ¹¹⁵⁾. Нѣкоторые ¹¹⁶⁾ стали носить иноземное платье. Западно-європейское вліяніє на искусство также не подлежить сомнѣнію ¹¹⁷⁾.

То же западное вліяніє отчасти замѣчается и въ русскомъ зодчествѣ XVI—XVII вв. Хотя итальянскіе архитекторы XV—XVII вв. и должны были подчиняться требованіямъ церковнаго византійскаго стиля, однако, въ технику строительнаго искусства, быть можетъ, въ орнаментациі

вносили новые мотивы и приемы. Благодаря этому, хотя бы и слабому влиянію Эпохи Возрожденія на нашу архитектуру, являлось болѣе свободное отношеніе русскихъ зодчихъ къ преданіямъ византійской церковной архитектуры; русскому „деревянному“ столповому и шатровому стилю открывался доступъ къ каменнымъ церковнымъ зданіямъ, словомъ, создавался русскій національный стиль ¹¹⁸⁾.

Благодаря малорусской драмѣ (духовной) и западно-европейскому влиянію, а также просвѣщенной дѣятельности А. Матвѣева, съ послѣдней трети XVII столѣтія въ Москвѣ появляются и первыя театральныя представленія. Въ 1672 г. царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ посла къ „Курляндскому Якубусу, князю“. Послу поручено было, между прочимъ, нанять людей которые „умѣли бы всякія комедіи строить“. Попытка эта не удалась, зато въ самой Москвѣ, въ нѣмецкой слободѣ, подыскался услужливый пасторъ и магистръ лютеранинъ Яганъ Готфридъ Грегори; ему и велѣно было „учинить комедію и... для того устроить хоромину вновь“ въ Преображенскомъ. Вслѣдъ за тѣмъ Грегори получилъ разрѣшеніе обучать комедійному дѣлу 20 дѣтей мѣщанъ. Царь Алексѣй Михайловичъ не только одинъ, но и съ цѣлымъ семействомъ, съ молодой женою и дѣтьми, охотно ѣздилъ смотрѣть на разнообразныя „дѣйства“, сюжеты которыхъ почерпались изъ ветхозавѣтной и древней исторіи и разыгрывались по пьесамъ, переведеннымъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ ¹¹⁹⁾. Репертуары магистра Грегори въ XVII вѣкѣ, Куншта и Фиршта въ началѣ XVIII в. слагались изъ такъ называемыхъ англійскихъ комедій Haupt und Staatsactionen, изъ пьесъ, возникшихъ, благодаря дѣятельности магистра Фельтена и его послѣдователей. Оба репертуара состояли подъ исключительнымъ влияніемъ нѣмецкаго театра.

Наконецъ, благодаря сношеніямъ съ Западной Европой, русскіе люди начали знакомиться съ европейскою наукой, на которую у насъ и до Петра существовалъ утилитарный взглядъ ¹²⁰⁾. Кромѣ западно-европейскихъ оригинальныхъ сочиненій, въ XVII в. стали появляться пере-

воды или подражанія, вызванныя нѣкоторыми свѣдѣніями по иностранной литературѣ того времени и желаніемъ ознакомиться съ нею еще болѣе ¹²¹⁾). Переводная беллетристическая литература ¹²²⁾, силлабическая поэзія, а также духовныя драмы Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго ¹²³⁾, готовили то вліяніе, какое со временъ Петра начала мало-по-малу оказывать на наше развитіе западно-европейская изящная литература. Историческія переводныя книги стали распространяться съ этого времени ¹²⁴⁾.

Наконецъ, техническія руководства, въ родѣ нѣмецкаго и латинскаго сочиненія о „пушечныхъ и иныхъ разныхъ ратныхъ дѣлахъ и мастерствахъ“, также существовали въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ переводчикомъ посольскаго приказа Анисимомъ Михайловымъ, по указу царя Василія Шуйскаго. Подобнаго рода факты показываютъ, что и въ научномъ отношеніи то сближеніе, какое обнаружилось съ Западной Европой въ XVI столѣтіи и особенно въ XVII-мъ, не пропало даромъ.

Знакомство съ западно-европейской цивилизаціей вызвало въ высшихъ слояхъ русскаго общества большій интересъ и къ европейской политикѣ. Съ 1621 г. появляются писанныя, съ 1631 г. печатныя вѣдомости изъ-за границы, извѣстныя подъ названіемъ курантовъ. Куранты не были общедоступны ¹²⁵⁾.

Польза, какую приносило общеніе русскихъ людей съ западно-европейскимъ міромъ, не осталась ими незамѣченной: русскіе стали дружелюбнѣе относиться къ иностранцамъ ¹²⁶⁾. Кромѣ того, многіе изъ представителей тогдашняго русскаго общества начали прямо-таки увлекаться западно-европейской цивилизаціей, такъ что въ 1675 г. правительству пришлось указомъ ¹²⁷⁾ положить запретъ на такое отношеніе къ ней. Увлеченіе европейской культурой, хотя бы внѣшними ея формами, а не внутреннимъ содержаніемъ, вызывало со стороны русскихъ западниковъ пренебреженіе къ лицамъ, закоснѣвшимъ въ прежнихъ убѣжденіяхъ ¹²⁸⁾, да и русскій западникъ не всегда уживался со старинными обычаями ¹²⁹⁾.

Итакъ, въ ходѣ нашего развитія подъ вліяніемъ знакомства съ западно-европейской цивилизаціей совершился крупный переворотъ: она смѣнила византійскія преданія и образованность.

Главнѣйшія причины, вызвавшія смуту, характерныя ея особенности и обстоятельства, способствовавшія водворенію порядка послѣ 1613 года ¹³⁰⁾.

Смута частью вызвана была внутренними нестроениями, которыя повліяли на характеръ польско-русскихъ отшеній (1598—1613), частью сама развилась подъ ихъ вліяніемъ. Внутреннія причины ея, въ свою очередь, можно разбить на три группы; на причины экономического, соціального и политическаго свойства.

Уже со второй половины XVI в. замѣчается какой-то кризисъ въ народномъ хозяйствѣ. Быть можетъ, подъ его вліяніемъ много свободныхъ, но бѣдныхъ лицъ поступило въ кабалу къ болѣе состоятельнымъ. Но онъ продолжался въ началѣ XVII ст., осложился еще болѣе вслѣдствіе неурожаевъ 1601—1604 г. г. Всѣ эти бѣдствія разорили многихъ состоятельныхъ хозяевъ, которые уже не могли кормить своихъ холоповъ и отпускали ихъ на волю. Образовался рядъ лицъ, свободныхъ, но голодныхъ и, вѣроятно, озлобленныхъ на своихъ господъ. На ряду съ людьми недовольными, которые и въ позднѣйшее время, напр., въ 1606 г., стремились подметными письмами возмутить московскую чернь противъ высшихъ сословій, въ Московскомъ государствѣ бродило еще много другихъ элементовъ, не устоявшихся, не зачисленный въ государственный строй. Южная Украина, куда бѣжалъ всякій сбродъ, гдѣ бывали и бѣглые холопы, и крестьяне, вышедшіе изъ центральныхъ уѣздовъ, и мелкій служилый людъ, привыкшій къ полукучевой военной жизни, и являвшіеся изъ-за Днѣпра черкасы (запорожцы), и донцы,—легко приходила въ волне-

ніе. Здѣсь, въ началѣ XVII в., образовались разбойничьи шайки съ атаманомъ Хлопкою Косолапымъ во главѣ; онѣ распространились до самой Москвы; правительству стоило не малаго труда усмирить ихъ. Но усмиренія подобнаго рода шаекъ становились тѣмъ труднѣе, что къ нимъ легко могли присоединиться не только переселенцы изъ черкассъ и донцовъ, но и сами запорожскіе и донскіе казаки, съ которыми гораздо тяжелѣе было справиться. И запорожцы и донцовъ, дѣйствительно, много способствовали успѣхамъ самозванцевъ съ 1604 г., когда явились въ станѣ Лжедмитрія I.

На ряду съ этими условіями, благопріятствовавшими развитію смуты, можно указать и на нѣсколько обстоятельствъ иного рода. Бездѣтному царю Θεодору Ивановичу долженъ былъ бы наслѣдовать братъ его Димитрій, но послѣдній погибъ еще до кончины отца, и въ его смерти, впрочемъ, едва ли справедливо обвиняли Бориса Годунова. Такимъ образомъ, когда угасъ царь Θεодоръ (въ январѣ 1598 г.), прекратилась и самая династія Рюриковичей. Какъ извѣстно, благодаря личнымъ достоинствамъ и кое-какимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, на престолѣ удалось утвердиться Борису Годунову. Но смерть Бориса и возмущеніе противъ сына его Θεодора снова возбудили династическій вопросъ. Избраніе Василія Шуйскаго московскимъ вѣщемъ (а не земскимъ соборомъ) слишкомъ неудовлетворительно рѣшало этотъ вопросъ или скорѣе отсрочивало его рѣшеніе: притомъ новое правительство дѣйствовало нерѣшительно, не пользовалось популярностью, возбуждало недовольство высшаго класса и народную „шатость“. Естественнo, человѣку энергичному и предприимчивому не особенно трудно было воспользоваться соціальнымъ броженіемъ и тѣми династическими и политическими затрудненіями въ какихъ находилось государство, для того, чтобы захватить власть. Вслѣдъ за Юріемъ (Григоріемъ) Отрепьевымъ, т. е. первымъ Лжедмитріемъ, встрѣчается цѣлый рядъ такихъ лицъ. Но появленіе самозванцевъ объясняется не только вышеуказанными условіями; ему спо-

собствовали политическіе интересы боярства, которое самозванщиной думало запугать московскихъ правителей и вынудить у нихъ политическія льготы. Наконецъ, и Польшѣ было выгодно поддерживать самозванцевъ: она искала въ нихъ средства ослабить Московское государство, сильнаго и опаснаго сосѣда.

Причины, вызвавшія смуту, отчасти повліяли и на ея характеръ. Она—не только экономическій, но и политическій кризисъ, въ теченіе котораго разрозненные интересы нѣкоторыхъ разрядовъ русскаго общества всплыли на его поверхность. Самозванцы—не только искатели приключеній: въ такомъ случаѣ они не могли бы имѣть особенно важнаго значенія; они вмѣстѣ съ тѣмъ и представители или орудія цѣлыхъ партій. Лжедимитрій I, какъ извѣстно, пользовался неофициальнымъ покровительствомъ польскаго короля Сигизмунда III и помощью польскихъ вельможъ (Юрія Мнишка и др.). Но тотъ же претендентъ нашелъ сочувствіе и въ рядахъ московскаго боярства, которое, вѣроятно, надѣялось у Лжедимитрія выговорить себѣ значительныя политическія льготы и права. Борисъ Годуновъ, какъ извѣстно, при появленіи самозванца въ 1604 г., прямо обвинялъ бояръ въ томъ, что они подставили самозванца. И это обвиненіе не лишено нѣкоторой доли вѣроятія: ужъ слишкомъ охотно и быстро признали бояре въ названномъ Димитріи законнаго сына царя Ивана: князя-Василій и Иванъ Вас. Голицыны вмѣстѣ съ Мих. Глѣб. Салтыковымъ, напримѣръ, 7 мая 1605 г. торжественно заявили войску, что Лжедимитрій—законный царь. Вскорѣ затѣмъ Плещеевъ и Пушкинъ возмутили народъ противъ Ѳеодора Борисовича, а Василій Голицынъ и Вас. Масальскій убили молодого царя и заточили его ближайшихъ приверженцевъ. Черезъ нѣсколько дней Богданъ Бѣльскій съ лобнаго мѣста торжественно свидѣтельствовалъ передъ народомъ, что новый царь—дѣйствительно сынъ царя Ивана Грознаго. Второй самозванецъ также пользовался покровительствомъ Польши и нѣкоторыхъ представителей московскаго дворянства. Какъ извѣстно, въ лагерь его

съ 1607 года являются такіе дѣятели, какъ князь Рожинскій, Янъ Сапѣга и Лисовскій, принесшіе столько вреда Россіи. Представители средняго русскаго дворянства, повидимому, хотѣли воспользоваться вторымъ Лжедимитріемъ для низверженія Василия Шуйскаго, который, по избраніи своемъ на престолъ послѣ Лжедимитрія I (1606 г. мая 17), не сумѣлъ заслужить народной любви. Впрочемъ, Сунбуловъ и Прокопій Ляпуновъ, возмущавшіе княжество въ пользу втораго самозванца, вскорѣ снова перешли на сторону Шуйскаго. По примѣру боярства и дворянства, нѣкоторые изъ элементовъ русскаго общества выставляли своихъ собственныхъ кандидатовъ на престолъ. Новгородъ стоялъ за одного изъ сыновей Карла IX, шведскаго короля, Псковъ (1611 г.) призналъ третьяго Лжедимитрія. Казаки выставили одного изъ своихъ кандидатовъ Илью Корovina подъ названіемъ царевича Петра (мнимо уцѣлѣвшаго сына Θεодора Ивановича). У холопей, кромѣ Хлопки Косолапа, явился бывшій также холопомъ Иванъ Болотниковъ; онъ взволновалъ сѣверную Украйну и призывалъ къ возстанію холопей, которымъ обѣщалъ волю, богатство и почести.

Для борьбы со всѣми этими самозванцами и ихъ партіями надо было много рѣшимости и силы; ни того ни другаго у правительства не было. Царь Борисъ, при которомъ явился первый Самозванецъ, дѣйствовалъ нерѣшительно. Пораженіе, нанесенное послѣднимъ князю Мстиславскому и русскому войску подъ Новгородъ-Сѣверскомъ, возмѣщено было побѣдой при Добрыничахъ, которою, однако, Годуновъ воспользоваться не сумѣлъ. Недолговременное правленіе Лжедимитрія I, вслѣдствіе интригъ Василия Шуйскаго, безопасности правителя и недовольства народнаго, вскорѣ смѣнилось царствованіемъ Василия. Но и при немъ борьба со вторымъ Лжедимитріемъ, Тушинскимъ воромъ, велась неумѣло. Правда, молодой князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій оказался вождемъ даровитымъ: въ союзѣ со шведами ему удалось очистить Псковскую область отъ враждебныхъ отрядовъ и пройти въ Москву, но зависть

царскаго брата Дмитрія Шуйскаго не давала возможности Михаилу обнаружить свои способности; при этомъ онъ умеръ скоропостижно на пиру у князя Воротынскаго¹³¹). По низверженіи Василя Захаромъ Ляпуновымъ съ товарищами, наступилъ періодъ междоусобицы, когда боярская партія избрала на престолъ королевича Владислава и заключила съ нимъ особый договоръ, въ силу котораго права высшихъ сословій должны были остаться неприкосновенными, а введеніе новыхъ законовъ, примѣненіе смертной казни и перемѣны въ служебныхъ назначеніяхъ могли происходить лишь съ согласія бояръ и думныхъ людей. Нечего и говорить о томъ, что за время междоусобицы правительства почти не существовало, и что, слѣдовательно, оно дѣйствовало еще менѣе удачно противъ самозванцевъ, чѣмъ въ предшествовавшій періодъ. Но, по мѣрѣ того, какъ слабѣло правительство, во враждебныхъ силахъ, возставшихъ противъ Московскаго государства, все ярче сказывались недостатокъ единства, антагонизмъ, слѣды разложенія и все болѣе обнаруживалась усиленная дѣятельность самого русскаго общества, направленная на защиту національныхъ и религіозныхъ интересовъ русской народности. Среди русскихъ приверженцевъ короля Сигизмунда были люди родовитые и неродовитые; такіе бояре, какъ князя Мстиславскіе и Воротынскій не могли мирно ужиться съ засѣдавшими въ думѣ торговыми мужиками, въ родѣ Ѳедки Андропова. Между самозванцами и королями также все яснѣе обнаруживалось разногласіе интересовъ. Уже первый самозванецъ далеко не осуществилъ надеждъ короля польскаго и, если бы не палъ отъ руки убійцы, вѣроятно, кончилъ бы тѣмъ, что объявилъ бы войну Польшѣ. Ко второму самозванцу, мѣшавшему водворенію польскаго королевича на московскомъ престолѣ, Сигизмундъ относился уже прямо враждебно. Осенью 1609 г., какъ извѣстно, пріѣхали послы его въ Тушино съ приказаніемъ, чтобы всѣ поляки оставили Лжедмитрія. Въ 1610 г. послѣ низверженія Шуйскаго гетманъ Жолкѣвскій, по соглашенію съ боярами, отозвалъ самозванца отъ Москвы въ Ка-

лугу. Наконецъ, самимъ полякамъ мѣшало разногласіе между Сигизмундомъ и Владиславомъ по поводу избранія на престолъ московскій. Послѣ того, какъ русскіе послы 31 января 1610 г. явились къ Сигизмунду съ предложеніемъ избрать на царство королевича Владислава (подъ условіемъ принятія православія), король самъ возымѣлъ намѣреніе занять мѣсто сына. Это соперничество между отцомъ и сыномъ, къ счастью для Москвы, ослабляло польскія силы. Одного всѣ эти обстоятельства не могли бы уничтожить смуты; они были скорѣе благопріятными условіями для ея прекращенія, а подавлена была она, благодаря дѣятельности собственно русскаго общества. Смута подвергала опасности національное и религіозное единство; защитникомъ послѣдняго явился почти весь народъ. Посадскіе люди и представители городовъ сходились на вѣча, переписывались, набирали отряды для народнаго ополченія. Во главѣ этого освободительнаго движенія стали такіе люди, какъ патріархъ Гермогенъ, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій изъ Троицкой Лавры, Мининъ и Пожарскій. Несмотря на неудачу перваго народнаго ополченія подъ предводительствомъ Ляпунова, который убитъ былъ возмущившимися казаками, вскорѣ собралось второе; движеніе на этотъ разъ началось не въ Рязани (какъ первое), а въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ такъ успѣшно дѣйствовалъ земскій староста Кузьма Мининъ. Онъ вскорѣ занялъ Ярославль, затѣмъ отбилъ поляковъ (Ходкевича) отъ Москвы, очистилъ Кремль и такимъ образомъ, подготовилъ избраніе новаго русскаго православнаго царя, которое и состоялось 21 февраля 1613 г. послѣ довольно значительныхъ споровъ.

Съ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича Романова, смута для русскихъ государей закончилась; сомнѣваться было не въ чемъ; на престолъ сидѣлъ законный русскій царь; народная „шатость“ миновала. Но новому правительству долго еще, лѣтъ десять, пришлось бороться съ бродячими шайками черкассъ и литовцевъ (главнымъ образомъ, Лисовчиковъ). Съ польскимъ королемъ, который все еще не

хотѣлъ признать Михаила Оедоровича законнымъ государемъ, война продолжалась до Деулинскаго перемирія, заключеннаго 1 декабря 1619 г. на 14½ лѣтъ. По этому перемирію, однако, королевичъ Владиславъ не отказывался отъ своихъ правъ на московскій престолъ, и за Польшею оставались Смоленскъ и Сѣверская земля. Поэтому, естественно, въ 1633 г. военныя дѣйствія возобновились; неудача подъ Смоленскомъ повліяла и на невыгодныя условія Поляновскаго мира, завершившаго эту войну (17 мая 1634 г.). Правда, Владиславъ отказался отъ своихъ претензій на московскій престолъ, но территоріальныя уступки, сдѣланныя Россіей Польшѣ по Деулинскому перемирію, и теперь остались безъ измѣненій. Польша сохранила за собою Смоленскъ, Дорогобужъ, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій и нѣкоторые другіе города. Одновременно съ Деулинскимъ перемиріемъ пришлось заключить невыгодный Столбовскій миръ (1617 г.) со шведами, за которыми остались Ивангородъ, Яма, Копорье и Кексгольмъ съ окрестною областю.

Причины паденія земскихъ соборовъ ¹³⁰⁾

Паденіе земскихъ соборовъ было вызвано самыми разнообразными причинами.

1) Земскіе соборы у насъ, на Руси, явились слишкомъ поздно для того, чтобы занять опредѣленное мѣсто въ государственномъ строѣ. Московскіе князья въ то время, когда власть ихъ была еще слабой, не слишкомъ нуждались въ денежныхъ средствахъ, и поэтому за ними тогда не обращались къ народу. Но, когда въ XVI в. самодержавная власть окрѣпла въ значительной мѣрѣ, сложился государственный строй, населеніе стало дробиться по разрядамъ, обязанности которыхъ также опредѣлились, обращеніе правительства къ народнымъ представителямъ не

могло имѣть особенно важныхъ политическихъ послѣдствій для жителей. Народные представители не нашли себѣ постоянного мѣста въ болѣе или менѣе опредѣлившемся государственномъ порядкѣ.

2) Причины и поводы, по которымъ созвались соборы, со второй половины XVII в., стали терять прежнее значеніе. Новая династія утвердилась на престолѣ, издано было уложеніе, надолго удовлетворившее потребность въ Полномъ Сводѣ Законовъ; новые оклады налоговъ, даже чрезвычайные, стали утверждаться государемъ и Боярской Думой ¹³¹). Слѣдовательно царю, по инициативѣ котораго и собирался соборъ, не было нужды приглашать представителей.

3) Не менѣе важнымъ обстоятельствомъ, способствовавшимъ паденію земскихъ соборовъ, была неподготовленность самаго общества къ такого рода учрежденію. Высшій классъ — крупные землевладѣльцы и духовенство, вѣроятно, не очень дружелюбно относились къ земскимъ соборамъ, особенно послѣ собора 1648 — 49 гг. Политическое вліяніе бояръ слабѣло передъ передъ земскимъ соборомъ; злоупотребленія крупныхъ землевладѣльцевъ, захватившихъ многія тяглыя земли на посадахъ, обнаруживались въ 1648—49 г.г. и вызвали противъ себя рядъ ограничительныхъ мѣръ; наконецъ, и духовенство на томъ же соборѣ потеряло нѣкоторыя изъ своихъ привилегій. Все это, разумѣется, не вызывало со стороны ближайшихъ совѣтниковъ государя желанія способствовать созыву представителей, если онъ не настаивалъ на этомъ. Низшіе слои общества такъ же, какъ и высшіе, хотя по другимъ причинамъ, довольно холодно относились къ представительству: они имѣли еще слишкомъ мало политическаго смысла для того, чтобы дорожить такимъ учрежденіемъ, какъ земскіе соборы. Далекій и тяжелый путь въ Москву, необходимость иногда на долгое время отрываться отъ хозяйства, дорогая жизнь въ столицѣ, словомъ, различные временныя неудобства заслоняли въ глазахъ населенія болѣе существенныя политическія выгоды; на представитель-

ство стали смотрѣть не какъ на право, а какъ на обязанность. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это настроеніе сказывалось довольно ярко. Въ Карачевѣ, напримѣръ, надо было произвести выборы представителей на одинъ изъ соборовъ. Воевода карачевскій два раза посылалъ пушкарей и стрѣльцовъ для того, чтобы созвать уѣздныхъ дворянъ для выбора депутата. Послѣ второго раза въ Карачевъ пріѣхало двое дворянъ, которыхъ воевода поспѣшилъ прямо отослать въ Москву. Въ Карачевѣ, какъ видно, на этотъ разъ никакихъ выборовъ не происходило, а депутаты посланы были на соборъ по назначенію мѣстнаго органа администраціи. Такой же взглядъ на представительство, какъ на обязанность, сказывается и въ одной царской грамотѣ 1648—49 г.г., которою не дозволяется отпускать выборныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ Москвы съ собора, „потому что они на Москвѣ отъ государева и земскаго дѣла не отдѣлалися”¹³²).

4) Неудивительно, что при господствѣ довольно крѣпкой самодержавной власти и болѣе чѣмъ индифферентомъ отношеніи населенія къ дѣлу представительства, земскіе соборы не успѣли выработать себѣ какихъ-либо юридическихъ гарантій, которыми обезпечивалось бы ихъ дальнѣйшее политическое существованіе. У насъ не было заключено такихъ актовъ, какъ Magna Charta или Statum de tallagio non concedendo, а подобные акты въ случаѣ нужды могли бы послужить земскимъ соборамъ надежными опорами ихъ существованія.

5) Наконецъ, ко всѣмъ этимъ причинамъ, способствовавшимъ паденію земскихъ соборовъ, слѣдуетъ присоединить еще одну: члены земскаго собора, какъ представители земли были охранителями земскихъ интересовъ, старины, слишкомъ мало были развиты для того, чтобы отнестись сочувственно къ непонятной имъ новизнѣ. Въ земскихъ соборахъ русскіе цари того времени едва ли нашли бы надежныхъ сторонниковъ преобразованій. Возможно, поэтому, что Петръ, великій преобразователь, недовѣрчиво относившійся къ общественному мнѣнію, не рѣшился поддер-

жать или вызвать къ новой жизни уже павшее въ его время учрежденіе.

Несмотря на неопредѣленность своей организаци и своей компетенці, а также кратковременное существованіе, земскіе соборы имѣли важное значеніе въ древне-русской жизни. Съ одной стороны, они оказывали благотѣльное вліяніе на правительство, такъ какъ поддерживали связь между междуцарской властью и народомъ; эта власть узнавала о нуждахъ населенія и выслушивала жалобы изъ устъ самаго народа въ лицѣ его представителей. Жалобы эти далеко не всегда оставались безъ послѣдствій; онѣ иногда являлись какъ бы своего рода законодательной инициативой со стороны депутатовъ. Самое общество, напримѣръ, отчасти вызвало реформы 1550—52 г.г., а также нѣкоторыя изъ законодательныхъ мѣръ, попавшія въ уложеніе. На соборѣ правительство могло заручиться согласіемъ населенія поступить именно такъ, какъ нужно было для выполненія преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Съ другой стороны, земскіе соборы имѣли значеніе и для земли; здѣсь сходились представители съ разныхъ концовъ обширнаго государства, сближались отдѣльныя земщины. Словомъ, на земскомъ соборѣ вырабатывалось народное самосознаніе, отчасти объединялись интересы правительства и общества, достигалось хотя бы нѣкоторое единство московскаго государственнаго строя.

Видоизмѣненіе внѣшней русской политики въ Московскомъ государствѣ подѣ вліяніемъ смутнаго времени.

Смутное время оказало вліяніе не только на внутренній строй Московскаго государства, но и видоизмѣнило ходъ внѣшней русской политики, такъ какъ показало Московскому правительству, что, не уладивъ отчасти нашихъ

отношеній къ Польшѣ, нѣтъ возможности приступить и къ рѣшенію другихъ вопросовъ внѣшней политики (восточнаго и балтійскаго). Самымъ близкимъ поводомъ къ столкновенію Московскаго государства съ Польшей послужили отношенія его къ малорусскому казачеству во второй половинѣ XVII в.

Первыя свѣдѣнія о приднѣпровскихъ казакахъ относятся къ самому концу XV в., когда они занимали область городовъ Черкассъ и Канева. Въ началѣ XVI в. казаки уже дѣлились на городовыхъ, распределенныхъ по полкамъ и на низовыхъ, жившихъ за порогами и получившихъ наименованіе запорожскихъ. Первые отличались болѣе мирнымъ образомъ жизни и большимъ культурнымъ и общественнымъ развитіемъ, чѣмъ вторые. Церковная унія, стремленіе польскаго правительства подчинить себя казаковъ (особенно городовыхъ) вызвали волненія съ ихъ стороны. На первыхъ порахъ польское правительство безъ большого труда усмирало такія мѣстныя и плохоорганизованныя возстанія, какъ напримѣръ, мятежи Косинскаго и Наливайка (1592 и 1596 г.г.). Когда же религіозная и сословная ненависть малоруссовъ къ полякамъ усилилась, а во главѣ возстанія сталъ даровитый вождь Богданъ Хмѣльницкій (1647 г.) и на помощь возставшимъ пришло Московское правительство, вопросъ объ отпаденіи Малороссіи отъ Польши можно было заранѣе считать рѣшеннымъ.

Въ концѣ 1647 г. казацкій сотникъ Зиновій Богданъ Хмѣльницкій бѣжалъ изъ Украйны въ Запорожье, а оттуда въ Крымъ. Возвратившись съ татарскимъ войскомъ и избранный въ гетманы казацкой радой, онъ поднялъ всю Украйну, поразилъ польскія войска при Желтыхъ водахъ, Корсунѣ, Пилавѣ, осаждалъ Замостье и подъ Зборовымъ заключилъ выгодный миръ; потерпѣвъ неудачу подъ Берестечкомъ, онъ согласился на миръ подъ Бѣлой-Церковью, гораздо менѣе выгодный, чѣмъ Зборовскій и потому возбудившій народное неудовольствіе; гетманъ принужденъ былъ нарушить всѣ условія и въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ обратился съ просьбой о помощи къ „царю во-

сточному". На соборѣ, созванномъ по этому поводу въ Москвѣ 1 октября 1653 года, рѣшено было принять казаковъ въ подданство. Казаки въ свою очередь присягнули 8 января 1654 года на радѣ въ Переяславлѣ на слѣдующихъ условіяхъ: войско запорожское могло доходить до 60.000 человекъ; казаки выбирали гетмана; шляхта и города сохраняли свои прежнія права; административный составъ оставался малорусскимъ. Естественно, что принятіе Малороссіи въ подданство повело къ войнѣ съ Польшею. 18 мая 1654 года самъ царь выступилъ въ походъ, съѣздивъ помолиться къ Троицѣ и въ Саввинъ монастырь. Войско направилось къ Смоленску. Весной 1655 г. предпринять былъ новый походъ. 30 іюля царь совершилъ торжественный вѣздъ въ Вильну, затѣмъ взяты были Ковно и Гродно. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Алексѣй Михайловичъ возвратился въ Москву. Въ это время успѣхи Карла, короля Шведскаго, завладѣвшаго Познанью, Варшавой и Краковомъ, измѣнили ходъ военныхъ дѣйствій. Въ Москвѣ стали опасаться усиленія Швеціи на счетъ Польши. 15 іюля 1656 г. царь двинулся въ походъ противъ Ливоніи и по взятіи Двинска и Кокенгузена, осадилъ Ригу. Осада была снята изъ-за слуха, что Карлъ X идетъ въ Ливонію. Юрьевъ (Дерптъ) занятъ былъ московскими войсками. Царь отступилъ въ Полоцкъ и здѣсь дождался перемирія, заключеннаго 24 октября 1656 г. Окончательный миръ подписанъ былъ въ Кардиссѣ 1661 года; по этому миру царь уступилъ всѣ завоеванныя имъ мѣста. Невыгодныя условія Кардисскаго мира вызваны были смутами въ Малороссіи и новой войной съ Польшей. По смерти Богдана Хмѣльницкаго въ іюлѣ 1657 г., Иванъ Выговскій провозгласилъ себя гетманомъ, измѣнилъ Москвѣ, но скоро изгнанъ былъ самими казаками, которые избрали на его мѣсто Юрія, сына Богдана Хмѣльницкаго. Юрій присягнулъ Москвѣ, но скоро постригся въ монахи и замѣненъ на правой сторонѣ Днѣпра Тетерей. Пользуясь смутами въ Малороссіи, Польша отказалась признавать Алексѣя Михайловича наслѣдникомъ польскаго престола и не уступала Мо-

сквѣ ея завоеваній. Отсюда возникла вторая польская война, въ іюнѣ 1660 года князь Хованскій потерпѣлъ поражение у Полонки, въ сентябрѣ Шереметьевъ подѣ Чудновымъ. Дѣла приняли еще болѣе опасный поворотъ благодаря продолжавшимся въ Малороссіи смутамъ. Тетеря присягнулъ королю, который явился на лѣвой сторонѣ Днѣпра, но послѣ неудачной осады Глухова въ началѣ 1664 года и успѣшныхъ дѣйствій его противниковъ—Брюховецкаго, избраннаго гетманомъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра и князя Ромодановскаго—ушелъ за Десну. Ордынъ же Нащокинъ совѣтовалъ царю отказаться отъ Малороссіи и обратиться на Швецію. Алексѣй Михайловичъ отклонилъ это предложеніе, онъ не терялъ надежды. Благопріятному исходу войны способствовали внутренніе безпорядки въ Польшѣ и переходъ гетмана Дорошенко, преемника Тетери, въ подданство турецкому султану. 13 января 1667 года заключенъ былъ миръ въ деревнѣ Андрусовѣ. Царь Алексѣй по этому миру приобрѣлъ Смоленскъ, Сѣверскую землю, лѣвую сторону Днѣпра и, кромѣ того, Кіевъ на 2 года. Вскорѣ затѣмъ Брюховецкій измѣнилъ Москвѣ, но и самъ былъ убитъ приверженцами Дорошенки. Послѣдній сталъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра, а управленіе лѣвой стороны поручилъ наказному атаману Многогрѣшному. Многогрѣшный былъ избранъ гетманомъ на радѣ въ Глуховѣ (въ мартѣ 1669 года), снова перешелъ на сторону Москвы, но свергнутъ былъ старшинами и сосланъ былъ въ Сибирь. Его замѣнилъ въ іюлѣ 1672 года Иванъ Самойловичъ. Между тѣмъ турецкій султанъ Магометъ IV, которому поддался Дорошенко, не хотѣлъ отказаться отъ лѣвобережной Украйны. Началась война, въ которой прославился польскій король Янъ Собѣскій, бывшій короннымъ гетманомъ. Война окончилась двадцатилѣтнимъ миромъ лишь въ 1681 г. и вѣчнымъ миромъ въ 1686 году, по которому Кіевъ и другія области, приобретенныя по Андрусовскому договору, навсегда оставались за Москвою.

Вѣчнымъ миромъ 1686 г. окончательно подорваны

были силы Польши. Еще до польской войны многіе „Черкасы“ переходили изъ Малороссіи въ Московское государство и селились по окраинамъ отдѣльными слободами, которыя первоначально пользовались нѣкоторыми привилегіями и нерѣдко обращались въ города. Страна эта (часть Курской, Воронежской губерніи и Харьковская губернія) стала поэтому называться Слободской Украиной. Съ окончательнымъ присоединеніемъ восточной Малороссіи къ Московскому государству самые переходы стали, по всей вѣроятности, менѣе значительными. Какъ бы то ни было, но миромъ 1681 года Польша окончательно лишилась значительныхъ плодородныхъ областей Приднѣпровья. Такимъ образомъ, если вопросъ польскій не былъ рѣшенъ окончательно, то, во всякомъ случаѣ, онъ сильно пододвинутъ былъ къ рѣшенію. Теперь уже Польша не на столько была опасна, чтобы отвлекать вниманіе русскаго правительства отъ двухъ другихъ вопросовъ: Восточнаго и Балтійскаго, которые стояли на очереди при воцареніи Петра Великаго.

Мѣстничество, его значеніе и причины уничтоженія.

Въ русской народной словесности представленіе о „мѣстѣ“, занимаемомъ на пиру однимъ изъ героев сказанія, связывается съ понятіемъ о чести. Въ пѣснѣ про Данилу Ловчанина разсказывается между прочимъ о томъ, какъ Данило груститъ, причина его грусти объясняется слѣдующимъ образомъ:

Знать, онъ у князя (Владимира) не учещенъ былъ
Или мѣстномъ сидѣлъ всѣхъ ниже,
Или чара приходила всѣхъ послѣ?

Илья Муромецъ раздраженъ на великаго князя за то, что тотъ посадилъ его на пиру съ дѣтьми боярскими. Илья

уходитъ отъ князя, стрѣляетъ по золотымъ маковкамъ княжескихъ покоевъ (или Божьихъ церквей), созываетъ голь кабацкую, угощаетъ ее и говоритъ:

Пойте вы, голы, не сумняйтесь,
Я завтра буду въ Кіевѣ княземъ служить,
А у меня вы будете предводителями.

Тѣ же понятія продолжали сказываться и при дворѣ великихъ князей Московскихъ. Право занимать такое „честное“ мѣсто, однако, принадлежало не всякому: первоначально оно стало опредѣляться, по всей вѣроятности, большею или меньшею развитостью происхожденія: понятіе о родовой чести вслѣдъ за тѣмъ измѣнилось подъ вліяніемъ понятія о чести служилой.

„Отечество“, какъ естественный признакъ, родовитаго человѣка, не подлежало пожалованію. Этотъ взглядъ на „отечество“, однако, нѣсколько видоизмѣнился подъ вліяніемъ понятій о служилой чести. Принятіе родовитымъ человѣкомъ должности, которая была ему не подъ стать, разсматривалось или какъ добровольное признаніе съ его стороны своей родовитости, или какъ отреченіе отъ такой родовитости, что вліяло и на общественное положеніе всѣхъ потомковъ отказчика.

Въ развитіи мѣстничества можно прослѣдить два періода: 1) До половины XVI в. родовая честь преобладала надъ служилой, она опредѣлилась подъ вліяніемъ появленія рукописныхъ частныхъ родословныхъ съ XV вѣка, а также выѣзжихъ служилыхъ князей и возникавшихъ съ ними споровъ; 2) со второй половины XVI вѣка родовая честь подчинилась правиламъ служилой благодаря окончательно выработавшемуся ритуалу придворнаго быта, порядку военной и гражданской службы, а также запутанности мѣстническихъ счетовъ по родовой чести, — счетовъ, которые нерѣдко разрубались, какъ Гордіевъ узелъ.

Въ теченіе перваго періода образовались понятія о человѣкѣ родословномъ, „закошнѣломъ“, то есть захудав-

шемъ, обѣднѣвшемъ, потерявшемъ прежнее общественное положеніе, хотя и родовитомъ, — и неродовитомъ (служиломъ). Въ то же время начинала складываться іерархія родословныхъ людей. Въ силу этой іерархіи строилась слѣдующая лѣствица: 1) служилые князя, поступившіе на службу великого князя съ удѣльныхъ столовъ великого княжества Московскаго были или изъ Литвы; 2) далѣе князья, владѣвшіе до подчиненія Москвѣ значительными удѣлами въ княжествахъ Тверскомъ, Ярославскомъ и другихъ; 3) наконецъ, старинные роды московскихъ бояръ, а также потомки удѣльныхъ князей, бывшихъ до Москвы на службѣ у другихъ князей.

При такомъ распорядкѣ, окончательно сложившемся въ XVI вѣкѣ, споры между родами служилыхъ князей и мѣстнымъ боярствомъ возникали нерѣдко. Бывали „случаи“ (столкновенія) между Московскими боярскими родами и русскими выѣзжими служилыми людьми, князьями. Столкновенія происходили также между отдѣльными родами служилыхъ князей. Здѣсь руководствовались старшинствомъ удѣловъ и столовъ.

Въ теченіе второго періода развитія мѣстничества соблюденіе родовой чести въ полнотѣ стало невозможнымъ въ виду разросшихся родовъ, развивавшихся государственныхъ потребностей и крѣпнувшего государственнаго строя. Родовая честь стала поэтому ограничиваться: 1) Родовыя отношенія начали опредѣляться нѣсколько искусственнымъ способомъ. Въ 1550 г. царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ уничтожено было право молодыхъ служилыхъ людей знатнаго происхожденія мѣстничаться съ воеводами менѣе знатнаго происхожденія. Это право они получали лишь тогда, когда сами становились воеводами, причемъ ихъ прежняя подчиненная служба въ такихъ случаяхъ не имѣла никакого вліянія; 2) ограничено было также число случаевъ, въ которыхъ воеводы разныхъ полковъ могли мѣстничаться. Московское войско дѣлилось на большой полкъ, правую руку, сторожевой, передовые полки (арьергардъ и авангардъ) и лѣвую руку.

Первые воеводы передового и сторожевого полка считались не меньше воеводъ правой руки, лѣвой руки воевода не меньше воеводъ передового полка. Такимъ образомъ правительство стремилось или порвать всякую мѣстническую связь между военными должностями или уравнять эти должности въ мѣстническомъ отношеніи. Правила мѣстническихъ счетовъ по службѣ отличались, поэтому, значительною сложностью.

Мѣстничество съ этого времени является не столько наслѣдственностью родословной чести, отчествомъ, сколько наслѣдственностью служебныхъ отношеній.

Мѣстническіе счета могли происходить между: 1) близкими родственниками, 2) дальними родственниками и 3) чужеродцами. Въ первомъ случаѣ споры обыкновенно разрѣшались семейнымъ и полюбовнымъ образомъ. Изрѣдка, впрочемъ, они доводились и до судебного разбирательства. Во второмъ и третьемъ случаяхъ дѣло часто доходило до суда.

Случаи, приводившіе къ столкновенію родословныхъ людей, были весьма разнообразны. Мѣстничались за государевымъ столомъ при назначеніи въ приказы; то же происходило при исправленіи должностей по городамъ, такъ какъ одинъ городъ иногда оказывался „честнѣе“ другихъ; отѣнки соблюдались даже при управленіи сторонами городовъ; мѣстничались писцы во время переписи, служилые люди—на военной службѣ.

Членамъ одного и того же рода можно было основываться при спорахъ на лѣствицѣ, чужеродцамъ послѣ предварительнаго счета по лѣствицѣ, кромѣ того еще на разрядахъ. Вотъ какъ это происходило. Когда споръ возникалъ изъ-за неясности въ родовыхъ отношеніяхъ, считали лѣствицею, по одному родству на основаніи частныхъ и официальныхъ родословныхъ; въ основѣ этихъ послѣднихъ лежалъ государевъ родословецъ. Когда же родовыя отношенія нарушались службою, въ предшествовавшихъ разрядахъ искали случаевъ по службѣ, которые доказывали бы, что данный случай, т. е. данное соотношеніе родо-

вой чести къ службѣ не соотвѣтствуетъ бывшему раньше и признанному, записанному въ разрядахъ — значитъ несправедливо.

Такъ происходилъ счетъ между членами одного и того же рода. Между чужеродцами онъ былъ сложнѣе. Спорять, допустимъ, А. и В., чужеродцы. Надо было сперва опредѣлять по лѣствицѣ, въ какомъ отношеніи каждый изъ нихъ состоялъ къ своему роду, а затѣмъ уже доказать соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе этого положенія А и В къ ихъ службѣ—по разрядамъ. Члены, значитъ, одного рода могли иногда считаться или по лѣствицѣ, или по разрядамъ чужеродцы—всегда и по лѣствицѣ, и по разрядамъ.

Ходъ мѣстническаго случая опредѣлялся слѣдующими моментами: послѣ ссоры изъ-за мѣстъ потерпѣвшими подавались челобитныя государю; иногда при этомъ родовитые бояре бивали челомъ не на то лицо, съ которымъ сидѣть имъ было „невмѣстно“, а на его предковъ. Дѣла рѣшались государемъ, а иногда и особой комиссіей: однимъ или двумя боярами, дьякомъ, „да записывалъ подъячій“ или государемъ и Боярскою Думой. Въ томъ случаѣ, когда стоящіе оказывались „ровнями“ ихъ „разводили“, то есть назначали на должности, которыми нельзя было мѣстничаться. Если одному изъ спорящихъ удавалось одержать верхъ, онъ этимъ самымъ „утягивалъ“ мѣсто у побѣжденнаго. Несправедливыя челобитныя наказывались выдачею головою, доправленіемъ безчестья деньгами съ виноватаго, битьемъ батогами передъ Разрядною избою, заключеніемъ въ тюрьму на извѣстный срокъ. Несправедливое назначеніе извѣстнаго лица порождало недовольство не только его рода, но и нѣсколькихъ ближайшихъ назначенныхъ на службу лицъ разныхъ родовъ. Бывали случаи, когда по поводу одного несправедливаго назначенія, шесть, восемь и болѣе челобитщиковъ искали другъ на друга.

Мѣстничество, какъ институтъ, допускавшій преобладаніе личныхъ интересовъ немногихъ родовитыхъ людей надъ государственными, долго просуществовать не могъ: онъ противорѣчилъ тому строю отношеній, какой все бо-

лѣе утверждался въ Россіи со второй половины XVII столѣтія. Цѣлый рядъ болѣе частныхъ причинъ способствовалъ паденію этого учрежденія.

Мѣстничество при увеличеніи количества родовъ въ строгости соблюдать было невозможно. Самый характеръ мѣстничества не благоприятствовалъ его долговременному существованію: оно не было самостоятельнымъ правомъ каждаго рода на служилую честь, а только правомъ занимать извѣстное мѣсто въ соотношеніи родовъ другъ къ другу. Служебная, слѣдовательно, лѣстница (въ томъ и другомъ случаѣ) могла быть построена самимъ государемъ, начиная съ болѣе или менѣе низкой степени; только расположеніе родовъ по этимъ степенямъ уже опредѣлялось независимо отъ него. Слѣдуетъ замѣтить, при этомъ, что въ XVII в. мѣстничество стало обнаруживать внутренніе признаки разложенія: замѣчаются постановленія объ общемъ старшинствѣ однихъ родовъ надъ другими. Такъ видимъ, что мѣстническій распорядокъ снова распадается на свои составныя части, то есть роды, но уже придавъ имъ новое служебно-родовое начало, или начало придворной аристократіи и своимъ естественнымъ ходомъ вносить въ себя аристократическое начало разрядовъ чести и правъ, самостоятельно принадлежавшихъ извѣстнымъ родамъ и лицамъ по ихъ рожденію. Эта черта аристократической исключительности, быть можетъ, развилась подъ вліяніемъ польскимъ. Счетъ съ указанной точки зрѣнія назывался особымъ терминомъ—„степенью“ и даже не всегда совпадалъ съ правилами мѣстничества. Челобитныя самого населенія также не разъ склоняли Московскихъ государей къ ограниченію или уничтоженію мѣстничества. „Били мнѣ челомъ“, говоритъ, на примѣръ, Борисъ Полевому по поводу его спора съ окольниковымъ М. Салтыковымъ,—„патріархъ Іовъ и весь соборъ (1598 г.) и бояре и приказные люди и воеводы и дворяне всѣ, чтобы онъ пжаловалъ, велѣлъ бояромъ и воеводамъ и вамъ дворяномъ быти безъ мѣстъ на нашей службѣ; и ты почему такъ воруюшь“. Такая же челобитная была подана Государю и въ 1682 году.

Этимъ просьбамъ удовлетворять было тѣмъ легче, что появленіе новаго военного строя, съ которымъ мѣстничество, выросшее на старой терминологіи (воеводъ разныхъ полковъ и проч.) мало имѣло общаго (генералы, поручики и проч.),—естественно приводило къ новому порядку отношеній. Поэтому, въ 1682 году, когда шла рѣчь объ уничтоженіи мѣстъ, рѣшено было росписать служилыхъ людей по новымъ полкамъ.

Всѣ эти причины въ связи съ тѣми неудобствами, которыя порождало мѣстничество при исполненіи служебныхъ обязанностей родовитыми людьми, постоянно ссорившихся между собою, вызывали со стороны правительства мѣры, направленные къ его уничтоженію. Учрежденіе опричнины могло нѣсколько повліять на паденіе мѣстничества. Хотя мѣстническіе случаи бывали въ „опричныхъ полкахъ“ и, вѣроятно, въ соединенныхъ отрядахъ опричныхъ и земскихъ войскъ, однако, случаи подобнаго рода, быть можетъ, отличались большимъ произволомъ или дѣло больше зависѣло отъ самого Государя. На такомъ именно основаніи князь Елецкій отстранялъ случай, представленный княземъ Вяземскимъ; „то дѣялось“,—говорилъ онъ,—„въ опричинѣ.. а хотя и будетъ таковъ разрядъ и былъ, а та была Государева воля въ опричинѣ, а въ томъ Государь воленъ“. Но и, по уничтоженіи опричнины, Государева воля иногда становилась выше мѣстническихъ правилъ. Дѣло Ратмана Вельяминова съ княземъ И. О. Троекуровымъ (1615 г.) показываетъ, что, въ крайнемъ случаѣ, мѣстническій случай могъ быть прекращенъ по приказанію Государя. Въ отдѣльныхъ спорахъ иногда рѣшеніе выдавалось по окончаніи службы заспорившихъ. Общія распоряженія на извѣстный срокъ такое ограничивали мѣстническіе случаи. Наконецъ, и походы иногда также обьявлялись безъ мѣстъ.

Всѣ эти причины привели къ извѣстному „сидѣнію“ Государя съ боярами, патриархами, архіереями, выборными начальниками монастырей 12 января 1682 года. Здѣсь въ силу челобитной, поданной частью служилыхъ людей, по

сланныхъ въ походъ и комиссіей подъ предсѣдательствомъ В. В. Голицына, созванной для преобразованія арміи, мѣстничество было уничтожено.

Европейское вліяніе на русскую жизнь.

Вліяніе европейской жизни не было чѣмъ-нибудь разъ принятымъ общественнымъ организмомъ Россіи, въ которомъ продолжало дѣйствовать и развиваться; напротивъ, оно принималось разнообразными путями, въ разныхъ размѣрахъ и распространялось далеко не одинаково. Сама Европа въ двѣсти лѣтъ переживала разнообразныя измѣненія; послѣднія не оставались безполезными для насъ. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что мы часто принимали то, отъ чего Европа отказалась или собиралась отказаться ¹³³). Утвердившаяся въ умственномъ мірѣ вѣра въ непрерывность и спасительность единой европейской цивилизаціи много препятствовала правильности пониманія и разрѣшенія этого вліянія. Правда, цивилизація движется впередъ, каждый поступательный шагъ ея есть побѣда челоуѣческаго духа, стало быть, горе тѣмъ, кто не запаслись всѣми ея благами, не приняли самоновѣйшаго ея слова. Въ отношеніи техники здѣсь есть правда: электрическое освѣщеніе лучше газоваго, а газовое было лучше масляннаго; усовершенствованное оружіе можетъ дать побѣду народу, принявшему его, надъ тѣмъ, который его не принялъ. Но въ мірѣ умственномъ не всегда новое лучше стараго; меньше можно сказать это о нравственныхъ понятіяхъ, а еще меньше о государственномъ строѣ. Безъ сомнѣнія, знакомство съ другими странами много способствуетъ развитію какъ отдѣльныхъ людей, такъ и всего общества: расширяется умственный горизонтъ, дается матеріаль для сравненія, для образованія общихъ сужденій ¹³⁴).—Внѣшнія стороны европейской жизни увлекали и увлекаютъ насъ, а за ними уже и все остальное почти безъ разбора, и мы не

замѣчаемъ того, что и лучшія стороны ея имѣють въ себѣ даже для Европы большія неудобства, а у насъ могутъ быть приложимы только съ большой ломкой.—Опытъ Европы долженъ служить не примѣромъ для подражанія а скорѣе предостереженіемъ: гораздо лучше подождать и выработать свои новыя формы, которыя не разрывали бы связи со старымъ основами ¹³⁵).—Труднѣе тяжелѣе, не заимствуя существеннаго, создавать изъ существующихъ матеріаловъ; такая дѣятельность прежде всего требуетъ творчества и, конечно, высокоразвитаго ума. Поверхностное знакомство ведетъ къ восхищенію тѣмъ, что не наше, а глубокая вдумчивость пріучаетъ къ большей серьезности. Историческій моментъ требуетъ болѣе всего сознанія того, какъ и чѣмъ мы жили, и чѣмъ мы должны жить. Для достиженія этой цѣли необходимо опредѣлить, въ чемъ именно состояло вліяніе на насъ Европы, выяснить, что именно и въ какой мѣрѣ было благотѣльно въ немъ. На основаніи такого пріема изложенія невольно окажется, что было вреднаго въ этомъ вліяніи. Сопоставленіе противоположныхъ вліяній и выводовъ изъ нихъ уяснятъ на данныхъ исторіи и литературы и путь этого воздѣйствія, что можетъ служить заключительнымъ отвѣтомъ на тему ¹³⁶).

Образованіе Россійской Имперіи въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи ¹³⁷).

Со второй половины XVII ст. русская жизнь начинаетъ замѣтно осложняться и обнаруживаетъ цѣлый рядъ особенностей, которыя отличаютъ это время отъ предшествовавшихъ періодовъ ея развитія.

1) Въ XII—XVII в. в. одна великорусская народность, въ сущности, лежала въ основѣ нашего политическаго развитія. Но со второй половины XVII ст. и въ XVIII ст.

на ряду съ великоруссами и малороссы и бѣлоруссы начинаютъ принимать участіе въ русской государственной жизни; послѣдняя, такимъ образомъ, слагается теперь уже изъ болѣе разнообразныхъ этническихъ элементовъ, и отличается болѣе значительнымъ богатствомъ содержанія.

2) Перемены въ составѣ населенія отчасти повліяли и на отношенія его къ правительству. Въ прежнее время лицо, придавленное государствомъ, не могло обладать духовною самостоятельностью. Политическое сознаніе мало развито было у русскихъ до царствованія Петра; оно и не могло развиваться, такъ какъ понятія о свободной личности не существовало. Каждый привязанъ былъ къ своему податному или служилому тяглу, состоялъ подъ ярмомъ государственной службы и другого положенія даже представить себѣ не могъ. Преобразованія Петра сразу поставили многихъ русскихъ людей того времени въ необходимость такъ или иначе отнестись къ реформѣ; сама жизнь наталкивала ихъ на сознательную работу мысли; вмѣстѣ съ тѣмъ начинали складываться основанія, на которыхъ могла постепенно развиться индивидуальность. Такая работа пошла еще успѣшнѣе, когда само правительство стало мало-по-малу высвобождать лицо изъ-подъ того политическаго гнета, который давилъ русскихъ людей до временъ Петра включительно. Правда, не все населеніе приобрѣло право на большую свободу; лишь дворянство и отчасти купечество могли ею воспользоваться; но изъ этихъ классовъ стало образовываться русское общество, получившее возможность занять хоть мало мальски независимое отъ правительства положеніе въ странѣ, что, въ свою очередь, подготовило основаніе для будущихъ великихъ реформъ нашего вѣка. Эти перемены въ связи со многими другими преобразованіями въ государственномъ строѣ произошли подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи.

3) Въ самомъ дѣлѣ, Московское государство, оградивъ себя отъ ближайшихъ восточныхъ и западныхъ со-

сѣдей, отвоевало себѣ, такимъ образомъ, самостоятельное политическое положеніе въ Европѣ, но не успѣло еще воспользоваться имъ, оставалось довольно изолированнымъ, мало подчинялось иноземному вліянію и почти не вступало въ нормальное взаимодѣйствіе съ державами европейскаго запада. Эти процессы начинаютъ обнаруживаться съ XVII вѣка и особенно ясно сказываться въ XVIII столѣтіи; поэтому новый періодъ нашей исторіи характеризуется, между прочимъ, столкновеніемъ національных русскихъ началъ съ западно-европейскими и результатами такой борьбы.

Впрочемъ, явленія, намѣченныя выше, не развивались равномерно въ теченіе XVIII столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, составъ населенія за это время измѣнился постепенно: тогда какъ Малороссія была инкорпорирована въ половину XVII в., Бѣлоруссія, Остзейскія губерніи и часть Польши вошли въ предѣлы территоріи Россійской имперіи лишь со второй половины слѣдующаго столѣтія. Основанія свободы личности уже отчасти сложились при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, но только во время Екатерины политическая самостоятельность нѣкоторыхъ изъ сословій дождалась законодательной санкціи и повела къ большому развитію политическаго сознанія въ русскомъ обществѣ. Отличія замѣтны также и въ управленіи первой и второй половины XVIII столѣтія. При Петрѣ все еще царитъ смѣшеніе властей, хотя и дѣлаются попытки къ ихъ разграниченію; при Екатеринѣ оно уже признается и сознательно проводится, хотя бы, напр., въ системѣ губернскихъ и сословныхъ учреждений. Слѣдуетъ замѣтить также, что, несмотря на попытки Петра I провести реформу областныхъ учреждений, его преобразованія, особенно со второй половины царствованія, въ сущности касались одного центрального управленія. Царствованіе Екатерины, наоборотъ, извѣстно, между прочимъ, реформой областныхъ учреждений, тогда какъ центральныя оставались почти въ прежнемъ состояніи. Наконецъ, въ степени и характерѣ западно-европейскаго вліянія на русскую

жизнь нельзя не отмѣтить тѣхъ же двухъ періодовъ, какіе замѣтны и въ развитіи выше перечисленныхъ явленій, придающихъ своеобразную окраску нашей исторіи въ XVIII вѣкѣ. Въ первую половину столѣтія много заимствовали, но мало перерабатывали заимствованное; во вторую замѣчается болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу. Такимъ образомъ, промежутокъ времени, въ теченіи котораго, на ряду со всѣми вышеуказанными особенностями, впервые ясно сказывалось вліяніе западно-европейской цивилизаціи на русскую жизнь, можно раздѣлить на два второстепенныхъ момента: первая и вторая половины XVIII в. разнятся другъ отъ друга не только хронологически, но и по существу.

Въ началѣ данного періода преобразовательная дѣятельность Петра Великаго и вызванная ею оппозиція выступили на первый планъ. Эти крайнія направленія нѣсколько сгладились въ переходное время, когда преемники Императора, слишкомъ быстро смѣнявшіе одинъ другого, мало способные къ управленію, не снесли тяжелаго бремени, какое налагали на нихъ послѣдствія петровской реформы и прибѣгли къ помощи русскаго общества. Исторіей этого взаимоотношенія между правительствомъ и обществомъ, все болѣе сознававшимъ свое самостоятельное значеніе въ государствѣ, занята преимущественно вторая половина XVIII вѣка.

Русское политическое сознаніе въ XVIII вѣкѣ.

Политическое сознаніе у насъ въ до-Петровской Россіи находилось въ зачаточномъ состояніи: оно сказывалось въ правительственной дѣятельности, а не въ общественныхъ идеалахъ, не находило себѣ опоры въ изученіи русскуй народности, ея прошлаго и настоящаго и не выливалось въ опредѣленные соціально политическія тео-

ріи. Въ началѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ школъ, книжной переводной политической литературы и важныхъ перемѣнъ, происходившихъ въ нашемъ государственномъ строѣ, какъ напр., закона Петра о престолонаслѣдіи и событій 1730 года, при восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, русское политическое сознаніе стало пробуждаться.

1) Но послѣдовавшая затѣмъ Бироновщина съ ея „Словомъ и Дѣломъ” не позволяла ему гласно высказываться относительно русской современности; оно естественно обратилось вспять, стало изучать наше прошедшее. Труды Татищева подготовили научныя основы нашей исторіографіи. Со второй трети XVIII стол. русскіе люди стали, однако, признавать необходимость многихъ и многихъ подготовительныхъ работъ по русской исторіи, прежде чѣмъ возможно будетъ прійти къ какимъ-либо общимъ заключеніямъ, начали обращать вниманіе на собираніе, изданіе и классификацію археологическаго и археографическаго матеріала (Миллеръ, Новиковъ), вырабатывать приемы строгой исторической критики (С. Байеръ, А. Шлецеръ), словомъ, принялись за выясненіе основныхъ началъ методологіи русской исторіи. Феноменологія нашей отечественной исторіи, правда, все еще далеко не вполне удовлетворяла даже элементарнымъ научнымъ требованіямъ: на разъясненіи древне-русской исторіи отражалась борьба національныхъ интересовъ. По вопросу о призваніи князей выражала свое мнѣніе не одна школа антинорманистовъ (М. Ломоносовъ), но и норманистовъ (С. Байеръ, Миллеръ); западно-европейская точка зрѣнія на нашу исторію (Леклеркъ) вызвала коррективъ въ русскомъ ея пониманіи (Болтинъ и Щербатовъ), а одностороннее изложеніе ея у Щербатова—ѣдкую критику Болтина.

2) Русское сознаніе, однако, не ограничивалось однимъ изслѣдованіемъ прошлыхъ судебъ Россіи; при первой возможности оно обратилось на изученіе ея современнаго состоянія, на изученіе, которое сказалось частью *объек-*

тивно въ цѣломъ рядѣ ученыхъ путешествій, въ этнографическихъ наблюденіяхъ и научной политической литературѣ, частью *субъективно* въ публицистикѣ. На ряду съ учеными нѣмецкими путешественниками, какъ-то: Мейершмидтомъ, Штраленбергомъ, Берингомъ и Стеллеромъ Миллеромъ, Гонелиномъ, Фалькомъ, Гильденшtedтомъ, Палласа, дѣйствуютъ русскіе ученые: Кирилловъ, Крашениниковъ, Лепехинъ, Озерецковскій, Зуевъ. Разросшіяся географическія знанія даютъ возможность Полунину и Щекатову собрать ихъ во одно (въ географическомъ словарѣ). Изученіе географіи, естественно, повело и къ этнографическимъ наблюденіямъ. Правда, приемы, которыхъ держались, напр., Поповъ, Чулковъ, или Кайсаровъ, при производствѣ подобнаго рода наблюденій, далеки были отъ современныхъ требованій науки; тѣмъ не менѣе эти лица впервые собрали и обратили вниманіе другихъ на этотъ любопытный матеріалъ.—Кромѣ изученія народности, *объективное* сознательное отношеніе къ настоящему выразилось въ политической литературѣ. Появляются первые газеты и журналы, переводятся сочиненія политическія, напр., Юста Липсія („Увѣщаніе и приклады политическіе”), Гуго Гроція, Пуффендорфа („Обязанность гражданина” и „Естественное право”) и др.; къ этимъ переводамъ нерѣдко присоединяются обширныя предисловія, пишутся самостоятельныя сочиненія или перерабатываются иностранныя (напр., „Теорія общественнаго договора” Руссо въ изложеніи майора Яковлева).—*Субъективное* сознательное отношеніе къ настоящему обнаружилось въ публицистикѣ какъ апологетической, такъ и оппозиціонной. *Апологетическое* направленіе защищало правительственныя мѣропріятія. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны проповѣди Теофана Прокоповича¹³⁸), затѣмъ—Симона Кохановскаго и Гавріила Бужинскаго при Петрѣ; при Елизаветѣ въ пользу правительства говорились проповѣди Амвросіемъ Юшкевичемъ, Кирилломъ Флоринскимъ, Стефаномъ Калиновскимъ, Дмитріемъ Сѣченовымъ и Гедеономъ Криновскимъ. *Оппозиціонное* направленіе замѣчается въ про-

повѣдяхъ Стефана Яворскаго, у Посошкова ¹³⁹⁾ и въ сочиненіи Щербатова „О поврежденіи нравовъ“.

3) Сознательное отношеніе не только къ прошлому и настоящему, но и къ будущему сказалось въ образованіи политическихъ идеаловъ, которые отличались или ретрограднымъ характеромъ (напр., мысль объ уничтоженіи выслуги, какъ способа пріобрѣтенія дворянскаго достоинства), или прогрессивнымъ (каково, напримѣръ, требованіе объ уничтоженіи крѣпостного права); это общественное настроеніе довольно ярко обнаружилось въ комиссіи 1767 года.

Вліяніе колонизаціи на распространеніе просвѣщенія ¹⁴⁰⁾.

Разнообразіе условій географическихъ, климатическихъ и историческихъ способствовало какъ быстрому пробужденію умственной дѣятельности однихъ народовъ, такъ и продолжительному пребыванію въ полудикомъ состояніи другихъ. Неодновременность и неравномѣрность характеризуютъ постепенное духовное развитіе человѣчества послѣ распадѣнія послѣдняго на многочисленныя племена и расселенія его по всей вселенной. Въ то время, какъ многія древнія племена Европы успѣли достигнуть высшей степени просвѣщенія и цивилизаціи и передать плоды своей культуры въ наслѣдіе новымъ народамъ, коренные обитатели Америки и Африки до сихъ поръ остаются въ первобытной дикости и даже не обнаруживаютъ иногда способности и склонности къ умственной работѣ. Быть можетъ, еще долго пришлось бы отсталому человѣчеству пребывать въ его косности и невѣжествѣ, если бы естественныя причины, какъ-то: постепенное размноженіе людей и недостатокъ земли, осложненіе взаимныхъ отношеній и увеличеніе жизненныхъ потребностей, стремленій

духовной природы человѣка и т. п. не побудили съ древнѣйшей поры народовъ, усовершенствовавшихъ свой бытъ, къ занятію новыхъ странъ и къ столкновенію съ туземцами. Исторія Европы полна событіями великихъ народныхъ переселеній, которыя не прекращались въ теченіе многихъ вѣковъ и послѣ завоеванія той или другой территоріи. Эти передвиженія, подобно вѣтрамъ, разносили по лицу земли сѣмена постоянно возрастающей человѣческой опытности и незамѣтно забрасывали ихъ въ мѣста полного застоя духовной жизни. Такимъ образомъ, просвѣщенная часть человѣчества не оставалась равнодушной зрительницей умственной спячки дикарей, но или по необходимости или намѣренно оказывала постоянно благотворное вліяніе на нихъ. Оно заключалось, несомнѣнно, въ невольномъ подчиненіи и воздѣйствіи развитого ума на младенческой. Распространеніе просвѣщенія, какой бы характеръ послѣднее ни носило: религіозный, научный или политическій,—совершалось различными путями и средствами. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ и могущественныхъ факторовъ умственного образованія людей являлась во всѣ времена колонизація.

Главное значеніе колонизаціи, какъ особаго явленія жизни, основывается собственно не на просвѣтительной роли ея, а на политической и торгово-промышленной. Но, такъ какъ успѣхи просвѣщенія находятся въ тѣсной зависимости отъ матеріальной обезпеченности человѣка, колонизація, удовлетворяя насущнымъ нуждамъ его, въ то же время оказывала важныя услуги духовному развитію людей. Происхожденіе ея объясняется многими обстоятельствами. Говоря о колонизаціи грековъ, Густавъ Цейсъ указываетъ на слѣдующія причины ея. „Поводомъ къ этимъ выселеніямъ замѣчаетъ онъ, были частью насильственное изгнаніе изъ метрополіи старожилонъ пришельцами, частью избытокъ быстро возрастающаго народонаселенія, или желаніе избѣжать внутреннихъ политическихъ неурядицъ; иногда также учреждались колоніи за моремъ въ видахъ рас-

ширенія могущества метрополіи и ея торговыхъ связей“¹⁴¹).

Въ какихъ бы видахъ ни предпринималась колонизація, послѣдствія ея оказывались благопріятными какъ для самихъ переселенцевъ, такъ и для коренныхъ жителей вновь занимаемыхъ мѣстностей. Покидая свою родину вслѣдствіе какихъ-либо стѣснительныхъ для своей дѣятельности условій, колонисты на новыхъ мѣстахъ получаютъ большую самостоятельность и, если имъ приходится вести иногда съ природой и съ туземцами упорную борьбу, у нихъ еще болѣе развиваются физическія и умственные силы. Кромѣ того, выходцы обыкновенно принадлежать къ людямъ энергичнымъ, предприимчивымъ и опытнымъ, такъ что они въ новыя земли приносятъ съ собой огромный запасъ свѣдѣній, который, благодаря переменѣ обстоятельствъ жизни, увеличивается среди свѣжей, болѣе воодушевленной дѣятельности. „Въ основаніи многочисленныхъ колоній, говорится въ „Пособіи къ изученію всеобщей исторіи“ А. Николаева, сказанъ подвижный умъ грековъ, живой ихъ характеръ, страсть къ путешествіямъ, умѣніе прилаживаться вездѣ, смѣлость и отвага въ предпріятіяхъ“¹⁴²). Переселеніе не порывало отношеній съ соотечественниками, даже часто сношеніе и нѣкоторыя связи съ родиной поддерживались въ продолженіе всего существованія колоній. Греческія колоніи были связаны постоянно со своей метрополіей „чувствомъ родства и религіозныхъ единствомъ“, вслѣдствіе чего не прекращалось ихъ участіе въ умственной жизни ихъ родной земли и на чужбинѣ. Съ другой стороны, колонизація такихъ просвѣщенныхъ народовъ, какъ финикіяне, египтяне, греки, были обязаны своимъ духовнымъ пробужденіемъ всѣмъ варвары древняго міра: малоазіатскіе народы и италійскія племена, обитатели нынѣшней южной Россіи и прочіе. „Исторія древнихъ народовъ, говоритъ Момзенъ, освѣщается духовнымъ свѣтомъ не сразу; въ ней, какъ и повсюду, разсвѣтъ начинается съ востока. Въ то время, какъ италійскій полуостровъ еще былъ погруженъ въ глубокія сумерки, на берегахъ во-

сточнаго бассейна Средиземнаго моря уже со всѣхъ сторонъ свѣтила богато развитая культура, а жребій большинства народовъ—находить при первыхъ шагахъ своего развитія руководителя и наставника въ которомъ-нибудь изъ равныхъ съ ними по происхожденію братьевъ—выпалъ въ широкомъ размѣрѣ и на долю италійскихъ племенъ“.

Первыми просвѣтителеми италійцевъ были, по всей вѣроятности, греческіе колонисты: сначала малоазіатскіе фокейцы, а за ними іонійцы съ острова Накса и изъ Халкиды, ахеяне, локры, родосцы, мессенцы, спартанцы, коринѣяне и другіе. „Фокея, по словамъ Цейса, вела значительную торговлю съ западными побережьями Средиземнаго моря и впервые перенесла начала греческаго образованія въ Галлію и Испанію; она же завела тамъ винодѣліеи разведеніе маслинъ“¹⁴³. Колоніямъ Малоазіатскаго полуострова и острововъ Средиземнаго моря греки обязаны замѣчательными успѣхами наукъ и искусствъ. Знаменитые философы, поэты и художники вышли изъ этихъ колоній. Вспомнимъ философовъ Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, логографовъ Кадма и Гекатея изъ Милета, математика Пифагора изъ Самоса, Анакреона изъ Теоса, Геродота изъ Галикарнаса, живописца Апеллеса изъ Коса, поэтовъ Терпандра, Сафо и Алкея изъ Лесбоса и во главѣ всѣхъ Гомера.

Процвѣтаніе Спарты и Аѣинъ вполне обусловливалось приливомъ свѣжихъ духовныхъ силъ изъ колоній. Дрэперъ въ своей „Исторіи умственнаго развитія Европы“, касаясь успѣховъ греческой философіи, прекрасно характеризуетъ значеніе эллинскихъ колоній для распространенія просвѣщенія не только въ древнія времена, но и въ эпоху христіанства. „Это былъ не одинъ случай, что умственная дѣятельность греческихъ колоній оказывала свое дѣйствіе на судьбы Европы. Меркантильный духъ общества всегда считался возбуждающимъ умственную дѣятельность и физическую предприимчивость. Если греческія колоніи исполнили теперь важный трудъ введенія и распространенія умозрительной философіи, то, пятьсотъ

лѣтъ спустя, мы видимъ ихъ снова занятыми такимъ же дѣломъ при началѣ того періода, когда философскія умозрѣнія были готовы смѣниться религіозной вѣрой, потому что, говоря человѣчески, нѣтъ никакого сомнѣнія, что причина быстрого распространенія христіанства въ его первые вѣка лежитъ въ необыкновенныхъ удобствахъ, которыя представляли для торговли города, расположенные кругомъ всего Средиземнаго моря, отъ береговъ Леванта до береговъ Франціи и Испаніи. Въ продолженіе пяти столѣтій до Р. Хр. между ними существовали непрерывныя сношенія; подъ римскимъ вліяніемъ они дѣлались все дѣятельнѣе и приобрѣтали большую политическую важность. Такое положеніе вещей въ высшей степени благопріятствуетъ пропагандѣ мысли и ея зарожденію, давая постоянное возбужденіе умственной дѣятельности“¹⁴⁴).

Если слова Дрэпера относительно значенія греческихъ колоній примѣнить къ сѣверной части нашего отечества, т. е. къ древнимъ славянскимъ колоніямъ въ области Новгородской, то нельзя не признать справедливости этого мнѣнія. По словамъ Костомарова, „въ землю, гдѣ впослѣдствіи образовалась земля Великаго Новгорода и Пскова, среди аборигеновъ — Чуди, проникли первоначально кривичи, потомъ съ юга, вслѣдствіе народныхъ потрясеній, двинулась воинственная колонія другой вѣтви славянъ... Эта колонія стала въ новомъ своемъ отечествѣ господствующею, такъ что бѣлорусскіе поселенцы или смѣшивались съ нею или выступали прочь“. Такое подчиненіе туземцевъ вліянію славянской колоніи могло произойти только по причинѣ ея умственного превосходства, достигнутаго ею еще во время пребыванія на берегахъ Дуная, въ культурной странѣ. Условія болотистой мѣстности въ болѣе просвѣщенномъ племени вызвали духъ предприимчивости, и „потому, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, жители рано должны были сдѣлаться промышленниками, торговцами и колонизаторами, т. е. получить именно тотъ характеръ, съ которымъ мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ исторіи“.

Благодаря участию Новгорода въ Ганзейскомъ союзѣ, сѣверная Русь находилась въ сношеніи съ цивилизованными странами Западной Европы, что отражалось на развитіи самосознанія не только жителей Новгорода, но также населенія его пригородовъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Доказательствомъ высокой степени умственного развитія нашихъ сѣверныхъ колоній служить и то обстоятельство, что онѣ были въ состояніи въ продолженіе многихъ столѣтій съ успѣхомъ выдерживать борьбу со шведами и соперничество съ орденами Ливонскимъ и Тевтонскимъ въ дѣлѣ распространенія христіанства среди чудскихъ племенъ. „Славянская колонизація сѣвера и сѣверо-востока, начавшаяся еще во времена историческія, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, успѣла мало-по-малу отождествить съ собою разрозненныя финскія племена“. Съ другой стороны, разсадниками просвѣщенія были монастыри, которые по своемъ возникновеніи образовывали около себя обширныя поселенія и составляли своего рода колоніи. „Просвѣтительная дѣятельность монастырской колонизаціи на нашемъ сѣверѣ обращала на себя вниманіе во всѣ періоды нашей исторіи. Такъ напримѣръ, Герберштейнъ замѣчаетъ: „Монахи-пустынники обратили въ христіанскую вѣру значительную часть бывшихъ язычниковъ, долго и много сѣя между ними слово Божіе. Даже и теперь отправляются они въ разныя страны, находящіяся на сѣверѣ и востокѣ, которыхъ и достигаютъ не безъ большихъ трудовъ, опасностей, славы и жизни; тамъ они не ищутъ себѣ удобства и только заботятся о томъ, чтобы сдѣлать богоугодное дѣло и, вызвавъ души многихъ съ пути заблужденія, обратить ихъ на прямой путь, подкрѣпляя иногда своею смертію ученіе Христа“. „Такими просвѣтителями были Сергій и Германъ Валаамскіе, Арсеній Коневецкій, Германъ и Зосима Соловецкіе, Лазарь Мурманскій и другіе“¹⁴⁵).

Въ эпоху Іоанна Грознаго просвѣщенію открывается доступъ въ Сибирь, гдѣ братья Строгановы, при содѣй-

ствіи Ермака, Кольца и казаковъ завоевываютъ мѣстности для поселенія. Царь, со своей стороны, поддерживаетъ колонизаторскія стремленія предприимчивыхъ людей, даруя имъ разныя льготы и посылая въ ихъ города духовенство. Послѣдствіемъ просвѣтительной дѣятельности сибирскихъ колонистовъ можно считать постепенное умиротвореніе кочевыхъ монгольскихъ племенъ и водвореніе гражданственности въ краѣ.

Колонизаціи греческая и русская, при всемъ громадномъ различіи условій, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, одна въ большей, другая въ меньшей степени послужили какъ развитію, такъ и распространенію просвѣщенія. Не подлежитъ сомнѣнію и огромное культурное вліяніе колоній современныхъ европейскихъ государствъ на жизнь племенъ всѣхъ частей Свѣта.

Характеристика трудовъ и направленій.

Н. Полевого „Исторія Русскаго Народа“;—С. М. Соловьева „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ;—В. О. Ключевского „Исторія Россіи“;—К. Н. Бестужева—Рюмина. „Русская Исторія“; — Д. Ив. Иловайскаго „Исторія Россіи“.

А) *Н. Полевой. „Исторія Русскаго Народа“.*—Н. Полевой находился подъ вліяніемъ не столько Нибура, сколько—такихъ писателей, какъ Гизо, Тьерри; такихъ философовъ какъ Гердеръ, отчасти Шлегель и Шеллингъ. Полевой не былъ критикомъ, онъ не занимался самостоятельнымъ изученіемъ памятниковъ; онъ стремился систематически построить русскую исторію въ связи съ западно-европейской. Историкъ, по его мнѣнію, преслѣдуетъ „истину чистую, непримѣсную“, а не поэтическое, героическое или нравственное изображеніе историческихъ событій. Вотъ почему Н. Полевой обратилъ вниманіе не столько на критику Карамзина, сколько на его прагматизмъ, сентиментальный и поучительный тонъ; не одобряя отсутствія историко-философскаго освѣщенія въ знаменитомъ

трудъ исторіографа, Полевой самъ попытался написать исторію русскаго народа; приэтомъ онъ хотѣлъ заняться исторіей народа, а не государства россійскаго, ибо послѣднее начало существовать только со времени монгольскаго ига. При такой точкѣ зрѣнія и дѣленіе русской исторіи у него иное, чѣмъ у Карамзина. Первый періодъ продолжался до смерти Ярослава I, когда пала феодальная система, внесенная варягами; второй періодъ—до нашествія монголовъ; третій—до Іоанна III; четвертый съ Іоанна III, какъ объединителя Россіи, до Петра Великаго; пятый съ Петра до новѣйшаго времени; въ этотъ послѣдній періодъ Россіи вступила въ систему западно-европейскихъ государствъ.

Планъ этотъ Полевому не удалось осуществить въполнѣ: онъ довелъ свою исторію до эпохи казней царя Ивана IV¹⁴⁶). Взглядъ Полевого на ходъ древне-русской исторіи слѣдующій: Варяжскіе князя — скандинавскаго происхожденія; призванные русскими славянами они завоевали Россію и объединили ее силою оружія. Гражданскій бытъ этого времени не находился на такой низкой степени развитія, на какой изображаютъ его скептики; лѣтопись сообщаетъ много достовѣрнаго, а Русская правда есть сборникъ русскихъ народныхъ обычаевъ и походитъ на такъ называемыя „варварскія правды“. Политическій порядокъ, водворившійся при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, былъ феодальнымъ, подобно западно-европейскому. Но, среди русскихъ князей семейные интересы преобладали; татарское иго облегчило объединеніе русской земли московскими князьями, тѣмъ болѣе, что понятія о самовластіи стали проникать къ намъ еще со временъ Владимира и Ярослава изъ Византіи и развились подъ вліяніемъ знакомства съ азіатскимъ деспотизмомъ. Большое значеніе въ дѣлѣ такого объединенія имѣлъ великій кн. Иванъ III; характеръ и дѣятельность Ивана IV Полевой объясняетъ исключительно вліяніемъ воспитанія и окружающихъ условій, а неудачи царя — его нравственнымъ паденіемъ. Разумѣется, что въ этихъ взглядахъ есть

много невѣрнаго (напр. уродливое сопоставленіе феодализма съ древне-русскими княжескими отношеніями), нѣкоторые изъ взглядовъ Н. Полевого не лишены, однако, научнаго значенія; таковы, напр., его разсужденія о составѣ и характерѣ Русской правды.

Словомъ, трудъ Полевого важенъ, какъ первая попытка установить общій взглядъ на ходъ древне-русской исторіи. Симпатичныя ему воззрѣнія западно-европейскихъ мыслителей и свои собственные взгляды Полевой проводилъ и въ издаваемомъ имъ „Московскомъ Телеграфѣ“, который имѣлъ большой успѣхъ среди передовой читающей публики.

Научная дѣятельность Н. Полевого въ значительной мѣрѣ возникла, какъ реакція противъ труда Карамзина, и въ свою очередь вызвала протестъ со стороны М. П. Погодина.

Б.) *С. М. Соловьевъ*. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ¹⁴⁷⁾.“

Западническое направленіе возникло почти одновременно съ славянофильскимъ. Основателемъ его можно считать *С. М. Соловьева*, ученика М. Т. Каченовскаго и М. П. Погодина. Каченовскій развилъ въ Соловьевѣ критическій тактъ и стремленіе сравнивать явленія русской жизни и исторіи съ однохарактерными явленіями у другихъ славянскихъ, и вообще западно-европейскихъ народовъ; Погодинъ — пріучилъ будущаго историка Россіи до вѣрять источникамъ древне-русской исторіи и не брезгать фактическимъ матеріаломъ. Впрочемъ, когда ученикъ его сталъ прибѣгать къ широкимъ историческимъ отвлеченіямъ, Погодинъ пришелъ въ ужасъ и сталъ ярымъ противникомъ Соловьева. Разсказываютъ также, что на первыхъ порахъ Соловьевъ бывалъ въ славяно-фильскихъ кружкахъ и свою магистерскую диссертацию¹⁴⁸⁾ написалъ подъ вліяніемъ славяно-филовъ, съ которыми онъ и впоследствии сходилъ во взглядѣ на протестантизмъ и православіе. Но наибольшее вліяніе на научныя воззрѣнія Соловьева оказали научные споры Зибеля и Вайца о родо-

вомъ бытъ, съ которыми Грановскій знакомилъ русскую публику, и труды Эверса, который считалъ коренной основою нашей древней общественности. С. М. Соловьевъ въ значительной мѣрѣ переработалъ и дополнилъ эту точку зрѣнія ¹⁴⁹).

По мнѣнію С. М. Соловьева, исторія есть народное самосознаніе. Поэтому ея нельзя дѣлить на періоды, которые другъ отъ друга отличались бы какими-нибудь внѣшними признаками; „не дробить Русскую исторію на отдѣльныя части, но соединять ихъ; слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію—таковы обязанности историка, какъ понималъ ихъ С. М. Соловьевъ. Исторію Россіи онъ поэтому пытается изобразить какъ внутренній ограничскій процессъ развитія. Мастерски охарактеризовавъ природу русской государственной области и вліяніе ея на нашу исторію, Соловьевъ, вслѣдъ за тѣмъ переходитъ къ изученію быта племенъ, заселявшихъ эту область. Славяне восточные (по крайней мѣрѣ до времени Ярослава I) жили родами, т. е. союзами лицъ, связанныхъ кровными узами родства, близкихъ и дальнихъ родственниковъ съ родовымъ старшиною во главѣ. Этотъ бытъ повліялъ и на отношенія князей къ призванному ихъ населенію, и на связь этихъ князей другъ съ другомъ, связь „чистородовую, а не государственную¹⁵⁰“. Съ второй половины XII вѣка, когда центръ жизни съ юго-запада перешелъ на сѣверо-востокъ, стали развиваться понятія территоріальныя, благодаря которымъ замѣчается ослабленіе родовыхъ отношеній между княжескими линіями. Это вызвало стремленіе каждой изъ нихъ увеличить свои силы на счетъ другихъ. Южно-русскіе князья въ этомъ отношеніи оказались менѣе способными, чѣмъ князья сѣверо-восточной Руси, тѣмъ болѣе, что на югѣ князья были пришельцами, тогда какъ на сѣверо-востокѣ они сами

стали природными хозяевами и у себя, дома, принимали гостей—колонистовъ; новые поселенцы всѣмъ были обязаны князю, во всемъ отъ него зависѣли, жили на его землѣ, въ его городахъ, слѣдовательно, не могли помѣшать развитію его власти, которая кстати сумѣла найти поддержку себѣ и въ новыхъ городахъ во время борьбы ихъ со старыми центрами, тяготѣвшими къ прежнимъ родовымъ и дружиннымъ порядкамъ. Неудивительно поэтому, что новый государственный строй водворился не на юго-западѣ, а въ сѣверо-восточной Руси, въ великомъ княжествѣ Московскомъ, гдѣ онъ окончательно одержалъ верхъ надъ родовыми отношеніями при Иванѣ IV-мъ. Со второй половины XVII вѣка государственный порядокъ сталъ обновляться; онъ укрѣпился еще болѣе послѣ мудрыхъ и благотѣльныхъ преобразованій Петра Великаго, которыми онъ ввелъ Россію въ семью Европейскихъ государствъ.

В.) *В. О. Ключевскій* не успѣлъ еще дать намъ общаго труда по всей исторіи Россіи; но уже въ частныхъ изслѣдованіяхъ нашего историка можно отмѣтить его общіе взгляды на ходъ древнерусской исторіи.

„Въ исторіи нашего общества, по мнѣнію *В. О. Ключевского*, господствовали смѣшанные процессы“.—Основной фактъ этой исторіи — постепенная колонизація восточно-европейской равнины славянорусами, двигавшимися съ юго-запада, со склоновъ Карпатскихъ горъ на сѣверо-востокъ. Съ VIII по XI в. русское населеніе скучивается, главнымъ образомъ, на Днѣпрѣ, и на Ловати-Волховѣ. Оно занимается звѣроловствомъ, пчеловодствомъ, лѣсными промыслами, и успѣшно ведетъ внѣшнюю торговлю, которая развивается въ большихъ торговыхъ городахъ, центрахъ древнихъ волостей. Эти города (напр. Новгородъ) — первые устроители и руководители политическаго быта, который осложняется появленіемъ княжеской власти. Съ движеніемъ населенія въ бассейнъ верхневолжскій мѣняется его хозяйственный и политическій бытъ. Цѣлый рядъ неблагоприятныхъ условій надорвалъ древне-русскую тор-

говлю; на сѣверо-востокѣ преобладающее значеніе получаетъ земледѣліе, которымъ занимается вольное крестьянское населеніе. Такимъ образомъ, „пока Русь сидѣла на днѣпровскомъ черноземѣ она преимущественно торговала продуктами лѣсныхъ и другихъ промысловъ, и принялась усиленно пахать, когда пересѣла на верхне-волжскій суглинокъ. Слѣдствіемъ этого было то, что изъ обѣихъ руководящихъ народно-хозяйственныхъ силъ, какими были служилое землевладѣніе и городской торговый промыселъ, каждая имѣла неестественную судьбу, не успѣвала развиться тамъ, гдѣ было наиболѣе природныхъ условий для ея развитія, а гдѣ развивалась успѣшно, тамъ ея успѣхи были искусственны и сопровождались задержкой народныхъ успѣховъ въ другихъ отношеніяхъ“. Во время этого перехода изъ одной формы хозяйственного быта въ другую политическая раздробленность Русской земли все еще сильна; но дробится она не на городовыя волости, а на удѣльные княжества. Со второй половины XV в. народу Русскому открываются новые колонизаціонныя пути на югъ и востокъ. И здѣсь онъ продолжаетъ эксплуатировать почву, но уже мало по малу лишается вольнаго труда, которымъ начинаетъ заправлять военный и вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльческій классъ.

Послѣдній возвышался различными путями: въ немъ съ одной стороны экономическая ступень кое-гдѣ (напр. въ Новгородѣ) предшествовала политической, а въ другихъ областяхъ скорѣе наоборотъ, но вообще и особенно здѣсь въ эти процессы вмѣшивались постороннія условія, лишавшія ихъ послѣдовательности развитія. Въ виду такой смѣшанности общественныя отношенія страдали неопредѣленностью, возникавшія отношенія разрѣшались практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, выводить въ постоянныя нормы.— Высшіе слои этого общества окружаютъ государя, который съ его помощью править уже политически объединеннымъ государствомъ и постепенно превращается въ представителя верховной власти. Соборы играютъ подчи-

ненную, служебную роль: представители—поручители за проведение тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ своихъ избирательныхъ округахъ. Слѣдовательно, они не мѣшаютъ развитію самодержавія въ XVI вв. Въ послѣдующій періодъ къ земледѣльческой культурѣ присоединяется фабричная дѣятельность; окончательно объединеннымъ въ политическомъ отношеніи государствомъ править самодержавный государь черезъ посредство не прежней аристократіи, а просто служилаго класса, дворянства. Въ реформѣ Петра Великого, однако, не много было новаго. „Идеи Петра, по крайней мѣрѣ, основныя, наиболѣе плодотворныя изъ нихъ выросли изъ московскаго государственнаго порядка и достались Петру по наслѣдству отъ предшественниковъ вмѣстѣ съ выдержаннымъ удивительно дисциплинированнымъ политически обществомъ, руками и средствами котораго пользовался преобразователь“.

Въ этой схемѣ, какъ видно, В. О. Ключевскій опускаетъ духовные факторы нашего развитія, а отсюда и взаимодѣйствіе между различными основными проявленіями древне русской жизни, и ея эволюція въ цѣломъ недостаточно выяснены; позднѣйшіе періоды нашей исторіи къ тому же обрисованы слишкомъ слабо: намѣчены, быть можетъ, лишь нѣкоторыя изъ ея особенностей, а не главнѣйшія ея основанія.

Г) *К. Н. Бестужевъ—Рюминъ*¹⁵¹). „Русская Исторія“ въ основу разъясненія явленій Русской Исторіи кладетъ идею множественности началъ; жизнь, по его мнѣнію, даже въ древнее время, слишкомъ сложна для того, чтобы выводить ее изъ одного какого-нибудь принципа; она разъясняется переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ изъ нихъ. У славянъ въ древнѣйшее время существовали, конечно, родовыя отношенія, но въ историческое время замѣтны лишь остатки его, которые доселѣ можно изучать по памятникамъ народнаго быта. Основой общественнаго развитія славянъ послужила семейная община (вервь, задруга). Изъ имѣвшихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ сложились затѣмъ общины территориаль-

ныя—жупы и волости, съ которыми славянскіе народы переходятъ рано или поздно въ государственнѣй бытъ. Первою ступеню къ такому переходу является призваніе Варяговъ. Варяги, однако, лишь внѣшнимъ образомъ объединили Русскую землю, которою сталъ владѣть одинъ общій Рюриковъ родъ; представителями власти въ древней Руси были вѣче и князь. Вѣче—первоначальная форма участія гражданъ въ дѣлахъ политическихъ; оно имѣло политическое значеніе, но не было постояннымъ органомъ власти. Князь имѣлъ характеръ посредника, третейскаго судьи, былъ независимъ отъ другихъ князей въ предѣлахъ своей волости. Отношеніе князя къ вѣчу оставалось неопредѣленнымъ, оно основано было или на довѣріи или на преобладаніи матеріальной силы. Князь силенъ—онъ беретъ перевѣсъ, населеніе становится сильнымъ, оно держитъ князя, пока онъ ему угоденъ. Власть вѣча имѣла вообще контролирующее значеніе. Наконецъ отношенія князей опредѣлялись теоретически родовымъ распоряжкомъ, но на дѣлѣ устанавливались и путемъ соглашенія (договора) и насиліемъ. Но территоріальная дробность все еще оставалась; города стремились къ обособленію; когда къ этому присоединилось стремленіе стдѣльных князей къ образованію самостоятельныхъ княженій, то и явился порядокъ, извѣстный подъ наименованіемъ удѣльной системы. Въ татарскую эпоху съ осѣданіемъ князей начинаютъ обнаруживаться попытки, не оставляя наслѣдственной волости, усилить ее пріобрѣтеніемъ. Съ этихъ поръ начинаютъ мѣняться прежнія отношенія князей къ народу и другъ къ другу, развиваются государственныя понятія. Развитію послѣднихъ способствовало не татарское вліяніе, а главнымъ образомъ, византійское, проводникомъ котораго служило духовенство¹⁵²). Но одновременно съ образованіемъ государства въ Руси сѣверо-восточной слагается государство и въ Руси западной. Вотъ почему К. Н. Бестужевъ—Рюминъ не мало мѣста удѣляетъ политической и бытовой исторіи Литвы. Соединеніе Литвы съ Польшей повело къ столкновенію послѣдней съ усилившимся московскимъ княжествомъ,

которое со времени Ивана III и въ значительной мѣрѣ благодаря его разумной политикѣ, слишкомъ приниженой С. М. Соловьевымъ, вышло изъ своего замкнутого положенія, стало сильнымъ и самостоятельнымъ. Эти столкновения между Москвою и Польшей особенно обострились при Иванѣ Грозномъ. Къ сожалѣнію на изложеніи политическихъ событій этого царствованія и прерывается русская исторія К. Н. Бестужева-Рюмина. Замѣчательная сжатость изложенія, богатство содержанія и масса библиографическихъ указаній дѣлають ее необходимымъ пособіемъ для специалиста по Русской исторіи.

Д) *Д. Ив. Иловайскій*. „Исторія Россіи“ Д. Ив. Иловайскаго¹⁵³⁾ отличается инымъ характеромъ отъ К. Н. Бестужева-Рюмина.

Д. Ив. Иловайскій пишетъ не столько для специалистовъ, сколько для всей образованной публики; отсюда рядомъ съ научностью изложенія, мы замѣчаемъ его популярность и художественность. По словамъ К. Н. Бестужева-Рюмина, „люди извѣстнаго настроенія и извѣстнаго періода, а не логическіе моменты проходятъ предъ читателемъ въ изящномъ изложеніи Д. Ив. Иловайскаго“. Общіе взгляды автора слѣдующіе: Въ теченіе перваго Кіевскаго періода нашей исторіи изъ славяно-русскихъ племенъ, заселявшихъ восточную равнину, первенствующее значеніе имѣли Поляне, извѣстные сосѣдямъ своими военными походами. Въ ихъ средѣ возникла княжеская династія, первымъ историческимъ представителемъ которой является князь Игорь. Кромѣ князей, въ древній Кіевскій періодъ важную роль играютъ два общественныхъ слоя: дружина и люди. Русскія дружины распространили свое господство въ восточной Европѣ и объединили восточныхъ славянъ подъ властью одного княжескаго рода. Тогда уменьшились взаимныя распри между славянскими племенами, а слѣдовательно, и опасность со стороны внѣшнихъ сосѣдей. Поэтому рядомъ съ укрѣпленными пунктами, городами, стало размножаться сельское населеніе, постепенно объединявшееся въ поземельныя общины. Но въ юго-западной

части Россіи, въ Кіевѣ, скопленіе богатствъ, измѣненность населенія и своеволие подорвали политическія силы Кіева; онѣ сломлены были татарами. Наоборотъ восточная Русь отличалась сплоченностью населенія, вызванной самымъ мѣстомъ жительства въ чужой финнской странѣ. Успѣхи первыхъ князей на сѣверо-востокъ до Александра Невского, подвиги южно-русскихъ князей и паденіе южной Руси при Даниилѣ относятся авторомъ ко второму періоду нашей исторіи Владимірскому. — Хотя географическія условія, особенно положеніе на торговомъ пути и способствовало возвышенію Московскаго княжества, но не оно имѣло первенствующее значеніе. Московскіе князя до Дмитрія Донскаго всѣ дѣйствуютъ почти одинаковымъ образомъ, всѣ они съ виду равнымъ образомъ покорны и угодливы передъ ханами, а въ сущности ловко обращаютъ ихъ въ орудіе своего возвышенія и усиленія.

...Тверскіе князя пытались слѣдовать той же системѣ дѣйствій, но не съ такимъ умѣніемъ и послѣдовательностью“. Словомъ на сношенія наши съ востокомъ Д. Ив. Иловайскій обращаетъ справедливое вниманіе; хотя, можетъ быть, удѣляетъ имъ слишкомъ большое значеніе въ дѣлѣ образованія самодержавія. Но наряду съ образованіемъ Московскаго княжества складывалось и Литовское. Ему посвящено также не мало вниманія; впрочемъ этотъ отдѣлъ изложенъ слабѣе предшествовавшихъ.

Отъ изображенія *Московско-Литовскаго* періода Иловайскій переходитъ къ обзору явленій за время *Московско-Царскаго* періода. „Укрѣпленное особенно трудами Ивана III и Василия III патріархальное и вмѣстѣ строгое самодержавіе московское, при Иванѣ IV, приняло характеръ восточной деспотіи или жестокой ничѣмъ неумѣряемой тиранніи“. Иванъ многое присоединилъ, но и ослабилъ (своимъ тиранствомъ) возможность соединенія Великороссіи съ юго-западной Русью. При этомъ въ XVI в. все еще замѣтны послѣдніе слѣды удѣловъ; послѣдній удѣльный князь царевичъ Дмитрій Углицкій погибъ почти

одновременно съ прекращеніемъ самой династіи. Приготовленный и облегченный Иваномъ Грознымъ взрывъ народныхъ движеній и всякой розни, извѣстный подъ наименованіемъ смутнаго времени знаменуетъ собою переломъ и въ русской политической жизни. При второй династіи „самодержавіе является уже съ болѣе мягкими чертами, съ болѣе общественнымъ и государственнымъ значеніемъ; система удѣловъ уже не существуетъ вовсе и вообще замѣчается большое развитіе государственныхъ началъ.

ПРИМѢЧАНІЯ И РАЗЪЯСНЕНІЯ.

¹⁾ *Пособія. А. Терещенко.* Быть русскаго народа 1848 г.—*И. Сахаровъ.* Сказанія русскаго народа. 1-ое изданіе 1849 г. — *П. Лавровскій.* Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ СПб. 1867 г. — *А. Смирновъ.* Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. М. 1878 г.—*С. Шпилевскій.* Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ. 1869 г.—

Литература по культурѣ славянъ въ періодъ ихъ совмѣстной доисторической жизни. *Wocel.* Die Bedeutung der Stein und Bronzealterthümer für die Urgeschichte der Slaven. Prag. 1869 (первоначально въ сокращенномъ видѣ въ *Čzasopis Mus. Čzesh*, 1852, кн. VIII).—*Ejusdem.* O vrdělanosti slovanského narodu v prvotnich sid. lech jeho. *Čzasop.* M. C. 1864, 353—370. — *Ejusdem.* Pravek zeměeske v Praze. 1878 (Извлеченіе есть на русскомъ).—*Ягичъ.* Historija Ružičevnosti naroda hrvatskoga i srbskoga. Zagreb. 1867 (Русскій переводъ. Казань. 1872 г.) — *G. Krek.* Einleitung in die Slavische Litteraturgeschichte, 2-e auf. — *А. А. Котляревскій.* О погрѣбальныхъ обычаяхъ и проч. СПб. 1868 г. („Сочиненія“, т. I. СПб. 1893 г.).

²⁾ Славянофилы и западники высказывали два противоположныхъ мнѣнія о характерѣ семейныхъ отношеній среди племенъ славянорусскихъ. Первые (особенно К. Аксаковъ) считали древнѣйшій бытъ славянъ семейно-общиннымъ, вторые (С. М. Соловьевъ и К. Кавелинъ) родовымъ. Позднѣе высказана была еще третья точка зрѣнія, въ силу которой древніе славяне, по крайней мѣрѣ, въ историческое время, жили уже разлагающимися родами (Н. Никитскій) или семейными общинами, допускавшими въ

свою среду чуждые элементы и объединяемые общими экономическими интересами (Леонтовичъ).

³⁾ Обычай, закрѣплявшіе подобнаго рода союзы, не свидѣлствуютъ въ пользу высокой степени развитія славянорусовъ.

⁴⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. СПБ. 1872 г., стр. 12—13.

⁵⁾ „Умычка“ — похищеніе невѣсты.

⁶⁾ Это указываетъ, можетъ быть, на то, что сама „умычка“ получала скорѣе формальное, а не реальное значеніе, хотя и въ такомъ видѣ возбуждала отвращеніе въ христіанскомъ монахѣ-лѣтописцѣ.

⁷⁾ „У Полянъ“, повѣствуетъ первоначальная лѣтопись, „женихъ по невѣстѣ не хожаше, но привожаху вечеръ, а завтра приношаху по ней что владуче“; въ данномъ случаѣ женихъ покупаетъ невѣсту, даетъ по ней вѣно родителямъ, теряющимъ въ ней одного изъ членовъ своего родственнаго союза. Насильственный актъ похищенія не только переходитъ въ формальность („умычку“), но замѣняется мирной сдѣлкой купли-продажи.

⁸⁾ „Имяху же по двѣ и по три жены“, говоритъ лѣтописецъ про Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ. Эта manus (власть мужа надъ женой) характеризуется хотя бы пословицей, уже извѣстной Даниилу Заточнику: „Не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не птица въ птицахъ нетопырь, не мужъ въ мужьяхъ, кѣмъ жена владѣтъ“.

⁹⁾ Памятники Старинной Литературы. СПБ. 1861 г., III, стр. 175.

¹⁰⁾ Приведемъ извѣстные уже въ древнее время термины: сынъ, сыновецъ, пасынокъ, сынъ крестный; братеникъ, браточичъ, сестричичъ, свестъ, уй, шуринъ, деверъ, зять, тестъ, своякъ, сватъ; свекровь, ятровь, золовка, сноха, свояченица.

¹¹⁾ Въ 7-омъ или 8-омъ колѣнѣ.

¹²⁾ Эндагомія, т. е. союзъ между лицами одного и того-же рода.

¹³⁾ Приведенныя указанія не даютъ еще права предполагать, что родовыя отношенія были въ полномъ развитіи у славянъ при Прокопiи; напротивъ, они съ этого времени, пожалуй, стали уже разлагаться.

¹⁴⁾ Дядя моложе племянника.

¹⁵⁾ Смерть, напримѣръ, на войнѣ.

¹⁶⁾ Въ договорѣ 911 г. имущество русина, умершаго въ Византіи, возвращалось „къ малымъ его ближикамъ“,

т. е. къ ближайшимъ родственникамъ, а не ко всѣмъ имъ вмѣстѣ. Такое же различіе проводитъ и договоръ 945 г., а еще опредѣленнѣе первая статья Русской Правды: эта послѣдняя перечисляетъ тѣхъ „ближиковъ“, какіе пользуются правомъ родовой мести (см. примѣчаніе 25-ое) и такимъ опредѣленіемъ низводитъ родъ до предѣловъ большой семьи или семейной общины.

17) Выходящій долженъ былъ платить роду выкупъ, который смѣнился обязательнымъ угощеніемъ членовъ рода выходящимъ.

18) Усыновленіе зятя, напримѣръ, въ Архангельской губерніи и Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи — и побратимство были, несомнѣнно, распространены у многихъ славянскихъ народностей.

19) Ср. слова *Тацита* о Германцахъ: *Colunt discreti ac diversi, ut fons, ut campus, ut nemus placuit.*

20) „Двоюродный“ по разъясненію К. Аксакова отъ „двою“—остатка формы двойственного числа и „родъ“.

21) Значеніе слова „родъ“ слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ, какъ „семья“.

22) „Быша 3 братья, единому имя Кий, а другому Щеку, а третьему Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдѣше Кий на горѣ, идѣже нынѣ оувозъ Боричевъ, а Щеку сѣдѣше на горѣ, идѣже нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоривица; и створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ“ (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 8).

23) Этотъ разсказъ любопытно сравнить съ слѣдующимъ извѣстіемъ объ иноземцахъ, жившихъ по пути изъ „Якутска“ въ половинѣ XVII вѣка: „а на той де усть *Уи* рѣчки (впадающей въ Шилку), разсказывали промышленный человекъ Г. Вижевцовъ и письменный голова В. Поярковъ, живутъ Дауры, называютъ князецъ (sic) Лавкай съ улусными людьми, а другой братъ его Лавкаевъ Шулганей отъ него живетъ на Шилкѣ вверхъ, а третей (де) братъ же его Лавкаевъ Гульдичай живетъ по Шилкѣ жъ ниже его Лавкай, а живутъ де они промежъ собою неподалеку, братъ къ брату сходятся“..... (Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. III, № 26. Распросныя рѣчи промышленнаго человека Григорія Вижевцова и письменнаго головы Василия Пояркова о пути изъ Якутска и о живущихъ по ней иноземцахъ 1647 г. Мая 27).

24) „Поляне бо“, разсказываетъ лѣтописецъ, „о Своихъ

отець обычай имуть кротокъ и тихъ и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и къ родителемъ своимъ къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху“ (Лѣтопись по Лаврентьевскому сп., стр. 12). — По Русской Правдѣ мститъ за убитого имѣетъ право и племянникъ убитого по сестрѣ (сестринъ сынъ); строго агнатическаго родства, слѣдовательно, не было; признавалось и коагнатическое.

²⁵⁾ „Русская правда“ по Академическому списку, статья 1-ая.—Статья эта попала въ Русскую Правду изъ обычнаго права; если даже предположить, что законъ здѣсь ограничиваетъ обычай (т. е. что по обычному праву число родственниковъ мстителей было больше), то все же это ограниченіе принадлежитъ довольно раннему времени (Ярослава) и суживаетъ родъ до размѣровъ большой семьи. Съ первой статьей Русской Правды не мѣшаетъ сопоставить и одну изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику 1550 г., слѣдующаго содержанія: „А который князь вотчину свою напишетъ брату своему родному или двоюродному или племяннику, своего родного брата сыну или которому своему ближнему роду опричь тѣхъ, какъ кому мочно жениться“ (Акты Историческіе, т. I, стр. 268—269).

²⁶⁾ Стоитъ вспомнить хотя бы принадлежавшій Ольгѣ Вышгородъ.

²⁷⁾ Судя, напр., по Новгородскимъ грамотамъ XV в.

²⁸⁾ Одинъ указъ 1556 г. авг. 21 повелѣваетъ между прочимъ не „семьяниться ни съ кѣмъ на государя“, не составлять заговоровъ противъ него; въ повальныхъ обыскахъ запрещено было „лгать семьями (т. е. стачками) и „заговорами“. Въ другихъ спискахъ тѣхъ-же узаконеній слово „семья“ прямо замѣняется словомъ „артель“ (М. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 1-ое, стр. 86).

²⁹⁾ Сохранился любопытный договоръ 1602 г., которымъ одинъ изъ крестьянъ Архангельскаго края условливается съ другимъ въ томъ, чтобы имъ составить одну семью, „пить и ѣсть вмѣстѣ и платье и обувь держать изъ вопчего живота и та намъ своя деревня въ тѣ же срочныя лѣта пахать, сѣять и орать вмѣстѣ же за едино и въ промыслы ходить и посылать изъ вопчаго живота“; договоръ этотъ, заключенный на десять лѣтъ, длился шестнадцать, по истеченіи которыхъ товарищи все имущество снова раздѣлили пополамъ (А. Ефименко. Кресть-

янское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ въ изслѣдованіяхъ народной жизни, вып. 1, изд. 2-ое, М. 1884 г. стр. 222).

³⁰⁾ Почитаніе животныхъ иначе культъ животныхъ — Миѡы въ искусствѣ старомъ и новомъ. Историко-художественная монографія. Изд. „Новаго Журнала Иностранной Литературы, Науки и искусства“ СПб. 1900 г.—*Ольденбургъ*. Будда, его жизнь и ученіе. — *Терещенко*. Быть русскаго народа 1848 г.—Народныя русскія сказки.

³¹⁾ Епифаній жилъ не позже VIII вѣка или же первой половины IX вѣка.

³²⁾ *Е. Голубинскій*. Исторія Русской церкви въ домонгольскій періодъ, т. I. М. 1880 г., стр. 1-16.

³³⁾ Теофилъ — Theophilus, Gothiae metropolis (метрополисъ).

³⁴⁾ Подлѣ Дуная—*παρὰ τὸν Ἰστρον* (*παρὰ* тонъ Истронъ).

³⁵⁾ *Е. Голубинскій*. Ibidem, стр. 37, примѣчаніе 1-ое.

³⁶⁾ *Εὔξεινος* (еуксейнось)—гостепріимный.

³⁷⁾ *Εὐσεβής* (еусебесь) — благодатный.

³⁸⁾ *τῆς Βαρραγγιωτίσσης* (тесъ Баррангіотиссесъ)—варяжской.

³⁹⁾ Слѣдую ореографіи „Владимиръ“, а не общепринятой „Владиміръ“ на основаніи свидѣтельства Дитмара Мерзебургскаго, который въ *Chron. lib*, VII, § 52 говоритъ, что это имя толкуется обладаніе миромъ (*pacis*)-тишины, спокойствія, а — не обладаніе міромъ (*mundi*)—вселенною. Подробнѣе см. *Е. Голубинскій* Ibidem., стр. 1., прим. 1.

⁴⁰⁾ Горести—горькаго.

⁴¹⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археологической комиссіи. СПб. 1872 г., стр. 106..... „И приходомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣхъ многи службы творяща, а красoty не видѣхомъ никоеяже. И приидохомъ же въ Греки, и ведоша ны, идеже служатъ Богу своему, и не свѣтлы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такога вида ли красoty такая, и недоумѣемъ бо сказати; такмо то вѣмы, яко онѣдѣ Богъ с челоувѣки пребываетъ, и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красoty тоя; всякъ бо челоувѣкъ аще вкуситъ сладка, послѣди горести не приимаетъ, тако и мы не имамы сде быти“. Отвѣщавше же бояре рекоша: „аще бы лихъ законъ Гречьскій, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ челоувѣкъ“. Отвѣ-

щавъ же Володимеръ, рече: „гдѣ крещенье примемъ?“ Они же рекоша: „гдѣ ти любо“.

⁴²⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 82—118.

⁴³⁾ *Е. Голубинскій*. Ibidem, т. I, стр. 91—162.

⁴⁴⁾ См. примѣчанія 32, 35 и 43.

⁴⁵⁾ Произведенія Кирилла Туровскаго издали: *Калайдовичъ*. Памятники россійской словесности XII в. М. 1821 г. (лучшее изданіе и лучшія произведенія).—Рукописи графа Уварова, т. II. СПб. 1858 г. (обширное введеніе о Кириллѣ Туровскомъ принадлежитъ перу г. *Сухомлинова*).—*Мальшевскій*. Переводъ произведеній Кирилла Туровскаго со статьей объ исторіи Турова (этотъ трудъ можетъ послужить прекраснымъ пособіемъ при классномъ разборѣ произведеній Кирилла съ учениками).—*Митрополитъ Макарій*. Исторія Русской Церкви. — *Е. Голубинскій*. Исторія Русской Церкви въ до монгольскій періодъ. М. 1880 г. т. I, ч. 1-ая, стр. 656—670.

Свѣдѣнія о жизни Кирилла Туровскаго довольно скудны.—Въ прологѣ помѣщено его житіе, такъ какъ онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, но это житіе очень кратко.—Родился Кириллъ въ г. Туровѣ, тогда имѣвшемъ своихъ князей и епископовъ, а въ настоящее время незначительное мѣстечко въ Минской губерніи. — Еще монахомъ Кириллъ прославился, какъ подвижникъ и челоувѣкъ образованный, такъ что по общему желанію — князя и народа — былъ поставленъ епископомъ Туровскимъ. Дѣятельность Кирилла Туровскаго приблизительно относится ко 2-ой половинѣ XII вѣка.—Житіе приписываетъ Кириллу посланія, „слова“, молитвы. До насъ дѣйствительно дошло значительное количество поучительныхъ памятниковъ съ именемъ „Кирилла блаженнаго“, „Кирилла святого“, „Кирилла Туровска“. При изслѣдованіи оказалось, что нѣкоторые изъ такихъ памятниковъ принадлежатъ Кириллу Іерусалимскому или Кириллу Александрійскому. Поэтому довольно трудно опредѣлить число произведеній, несомнѣнно принадлежащихъ Кириллу Туровскому. Дѣло затрудняется тѣмъ, что въ поученіяхъ, приписываемыхъ Кириллу, нѣтъ указаній на картины русской жизни; они носятъ абстрактный характеръ. Наиболѣе вѣроятный перечень ихъ данъ знаменитымъ изслѣдователемъ церковной исторіи — митрополитомъ Макаріемъ, который насчитываетъ 7 поученій, принадлежащихъ Кириллу:

1. На Вербное Воскресеніе.

2. На Пасху.

3. На Оомину недѣлю.
4. На недѣлю Муроносицѣ.
5. На недѣлю о разслабленномъ.
6. На недѣлю о слѣпомъ.
7. На Вознесеніе.

Кромѣ того Кириллу принадлежатъ: два посланія къ Печерскому игумену Василию, одно къ неизвѣстному монаху, притча о хромомъ и слѣпцѣ и нѣсколько молитвъ.

⁴⁶⁾ Вліяніе христіанства на духовное, а отчасти на юридическое и политическое развитіе Русской народности, было громадное. Для того, чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить размѣры этого вліянія, слѣдуетъ помнить: 1, что оно сказалось не сразу, а дѣйствовало медленно, но вѣрно и 2, что слѣды этого вліянія скрываются иногда въ явленіяхъ, такъ сказать вторичныхъ, въ которыхъ съ перваго взгляда его и не замѣтно.

⁴⁷⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872 г. стр. 46, 160—161.

⁴⁸⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 77 Ср. Льва дьякона Колойскаго, кн. IX, сл. 6.

⁴⁹⁾ Напомнимъ, хотя бы о сказаніи Патерика Печерскаго объ Эразмѣ и Аресѣ. И первый и послѣдній послѣ преступной жизни покались и получили прощеніе. Такой „окаянный“ мотивъ часто встрѣчается въ древне-русской агиографической литературѣ.

⁵⁰⁾ Въ X—XII в. на Руси уже часто встрѣчались лица, которые, если не вполне, то отчасти, воплощали идеалы, предъявляемые христіанствомъ, и живымъ своимъ примѣромъ доказывали благотворное вліяніе христіанства.—Почтительная любовь сыновей къ отцу, послушаніе старшему брату въ связи съ христіанскимъ смиреніемъ нашли себѣ представителей въ лицѣ извѣстныхъ Бориса Глѣба, а уваженіе къ родовому порядку, на которомъ зиждился въ то время государственный строй и мученическая смерть, какую претерпѣли князья изъ-за этого уваженія, дѣлали ихъ неповинными страдальцами за общественное благо, за землю Русскую. И этотъ подвигъ пріобрѣлъ еще болѣе нравственное значеніе благодаря тому чувству всепрощающаго милосердія, съ которымъ св. Борисъ говорилъ передъ смертью: „ее же не отъ противныхъ принимаю, но отъ брата своего и не сотвори ему, Господи, въ семь грѣха.“ (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 131.)—Другимъ свѣтлымъ типомъ, несомнѣнно

сложившимся подъ вліяніемъ христіанскихъ идеаловъ, былъ Владимиръ Мономахъ, какимъ онъ намъ рисуется въ своемъ „Поученіи“. Князь Владимиръ имѣлъ: „Страхъ Божій (т. е. почтеніе, поклоненіе Богу) выше всего“. Благодаря этому глубокому релігіозному чувству, князь часто молится, и не только молится но постоянно помнитъ Бога. Хотя онъ и старается соблюсти тѣлесную и духовную чистоту, но чувствуетъ свою грѣховность и прибѣгаетъ къ покаянію и надѣется на милосердіе Божіе. Это милосердіе онъ, однако, можетъ заслужить лишь въ томъ случаѣ, если свою вѣру будетъ оправдывать дѣлами, если будетъ помнить слова Апостола: „Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть“, „аще не отпустите прегрѣшеній брата, ни вамъ не отпуститъ Отецъ Вашъ Небесный.“ Князь же не только долженъ любить брата въ узкомъ смыслѣ слова, но ему слѣдуетъ „тружатиcя“ на пользу всей земли, помогать нуждающимся и быть милосерднымъ ко всякому, — даже опасности, которыя могутъ грозить князю при выполненіи этихъ обязанностей, не должны смущать его: „ибо никто же (князя) вредитися и убити, пока же не будетъ отъ Бога повелѣно, а иное отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ отъяти“, да и вообще „Божье блюденіе леплѣхъ естьъ человѣческаго.“ (См. „Значеніе Поученія“ Владимира Мономаха въ исторіи и литературѣ” и примѣчанія къ ней). Такимъ образомъ, если Борисъ и Глѣбъ были не повинными страдальцами за общественный порядокъ, князь Владимиръ является его устроителемъ и защитникомъ. Онъ тоже своего рода добрый страдалецъ (страда-работа) за Русскую землю.

⁵¹⁾ Іоаннъ — Затворникъ, по рассказамъ Патерика Печерскаго, тридцать лѣтъ провелъ въ тѣсной пещерѣ, подвизаясь, главнымъ образомъ, противъ страсти плотской. Монашество и аскетизмъ сами по себѣ не могли, конечно, служить идеаломъ для всего общества. Такіе же люди, какъ преподобный Антоній, основатель Печерскаго монастыря, или Ѳеодосій, одинъ изъ первыхъ его игуменовъ, молитвою, постомъ нестяжательностью, христіанскимъ смиреніемъ и самоотреченіемъ, а также готовностью служить всякому брату во Христѣ, напоминали мірянамъ, что „не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человѣкъ“. Они приобрѣтали нравственный авторитетъ и общественное вліяніе; они дѣлались совѣтниками и наставниками князя. Антоній обличаетъ и наставляетъ Изяслава, Ѳеодосій — Святослава. Іаковъ — Изяслава, игумень Іоаннъ — Святополка. И не

всегда такого рода обличенія оставались безъ результатовъ. Итакъ, иноки — аскеты на Руси оказывались и печальниками за Русскую землю.

⁵²⁾ Въ мало развитомъ обществѣ еще болѣе, чѣмъ въ развитомъ выдающіяся личности, яркіе типы возбуждаютъ подражаніе. Поэтому, почти всѣ мученики, труженики и печальники за Русскую землю служили примѣрами, которымъ болѣе или менѣе успѣшно могли слѣдовать многіе.

⁵³⁾ На Руси черная, трудовая жизнь, вѣчная борьба съ природой и тяжелыми историческими обстоятельствами мало благопріятствовали созерцательной, аскетической жизни. Монастырь у насъ нерѣдко является хорошимъ хозяиномъ, колонизаторомъ, просвѣтителемъ и даже воителемъ въ чуждой средѣ, на окраинахъ, заселенныхъ инородческимъ людомъ. Тѣмъ не менѣе и у насъ бывали примѣры, когда аскетизмъ вырождается въ религіозное и нравственное самодовольство или въ безнравственный эпикуреизмъ, но такого рода случаи принадлежать уже позднѣйшему времени.

⁵⁴⁾ Кириллъ Туровскій въ одномъ изъ своихъ словъ „О страхѣ Божіи“ убѣждаетъ вѣрующихъ „всегда имѣть передъ очами страха Божіея и часть смертный, всегда вспоминати и иныя страшныя муки, уготованныя грѣшникамъ“; затѣмъ Кириллъ увѣщаетъ „сихъ мукъ боящегося остати (оставить) злодѣяти и потщиться ихъ избыти добрыми дѣлы“.

⁵⁵⁾ Въ 1724 году Петръ Великій писалъ Синоду повелѣніе составить книгу, въ которой разъяснилъ-бы народу, что въ религіи „непримѣнное“ и что „только для чину и обряду сдѣлано“. Народъ, по мнѣнію Преобразователя, плохо различаетъ одно отъ другого: „понеже всѣ надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ“. И такими-то дѣйствіями думаютъ получить „спасеніе“. (П. С. З., № 4493).

⁵⁶⁾ Громадное разстояніе, какое отдѣляло челоуѣка, какъ носителя „Искры Божіей“ отъ мертвой природы, мѣшало христіанину оцѣнить значеніе послѣдней въ космической жизни“.

⁵⁷⁾ *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изданіе тов. „Общественная польза“ т. I, стр. 211, 254, 255, 256, 735 — 738, 742, 1280 — 1283, 1549, 1665, 1666; т. II, 413, 715, 716. — *Д. Иловайскій*. Исторія Россіи.

Томъ второй. Московско-Литовскій періодъ или собиратели Руси. Изданіе 2-е. Москва. 1896 года, стр. 98—103, 392—403.—*Его-же*. Исторія Россіи. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI в. Москва. 1890 года стр. 469—476. — *Филаретъ*, еп. Черниговскій. Исторія Русской церкви. Періодъ второй. Изданіе 4-ое. Черниговъ. 1862 г.—*Амвросій*. Исторія Россійской іерархіи. I—VI. Москва. 1807—1815 г. — *Н. Барсуковъ*. Источники русской агиографіи. СПб. 1882 г. — *Ратишинъ*. Историческія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ. Москва. 1852 года.—*Кудрявцевъ*. Исторія православнаго монашества со времени преп. Сергія. Москва. 1881 года (о монастыряхъ Московской земли). — *Іеромонахъ Никонъ*. Житіе преп. Сергія. Изданіе 2-ое. Москва. 1891 г. — *Е. Голубинскій*. Препод. Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра. Сергіев. пос. 1892 г. — *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ, какъ писатель. Русскій Архивъ. 1886 г. № 8.—*Рѣчь проф. Бережкова*. Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. Кіевъ. 1893 г. — *Шевыревъ*. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Москва. 1850 г. — Посланія Кирилла Бѣлозерскаго. Акты Историческіе, т. I, №№ 12, 16, 27, а подъ № 32—завѣщаніе его.—*Макарій*. Исторія Русской церкви. IV. Приложение № XXI (отрывки изъ житія Кирилла-Бѣлозерскаго). — *Перетятковичъ*. Поволжье въ XV и XVI в. в. Москва. 1877 г. (Нѣсколько замѣчаній о колонизаціонной дѣятельности Макарія Унженскаго) — *Проф. Ключевскій*. Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ. Московскія Университетскія Извѣстія. 1867 г. № 7. — *Епифаній*. Житіе Стефана Пермскаго. Памятники Старинной Русской Литературы. СПб. 1861 г., т. IV. — Историческое сказаніе о жизни святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи. Вологда. 1880 г. — *Шестаковъ*. Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій. Ученныя записки Казанскаго Университета. 1868 г., кн. IV.—*Е. Голубинскій*. Исторія Русской церкви въ домонгольскій періодъ. 2 т. Москва. 1880—1881 г. (Талантливо и образно написанный трудъ; въ настоящее время вышло новое изданіе, дополненное и просмотрѣнное).—*Свящ. М. Горчаковъ*. О земельныхъ владѣніяхъ Ввероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Святѣйшаго Синода. СПб. 1871 г. — *В. Милютинъ*. О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1860—1861 г. г.

⁵⁸⁾ Извѣстно изъ любого учебника отечественной

исторіи и исторіи русской словесности и литературы, если что и уцѣлѣло и дошло до насъ изъ огромнаго большинства памятниковъ письма, искусства и т. п., обязаны кладовымъ, подваламъ и колокольнямъ монастырей.

⁵⁹⁾ Древняя Россійская Вивліюека, часть VI.

⁶⁰⁾ Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 457—459.

⁶¹⁾ Былина о Щелканѣ Дудентьевичѣ въ сборникѣ Кирша Данилова, изд. 1878 г., стр. 21—25.

⁶²⁾ *Н. Станкевичъ*. О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы. Ученыя записки Московскаго Университета 1834—1835 гг. №№ 1—2.—*В. Вешняковъ*. О причинахъ возвышенія Московскаго княжества. СПб. 1851 г.

⁶³⁾ Дѣйствительно, съ 1293 по 1382 г., лѣтописцы не знаютъ ни одного татарскаго нашествія на Московское княжество.

⁶⁴⁾ Бояринъ Родіонъ Несторовичъ появился въ Москвѣ съ дружиною въ 1700 человекъ.

⁶⁵⁾ Тверской, Рязанской и Ростовской.

⁶⁶⁾ Можетъ быть, этихъ плѣнныхъ и разумѣютъ княжескіе договоры подъ наименованіемъ Ордынцевъ.

⁶⁷⁾ Никоновская лѣтопись III, стр. 139; 1326 годъ: „имъ не сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“.

⁶⁸⁾ Въ первое время, по крайней мѣрѣ, послѣ татарскаго погрома.

⁶⁹⁾ *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, стр. 76 (по старому изданію 29 титомному).

⁷⁰⁾ „Царевъ“, т. е. ханской.

⁷¹⁾ Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I № 31.

⁷²⁾ Мнѣніе о томъ, что не Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ, а Андрей Ярославичъ прогналъ Святослава, мнѣніе, стоящее довольно одиноко въ литературѣ и едва-ли вѣроятное, высказано было И. Е. Забѣлинымъ въ статьѣ „Взглядъ на развитіе Московскаго единоподержавія“. Историческій Вѣстникъ. 1881 г., часть IV, стр. 263.

⁷³⁾ *А. С. Лаппо - Данилевскій*. Организція прямого обложенія Московскаго государства, стр. 17.

⁷⁴⁾ „Русскій“, т. е. Суздальскіе.

⁷⁵⁾ Общихъ сочиненій о татарахъ и ихъ вліяніе въ нашей отечественной исторической литературѣ не имѣется, по крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстны, а потому укажу на тѣ, которыя могутъ послужить пособіями не только

при разъясненіи темы, но и при изученіи вопроса о татарахъ и ихъ вліяніи.

C. D'ohsson. Histoire des Mongols depuis Tchinguizkhan jusqu'a Timour Bey ou Tammerlan. La Haye et Amsterdam. 4 volum. 1834—1835. — *I. von Hammer-Purgstall.* Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth. 1840 (объ этомъ сочиненіи нашъ почтенный ученый И. Березинъ въ изслѣдованіи „Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева“ на стр. 393—394 такъ отозвался: „Въ этомъ сочиненіи авторъ посвящаетъ цѣлую пятую главу“ (von den Staatseinrichtungen, das ist von den Gesetzen, der Religion, der Cultur, den Heere, der Finanz, dem Gerichtswesen, dem Ceremoniel. den Hofwürden und Staatsämtern der Mongolen, pp. 182—247) „политическому устройству Монголовъ, но едва-ли есть возможность воспользоваться чѣмъ-нибудь въ этой главѣ, по крайней мѣрѣ, для настоящаго изслѣдованія; г. Гаммеръ такъ перемѣшалъ разнородный государственный складъ Монголовъ въ Китаѣ, Персіи, на Волгѣ и въ другихъ мѣстахъ, что почти невозможно въ этой амальгамѣ отдѣлить характеристику Золото-Ордынскаго устройства, составлявшаго главный предметъ книги г. Гаммера. Кромѣ того нельзя пройти молчаніемъ и неумѣнье автора пользоваться указаніями источниковъ и относиться къ самимъ источникамъ критически. Для г. Гаммера чуть не всякое написанное слово свято, и притомъ безъ различія, кто бы его ни написалъ“. Къ отзыву почтеннаго ученаго позволю добавить, что сочиненіемъ г. Гаммера можно пользоваться только съ внѣшней стороны, но никакъ не съ внутренней: брать только факты, а не выводы изъ нихъ.—*И. Березинъ.* Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева. Труды Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества. Часть VIII. СПБ. 1864 (съ этимъ изслѣдованіемъ рекомендуется познакомиться въ виду довольно подробной характеристики монголовъ и въ частности татаръ) При разъясненіи темы заслуживаютъ вниманія страницы 426 — 427, 431—432 436—442. На стр. 426—427 говорится: „при суровости и неопредѣленности ясы и неограниченной власти хана, правосудіе въ Ордѣ должно было стоять не на высокой степени: это мы видимъ и изъ русскихъ лѣтописей, изъ тяжбъ русскихъ князей передъ ханами. Положимъ, что къ иноземцамъ Монголы относились иначе, едва признавая ихъ за людей, но тѣмъ не менѣе ходъ самыхъ процессовъ удовлетворяетъ, что право и справедливость были мало ува-

жаемы въ Золотой Ордѣ. Въ этомъ случаѣ весьма любопытнымъ документомъ служить современная русская пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, въ которой изображается татарскій судъ и администрація по русскимъ понятіямъ. Ханъ Узбекъ, названный здѣсь Азвякомъ, раздаетъ русскіе города своимъ родственникамъ, только обходитъ одного Щелкана, потому что онъ находится въ отсутствіи, въ литовской землѣ, гдѣ „бралъ онъ дани—невыходы, царскія не выплаты, съ князей бралъ по сту рублей, съ бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пятирублевъ; — у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у котораго дитя нѣтъ того самого возьметъ“. Возвратясь въ Орду, Щелканъ проситъ пожаловать его Тверью, на что Узбекъ и соглашается съ тѣмъ лишь условіемъ, что Щелканъ прежде заколетъ любимаго своего сына и напьется его горячей крови изъ чаши. Щелканъ выполняетъ это варварское условіе и является въ Тверь судьей. „А не много онъ судью сидѣлъ; и вдовы-то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо-всѣми поругатися, надъ домами насмѣхатися“. Кончается дѣло тѣмъ, что раздраженные Тверитяне растерзали Щелкана (Древн. рос. стихотвор. 31)⁴. На стр. 431—432 изложено: „первоначальная религія средне-азійцевъ, а также и монголовъ, была шаманизмъ, остатки котораго и до сихъ поръ сохранились у сибирскихъ инородцевъ. Исповѣдуя эту вѣру, первые Чингизиды не только терпѣли другія религіи,—даже *относились къ нимъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ*. Такимъ образомъ духовенство разныхъ исповѣданій было освобождено отъ податей, иногда по особенному ходатайству; національные же духовные, во всякомъ случаѣ, освобождались отъ всякихъ повинностей. Главную роль въ этомъ духовенствѣ занимали шаманы, о которыхъ часто упоминаетъ Рашидъ-Эддинъ, такъ какъ гаданіе для Монголовъ составляло предметъ особенной важности; кромѣ того и врачеваніе производилось также шаманами. Буддизмъ рано появился между монголами... Ханъ Узбекъ, принявши мусульманскую религію, приказалъ умертвить множество ламъ и шамановъ, и съ этихъ поръ выступаетъ на сцену въ *Золотой Ордѣ мусульманское духовенство*, о различныхъ степеняхъ котораго сообщаютъ намъ ханскіе ярлыки: *однако въпротерпимость продолжала существовать въ Улусѣ Джучіевомъ* (нѣкоторыя исключенія, встрѣчающіяся и раньше мусульманства, напримѣръ, казнѣ Романа Рязанскаго за то, что онъ бранилъ Хана и вѣру татарскую, ничего не доказы-

вають). На стр. 442 излагается: „не безъ послѣдствій для Улуса Джучіева было и сосѣдство съ русскими владѣніями, земледѣльческая и болѣе развитая жизнь русскаго народа внесла въ Орду новый элементъ, котораго не могли дать бѣдные инородцы финнскаго или даже и турецкаго происхожденія на берегахъ Волги. Определить степень взаимодѣйствія всѣхъ этихъ элементовъ въ Золотой Орду очень трудно и даже едва-ли возможно по тѣмъ матеріаламъ, которыми мы можемъ располагать: для нашей цѣли достаточно указать, что такое столкновеніе разныхъ элементовъ въ Орду существовало)“. — *Wolf. Geschichte der Mongolen. 1872 г. — W. W. Grigorjew. Die Nomaden als Nachbarn und Eroberer civilisirter Staaten. Zwei Vorträge. St.-Petersburg. 1875. — Strakosch-Grassmann. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck. 1893.*

Въ нижеслѣдующихъ сочиненіяхъ и изслѣдованіяхъ характеристика Монголовъ и въ частности татаръ.

О. Іакинѣвъ. Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азій, ч. I. — *Abel Rémusat. Recherches sur les langues tartares à Paris. 1820. — Карлъ Риттеръ.* Земледѣдніе Азій, переводъ Семенова, т. I. — *И. Березинъ.* Очеркъ внутренняго устройства Улуса Джучіева. Труды Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества. Часть VIII. СПБ. 1864 г. — *Его-же.* Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, переводъ сочиненія Рашидъ-Эддина. Введеніе. Персидскій текстъ и русскій. СПБ. 1858 и 1861 г. — *В. Васильевъ.* Исторія и древности восточной части Средней Азій. СПБ. 1857 г., стр. 216, 217, 217—218, 219, 230, 230—232. — *Языковъ.* Собраніе путешествій къ Татарамъ. СПБ. 1825 года. — *Journal asiatique, V serie. t. XI, 248—249. — J. von Hammer-Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschack, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth. 1840, pp. 39—42, 190. — Wolff. Geschichte der Mongolen. 1872. — Strakoch-Grassman. Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242. Innsbruck. 1893.*

О заимствованіи изъ восточныхъ языковъ и денежныхъ знакахъ.

Д. Ч. Эрדманъ. Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій. Труды и лѣтописи Общества исторіи и Древностей Россійскихъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Часть V, кн. I. Москва. 1830 г., стр. 215—245. — *Miklosich. Türk. Elemente im Slawischen. Scripsit C. M. Fraehn.*

De origine vocabuli Russici *деньги*. Casani. 1815 года. — *Гавриилъ Успенскій*. Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Русскихъ. Часть I (о обычаяхъ Россіянъ въ частной жизни). Харьковъ. 1818 г. — *Abel Rémusat*. Recherches sur les langues tartares à Paris. 1820, t. I. — *Sprengel*. Geschichte d. wichtigsten geogr. Entdeckungen, p. 364. — *K-iii*. О бѣльихъ лобкахъ и кунныхъ мордкахъ. Вѣстникъ Европы. 1828 г., № 13, стр. 17—48. — *Дюканжъ*. Glossar. med. et inf. Latinit. подъ словами „moneta nigra“. — *Joseph Dobrowsky*. Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas glagolitas ritus Latini Salvos in libris sacris obtinet (Cum tabulis aeri incisis quattuor). Vindobonae. 1857. — Словарь Академіи Россійской (Lexicon Academiae Russice). СПб. 1789. — *Joseph von Hammer*. Geschichte des Osmanisches Reiches Handschriften und Archiven. Pesth. 1827 (allen 10 B., aber hier erster Band).

Спеціальныя изслѣдованія о Монголахъ.

Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse. Paris. 1836. — *Charmoy*. Expédition de Timour-i-lenk. — *Abulghari bakhadur chani*. Historia Mongolorum et Tartarorum. Casani. 1825. — *И. Березинъ*. Библіотека восточныхъ историковъ: 1) Шейнбагіада. Казань. 1849; 2) Сборникъ лѣтописей. Казань. 1854; 3) Исторія Абдулъ-Газы. 1854. — *Его-же*. Первое нашествіе Монголовъ на Россію. — *Его-же*. Нашествіе Батыя на Россіи. — *Его-же*. Ханскіе ярлыки, 4 выпуска: а) Казань. 1850 года; б) Казань. 1851 года; в) СПб. 1850 г.; г) Казань. 1852 г. — *В. Григорьевъ*. О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханамъ Золотой Орды русскому духовенству. Москва. 1842 г. — *Bergeron*. Voyages faits principalement en Asie. Haye. 1735. — *Defremery et Sanguinetti*. Voyages d'Ibn Batoutah. Paris. 1854—1855. — *Dulaurier*. Les Mongols d'après les historiens arméniens, въ Journal asiatique. V Ser. tt. XI et XVI. — *S. de Sacy*. Chrestomathie arabe 2 édit., t. II. Paris 1826. — *Schmidt*. Geschichte der Ostmongolen, von Ssannang Ssetzen. St.-Petersburg. 1829. — Ученыя Записки Казанск. Унив. 1846, III, — *Липовцевъ*. Переводъ Уложенія палаты внѣшнихъ сношеній. 1828 г. — *О. Іакинѣвъ*. Статистическое описаніе Манджуріи, Монголіи и пр. — *Тимковскій*. Путешествія. III. — *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи и т. д., III, 268—269.

⁷⁶⁾ М. П. Погодинъ доказывалъ: переселеніе Полянъ (т. е. Кіевлянъ) изъ Кіевской стороны на Русскій сѣверъ и запустѣніе Кіево-перемыславской земли и образованіе малорусской народности изъ пришельцевъ съ Карпатъ (Со-

браніе сочин. Максимовича, т. I, стр. 132). По этому поводу между М. П. Погодинымъ и Максимовичемъ завязалась переписка; послѣдній въ письмѣ М. П. Погодину подъ заглавіемъ „О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ“, помѣщенномъ первоначально въ Русской Бесѣдѣ за 1857, кн. IV, стр. 22—35, а затѣмъ въ Собраніи Сочиненій Максимовича, т. I, стр. 131—145, опровергаетъ это „предубѣжденіе“ историческое Погодина и вообще разныхъ писателей. И, между прочимъ, добавляетъ: „но эта мгла Татарскаго вѣка не должна служить мутною водою для рыболовства, на кормленіе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ Кіевопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ (стр. 137)“. Въ статьѣ „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII в.“, помѣщ. первоначально въ Русской Бесѣдѣ, за 1857 г., кн. IV, а затѣмъ вошедшей и въ Собраніе Сочин., т. I, стр. 248—276, Максимовичъ съ силою и мѣткостью далъ отпоръ польской теоріи Грабовскаго, который вмѣстѣ съ другими польскими писателями—Яблонскимъ, Шайнохой и кн. Тад. Любомірскимъ—утверждалъ „что въ опустѣломъ краѣ явилась (съ XIII в.) новая этнографическая особь, мало имѣющая общаго съ древнею Русью: колонисты съ запада, именно изъ Польши, положили основаніе расы болѣе близкой къ лекитской нежели къ русской“. Очень желательно и рекомендуется ознакомиться съ сочиненіемъ В. Б. Антоновича, „Кіевъ, его судьба и значеніе“, Кіевская старина 1882 г., кн. I и съ замѣтками А. И. Соболевскаго по поводу этого сочиненія: „Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева“, Кіевскія Университетскія Извѣстія, 1885 г.

⁷⁷⁾ Максимовичъ въ рядѣ статей—см. Собр. Сочин., т. I и М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ соч. „Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XVII вѣка“. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. I. Кіевъ. 1886 г. и отдѣльнымъ оттискомъ. Кіевъ, 1886 г.

⁷⁸⁾ Д. Ч. Ердманнъ. Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ Восточныхъ языковъ въ Россійскій. Труды и лѣтописи Общества Исторіи и древн. Рос. учред. Импер. Моск. Унив. Часть V, кн. I. Москва. 1830 г. стр. 215—245 и другія работы по этому вопросу см. выше примѣч. 75-ое, отд. „о заимствованіи изъ восточныхъ языковъ и денежныхъ знакахъ“.

⁷⁹⁾ Обзоръ русской духовной литературы. Ученыя Записки Академіи Наукъ, кн. III.—*Θ. Буслаевъ*. Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Изданіе Кожанчикова. СПб. 1861 г., т. II, стр. 168—*В. Ключевскій*. Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. Москва. 1871 г., стр. 39 — *Н. К. Блаженный Петръ*, Ордынскій царевичъ Ростовскій Чудотворецъ. Казань. 1880 г.— Нужно замѣтить, что „во многихъ рукописяхъ житіе царевича озаглавляется такъ: „Житіе святого отца Кирилла, архіепископа Ростовскаго, како ходи въ татарове съ честію, како святая Богородица съ Младенцемъ и съ святымъ Николою и святымъ Дмитріемъ великомученикомъ явистася отроку“. Такъ и въ рукописи, съ которой житіе отпечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ. 1859 г.“.

„Сказаніе о Петрѣ царевичѣ въ высшей степени важно своими характеристическими подробностями не только для исторіи литературы и церкви, но и вообще для характеристики внутренняго быта древней Руси и въ особенности юридическаго. Оно предлагаетъ любопытнѣйшія, драгоцѣнныя для историка, подробности о татаршинѣ въ Ростовѣ и объ установленіи и опредѣленіи юридическихъ понятій о владѣніи землею и водою“. (*Н. К. Блаженный Петръ*, Ордынскій царевичъ, Ростовскій Чудотворецъ. Казань. 1880 г., стр. 6).

⁸⁰⁾ *Н. К. Блаженный Петръ*, Ордынскій царевичъ, Ростовскій Чудотворецъ. Казань. 1880 г. стр. 15.

„... и повелѣ князь извлечь вервь отъ воротъ до воды и отъ воротъ до угла, отъ угла возлѣ озера, се мѣсто великое. Петръ же рече: „да повелиши, княже, ровъ копати, яко же въ Ордѣ бываетъ, да не будетъ гибели мѣсту тому“, и бысть ¹⁾ тако.

„И ты, чадо, не пощади родителей имѣнія“.

Это точныя слова подлинника, въ которыхъ хотя и не утверждается прямо, что земля и озеро приобрѣтены царевичемъ въ церковное владѣніе на татарскія деньги, а не на данныя ему чудесно первоверховными Апостолами, но въ которыхъ словахъ содержится замѣчательный намекъ на то, что земли могли быть куплены и на суммы, выведенныя царевичемъ или въ послѣдствіи присланныя ему изъ Орды, потому что царевичъ, по всей вѣроятности, пріѣхалъ изъ Орды въ Ро

¹⁾ Какъ царевичъ придерживается татарскаго обычая, такъ и князь древне-русскаго. Ростовскій князь отмѣриваетъ землю вервю, по обычаю согласному съ юридическимъ значеніемъ верви Русской Правды.

стовъ не съ пустыми руками, да и живя уже въ Ростовъ могъ получить по смерти отца отъ матери тѣ „имѣнія многа“, которыя „брату цареву умершу“ она „бѣ держащи ему (Петру)“. Сн. Бусл. т. II, стр. 168.

⁸¹⁾ Отчетъ Имп. Археологической Коммиссіи за 1882—1888 годы. СПБ. 1891 г., стр. LVII.

„...Въ числѣ кладовъ, заключавшихъ въ себѣ русскія монеты XV столѣтія, наибольшаго вниманія заслуживаетъ находка, сдѣланная въ Княгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, и содержавшая, вмѣстѣ съ монетами тверскими, рязанскими и псковскими, множество суздальскихъ, въ томъ числѣ нѣсколько неизданныхъ, и *подражанія татарскимъ монетамъ*“.

(Докладъ о дѣствіяхъ Имп. Археол. Ком. за 188³/₄ г.).

⁸²⁾ Historica Russiae Monumenta.

Акты историческіе, относящіеся къ Россіи.

№№ LXII, LXXIV, и XCV.

Tomus 1.
Petropoli.
1841.

pagina 57.

Томъ I.
СПБ.
1841.

стр. 57.

a) LXII.

An 1246. Innocentii P. VI ad Regem Russiae (In tutelam Divi Petri et Romani Pontificis suscipitur).

Папа Иннокентій IV, принимаетъ Короля Русскаго (В. Кн. Данила Галицкаго) подъ покровительство Св. Петра и Римскаго первосвященника.

Regi Russiae illustri Inoncentius Episcopus servus servorum Dei.

Cum te, ac Regnum tuum, utpote plantationem novellam, proponamus prosequi speciali prerogativa gratie ac favoris, votis tuis libenter annuimus, et petitiones tuas quantum cum Deo possumus favorabiliter exaudimus. Tuis itaque supplicationibus inclinati, personam tuam et Regnum predictum sub beati Petri et nostra protectione suscipimus, et presentis scripti patrocinio communimus. Nulli ergo omnino hominum liceat hanc paginam nostre protectionis infringere, vel ei ausu temerario contraire. Siquis autem hoc attemptare presumserit, indignationem Dei omnipotentis, beatorum Petri et Pauli apostolorum eius, et nostram se noverit incursum. Datum Lugduni V. Nonas Maii, anno tertio. (1246).

(An. III. epist. 480).

pagina 65

стр. 65.

b) LXXIV.

An 1247. Innocentii P. IV
ad Danielelem Regem Russiae,
ad fratrem eius et natum. (Rex
et regnum in tutelam beati
Petri suscipiuntur).

Папа Иннокентій IV при-
нимаетъ Даниїла Короля
Русскаго брата его и сына
подъ покровительство Св.
Петра,

**Illustribus Danieli Russiae et W. Laudemerie fratri ejus Regibus et nato ejusdem
Danielis, Innocentius Episcopus servus servorum Dei.**

Etsi proponamus illustrium, ac Nobilium et aliorum Eccle-
sie devotorum personas quantum cum Deo possumus honorare,
vos tamen quo Deus et Dominus noster Iesus Christus per suam
misericordiam ad unitatem ecclesiasticam revocavit, tantum
propensiori volumus prosequi prerogativa favoris et gratie spe-
cialis, quanto in revocatione vestra ad devotionem Ecclesie non
hominis sed divine potentie manus dinoscitur operata. Ea prop-
ter carissimi in Christe filii vestris precibus inclinati personas
vestras, et Regna, familias, possessiones, et alia omnia bona
vestra tam mobilia quam immobilia quae in presentarium ra-
tionabiliter possidetis, aut in futurum justis modis prestante
Domino poteritis adipisci sub B. Petri et nostra protectione sus-
cipimus, et eas vobis vestrisque heredibus in ecclesiastica de-
votione persistentibus auctoritate apostolica confirmamus et pre-
sentis scripti patrocinio communimus. Nulli ergo omnino homini
liceat hanc paginam nostre protectionis et confirmationis infrin-
gere, vel ei ausu temerario contraire. Si quis autem hoc at-
temptare presumpserit indignationem Omnipotentis Dei et B.
B. Petri et Pauli Apostolorum ejus se noverit incursum. Da-
tum Lugduni II. Idus septembris anno quinto (1247).

(An. V epist. 187).

pagina 84.

стр. 84.

c) XCV.

An. 1257. Alexandri P. IV.
an Danielelem Regem Russiae
(Objurgatur de ejus defectio-
ne a catholica Ecclesia et ad
illam redire monetur).

Папа Александръ IV, уко-
ряетъ Даниїла Короля Рус-
скаго за отступленіе его
отъ Католической церкви
и увѣщаетъ его возвра-
титься въ нѣдра оной.

**Danieli Regi Russiae timorem divini nominis et amorem Alexander Episcopus
servus servorum Dei.**

Inter alia que nobis ex injuncto Apostolatus incumbunt officio, animarum nos covenit precipue invigilare salutem, ut eas Regum Regi, qui nos illarum, licet „immeriti“¹⁾, voluit preesse regimini, lucrifacere, sua nobis cooperante gratia, valeamus. Verum quia non est Deo acceptum obsequium, quod sine fide prestatur nec pervenitur operum, edificio ad salutem, quod supra firmitatem fidei non „consurgit“²⁾ ad propagandam eam, et corroborandam in mentibus omnium, et specialiter Regum et Principum intentione tota omnique sollicitudine, ac verbi et operis efficacia laborare debemus, ut Christiana Religione latius diffusa per orbem, Patris Eterni filius multiplicatis servitoribus plenius honoretur. Sane tu olim cupiens de infidelitatis tenebris, que postquam etiam renatus fuisti fonte baptismatis oculos tue mentis involverant, ad „lumen“³⁾. Catholice fidei, sine qua nemo salvatur, et ad obedientiam Ecclesie Romane divina inspiratione redire, juramento prestito promisisti, Ecclesie predictae tamquam fidelis ejus filius obedire, ac fidem Catholicam, sicut alii Orthodoxi mundi Principes, observare. Propter quod Ecclesia eadem volens te in sui devotione congruis firmare favoribus, et condignis gratiis confovere, personam tuam ad Regalis dignitatis apicem sublimavit, faciendo tennungi sacri crismatis oleo, tuoque imponi capiti „Regum“⁴⁾ diadema. Sed tu, sicut ad audientiam nostram non sine cordis turbatione pervenit, tam spiritualium quam temporalium beneficiorum ipsius Ecclesie immemor, tanteque gratie prorsus, ingratus, prestiti juramenti religione contempta, id quod circa obedientiam ejusdem Ecclesie, ac predictae observationem fidei promisisse „dinosceris“⁵⁾, observare postmodum non curasti, in anime tue periculum, ipsius injuriam fidei, Ecclesie predictae contemptum, et obprobrium Iesu Christi. Super quo tanto vehementius contristamur, quanto „faventius“⁶⁾ super omnia cordis nostri desiderabilia cupimus, ut cultus ejusdem fidei per orbem longius, latiusque diffusus continuum, auctore Domino, suscipiat incrementum. Volentes igitur apostolicis apud te super hoc insistere monitis, et ad veritatem, que Christus est, paternis te persuasionibus revocare, ac sperantes quod te graviter contra Deum, et ejus Ecclesiam deliquisse considerans, condigne peniteas,

Variae lectiones in Exempl. Albertrandii. — 1) Immeritos, — 2) assurgit, — 3) lucem, — 4) regium, — 5) dignosceris, — 6) ferventius.

et errorem tuum corrigere studeas per te ipsum. Magnitudinem tuam monendam duximus attentius, et hortandam quatinus ad tuam memoriam revocans, quanto studio, quantaque sollicitudine circa exaltationem tuam Sedes Apostolica laborarit, consideramus etiam quod non Ecclesiam, sed te ipsum decipis tuum in hac parte promissum dampnabiliter non servando perditionis viam, qua graderis, non differas abjurare, et id quod de ipsius observatione fidei, et predictae Ecclesiae obedientia iuramento prebito, promisisti, inviolabiliter observare procures. Ita quod nos tuorum laudabilium operum odore percepto, multa exinde perfusi letitia, dulcia ipsius Ecclesiae ubera, quae copiose dudum in multorum beneficiorum percetione suxisti, tibi, tuis exigentibus meritis, affectuosius porrigamus. Alioquin venerabilibus fratribus nostris... Olomucensi et... Wratislaviensi Episcopis litteris nostris injungimus, ut te ad id per censuram ecclesiasticam, appellatione remota „compellant“ ¹⁾. Non obstantibus aliquibus litteris Apostolicis cujuscunque tenoris existant, pes quas effectus presentium impediri valeat vel differri, et Constitutione de duabus edita in concilio generali. Datum Laterani. Idibus Februarii, anno tertio (1257).

(An III, epist. 101).

⁸³⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 535—537.

⁸⁴⁾ *М. Владиміръскій-Будановъ*. Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII в. до половины XVII в. въ Архивѣ Юго-западной Россіи, ч. VII, т. I Кіевъ, 1886 г. и отдѣльно. Кіевъ 1886 г.

⁸⁵⁾ *Дьяконовъ. М.* Власть Московскихъ Государей. СПБ. 1889 г. стр. 133—165.

⁸⁶⁾ Пособія: *Н. Ойрсовъ*. Обзоръ внутренней жизни инородцевъ предъ вступленіемъ ихъ въ составъ Московскаго Государства въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета. 1864, вып. I. — *В. Вельяминовъ-Зерновъ*. О Касимовскихъ царяхъ и царевнахъ 3 т. — *В. Смирновъ*. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты. СПБ. 1887 г. — *Д. Багалъй*. Очерки по исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. М. 1887 г. и 2 тома „Матеріаловъ“.

⁸⁷⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній, I, 17—18.

¹⁾ compellant, invocato nihilominus contra te auxilio brachii saecularis.

Data sunt Olomucensi alisque praesulibus mandata, ut Daniele censuris armisque fidelium ad officium redigerent.

⁸⁸⁾ *Н. М. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, т. VIII, примѣчаніе 459.

⁸⁹⁾ *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, VII т., стр. 222—223 (изданіе 29-ти томное).

⁹⁰⁾ *Н. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, т. VIII, примѣч. 457 (изданіе 29-титомное).

⁹¹⁾ *Лит. Метр.* VI, 10.

⁹²⁾ Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, часть I, стр. 56 и 61.

⁹³⁾ *Ibidem*, т. I, № 35.

⁹⁴⁾ а) *Д. Иловайскій*. Исторія Россіи. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI в. Москва. 1890 г., стр. 181—206, 213—219.—*Рычковъ*. Опытъ Казанской исторіи СПБ. 1767 г.—Исторія о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія. СПБ. 1791 г. (Разсказы не отличаются достовѣрностію и полны прикрасъ и домысловъ, хотя и говорятъ, что онъ служилъ при дворѣ Сафа Гирея)—*Н. А. Ойрсовъ*. Обзоръ внутренней жизни инородцевъ предъ вступленіемъ ихъ въ составъ Московскаго государства. Ученыя Записки Казанскаго Университета. 1864 г., вып. I.—*В. Д. Смирновъ*. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты. СПБ. 1887 г.—*Н. И. Веселовскій*. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1889 г. Январь (обстоятельная рецензія сочиненія В. Д. Смирнова. Крымское ханство и т. д.)—*Кн. Щербатовъ*. Исторія Россійская, т. V. СПБ. 1786 г.—*Арцыбашевъ*. Повѣствованіе о Россіи, т. II.—*Никоновская лѣтопись*, т. VII.—*Кн. А. Курбскій*. Сказанія. Изданіе 2-ое. СПБ. 1842 г., ч. I, гл. 2.—*С. М. Шпилевскій*. Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казанской губ. Казань. 1877 г.—*Протоіерей Заринскій*. Очерки древней Казани. Казань. 1877 г.—*Перетятковичъ*. Поволжье въ XV и XVI вв. Москва. 1877 г.—*Д. И. Барсуковъ*. Родъ Шереметевыхъ. СПБ. 1881 г., книга I.

б) Совѣтники убѣждали царя Ивана Васильевича дѣйствовать энергичнѣе противъ Крымцевъ.

За совѣтниковъ.

А. Курбскій. Сказанія, ч. I, 52.

Н. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. 2-е изд. СПБ. 1819 г. т. VIII, гл. V.

Полевой. Исторія Русскаго народа, т. VI, гл. III.

Противъ совѣтниковъ.

С. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. VI, гл. III (изданіе 29 том.).

К. Бестужевъ - Рюминъ. Русская Исторія, т. II, гл. V, примѣчаніе 64.

Костомаровъ стоялъ за возможность покоренія Крыма.

(Вѣстникъ Европы, 1871 г. Октябрь).

в) Сказанія князя А. Курбскаго. Изданіе 2-е. СПб. 1842 г. стр. 64.

„Добро бы и паки реку, зѣло добро избавити въ ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтня работы, и разрѣшити окованныхъ отъ тягчайшія неволи; но нашъ царь о семъ тогда мало радяще, аще и едва послалъ съ пять тысящей всего воинства съ Вишневецкимъ Дмитромъ, Днѣпромъ рѣкою, на Перекопскую орду, а на другое лѣто съ Даниломъ Адашевымъ и съ другими стратилаты со осмь тысящей, также водою, послалъ; они же выплыша Днѣпромъ на море и, надѣ надежду Татарскую, не малую тщету учиниша въ ордѣ: яко самихъ побииша, такожъ женъ и дѣтей ихъ немало плѣниша, и христіанскихъ людей отъ работы свободили немало, и возвратишась во-свояси здравы. Мы же паки о семъ, и паки царю стужали и совѣтовали: или бы самъ потщился итти, или бы войско великое послалъ въ то время на орду; онъ же не послушалъ, прекаждающе *(въ Э. прешкождаючи—переговаривая, переспоривая)* намъ сіе и помогающе ему ласкателіе, добрые и вѣрные товарищи, трапезъ и кубковъ *(въ Э. купцовъ)* и различныхъ наслажденій друзи; а подобно уже на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ *(во Б. единоплеменныхъ)* остроту оружія паче, нежели поганомъ, готовалъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ предреченнаго епископа, глаголемаго Топорка“.

(Главы IV и V—недурно пройти (прочестъ) съ учениками) .

г) Н. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. 12 т. 2-ое изданіе, т. VIII. СПб. 1819 г., стр. 239—240.

„Совершенное паденіе Казанскаго Царства приводило въ ужасъ Тавриду: Девлетъ-Гирей, кипя злобою, хотѣлъ-бы поглотить Россію; но чувствовалъ нашу силу, ждалъ времени, манилъ Іоанна мирными обѣщаніями и грозилъ нападеніемъ. Въ 1553 году Царь стоялъ съ полками въ Коломнѣ, ожидая Хана (438 стр.); но Ханъ прислалъ въ Москву грамоту шертную: соглашаясь быть намъ другомъ, онъ требовалъ богатыхъ даровъ, и называлъ Іоанна только Великимъ Княземъ. Государь писалъ ему въ отвѣтъ, что мы не покупаемъ дружбы, и скромно извѣстилъ его

о взятіи Астрахани. Тогда нѣкоторые изъ Думныхъ Совѣтниковъ предлагали Государю довершить великое дѣло славы, безопасности, благоденствія нашего завоеваніемъ послѣдняго Царства Батыева (439 стр.); и если-бы онъ исполнилъ ихъ совѣтъ, то предупредилъ бы двумя вѣками знаменитое дѣло Екатерины Второй: ибо вѣроятно, что Крымъ не могъ бы противиться усиліямъ Россіи, которая уже стояла пятою на двухъ, лежащихъ предъ нею Царствахъ, и смотрѣла на третіе какъ на лестную добычу: двѣсти тысячъ побѣдителей (440 стр.) готовы были ударить на гнѣздо хищниковъ, способныхъ болѣе къ разбоямъ, нежели къ войнѣ оборонительной. Есть время для завоеваній: оно проходить, и долго не возвращается. Но сія мысль казалась еще дерзкою: путь къ Крыму еще не былъ знакомъ войску; степи, даль, трудность продовольствія устрашали. Сверхъ того Іоаннъ опасался раздражить Султана, Верховнаго Властителя Тавриды, съ коимъ мы находились въ дружественныхъ сношеніяхъ: возбуждая противъ насъ Князей Ногайскихъ (441 стр.), онъ тайлъ свою неприязнь и въ знакъ уваженія писалъ *золотыми буквами* Іоанну, именовалъ его *Царемъ счастливымъ и Правителемъ мудрымъ*; напоминалъ ему *о старой любви*, и присылалъ въ Москву купцовъ за товарами (442 стр.). Еще и другая мысль склоняла Государя щадить Тавриду: онъ надѣялся, подобно своему дѣду, употреблять ея Хановъ въ орудіе нашей Политики, чтобы вредить или угрожать Литвѣ“.

⁹⁵⁾ Свіяжскъ еще въ 1550 г., вслѣдъ за тѣмъ немного позже Царево-Кокшайскъ, Кузьмодемьянскъ, Цывильскъ, также Бирскъ въ 1554 г., Оса въ 1557 г., Уфа въ 1586 г., Мензелинскъ въ 1645 г.

⁹⁶⁾ Орель, Елецъ, Бѣлгородъ, Валуйки, Осколь, Ливны и др.

⁹⁷⁾ Книга, глаголемая „Большой Чертежъ“, издан. Спасскимъ. Москва. 1846 г. — *Бѣляевъ*. О сторожевой, станичной и полевой службѣ. Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1846, № 4. — Акты Московскаго государства, издан. Академ. Наукъ, подъ редакціей Н. А. Попова, т. I. СПб. 1890 г. — *Перетятковичъ*. Поволжье въ XV и XVI вв. Москва 1877. — *Багалъй*. Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства. Москва 1887 г. — *Его-же*. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Степной окраины Московскаго государства. Харьковъ. №№ I и II. — *Д. Иловайскій*. Исторія Россіи. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI в. Москва.

1890 г., стр. 372—408 — *Г. Ф. Миллеръ*. Описаніе Сибирскаго Царства, СПб. 1750 г. — *Фишеръ*. Сибирская исторія или описаніе Сибирскаго царства (нѣм. яз.). СПб., 2 т., 1768 г. — *Лѣтопись Сибирская* (Строгановская и Есиповская), изданная Спасскимъ. СПб. 1821 г. — *Василій Бергъ*. Путешествіе въ города Чердынъ и Соликамскъ. СПб. 1821 г. (О колонизаторской дѣятельности Строгановыхъ). — *П. Небольсинъ*. Покореніе Сибири. СПб. 1849 г. — *П. Слобцовъ*. Историческое обозрѣніе Сибири, 1-ое изд. 1838 г., 2-ое СПб. 1888 г. — *Буцинскій*. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея поселниковъ. Харьковъ. 1889 г. — *А. Крүненинъ*. Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края. Пермскій сборникъ, I. Москва. 1859 г. — *Мозель*. Пермская губернія. СПб. 1864 г. (Матеріалы для географіи и статистики Россіи). — *Смышляевъ*. Источники и пособія для изученія Пермскаго края. Пермь. 1876 г. — *Шишонко*. Пермская лѣтопись. 3 кн. Пермь. 1881—1884 г.г. (Отчетъ о ней въ Журналъ Минист. Народн. Просв. 1886 г. Январь).

⁹⁸⁾ *Н. Ядринцевъ*. Алтай и его инородческое царство. „Историческій Вѣстникъ“ 1885 г., июнь, стр. 618.

⁹⁹⁾ Посольство въ Персію князя Александра Федоровича Жирового-Засѣкина. Труды Восточнаго Отдѣла Императорскаго Археологическаго Общества, т. XXI, СПб. 1892 г. Наказъ 1600 г. посламъ кн. Жировому-Засѣкину, — Темиру Засѣцкому и дьяку Ивану Шарапову, стр. 50, 51.

„А нѣчто спросятъ про Сибирь, какимъ обычаемъ Сибирское царство взяли государевы люди и какъ ныне Сибирь устроена? И князю Александру съ товарищи говорить: Сибирское царство искони вѣчная вотчина государей нашихъ, и прежніе цари, которые были на Сибирскомъ царствѣ, государемъ нашимъ были послушны и дань давали, а какъ учинился на Сибирскомъ царствѣ Кучюмъ царь, и онъ былъ не почалъ государю нашему его ц. в. дани давати и учелъ быть непослушанъ. И государь нашъ поволѣлъ изъ Перми итти въ Сибирь казакомъ волжскимъ, и казаки, шедъ, Сибирское царство взяли и людей многихъ побили. А царь Кучюмъ убежалъ въ поле, и казакѣмъ на поле, а племянника Кучюмова царева Магметкула царевица взяли казаки жива. А после того государя нашего воеводы и сына Кучюмова царева Абдулъ Хаира царевица взяли. А ныне великого государя нашего ц. и в. кн. Бориса Федоровича в. Р. с. вое-

воды изъ Сибири города посылали головъ за Кучюмомъ царемъ, и головы сошли Кучюма царя на Оби реке и шли до него двадцать день рѣзвымъ ходомъ. И Божіею милостію, а великого государя нашего ц. и в. кн. Бориса Ѳеодоровича в. Р. здоровьемъ (?), счастьемъ... государевы наши люди, зашедъ Кучюма царя на поле, побили на голову само(ю) Кучюма царя да брата его Илтиеня царевича и детей его, и племянниковъ, и съ ними трехъ царевичей и многихъ князей, и мурзъ, и всякихъ людей побили больши шти тысячъ человекъ, а пяти царевичей Кучюмовыхъ дѣтей Асманака царевича зъ братьею, десять царицъ Кучюмовымъ и детей его жонъ, да восемь царевыхъ Кучюмовыхъ дочерей и лучшихъ мурзъ больши трехъ сотъ человекъ живыхъ взяли и къ великому государю нашему царю и в. кн. Борису Ѳеодоровичю в. Р. с. привели, а умысы Кучюмовы разорили). И нынѣ Кучюмовы царевы дѣти и царевичи и племянники всѣ у его царскаго величества на Москвѣ; царевичи ц. в. служатъ, и матери и сестры, и жены живутъ въ царскомъ жалованье въ ихъ помѣстьяхъ. А въ Сибири нынѣ живутъ великого государя нашего его ц. в. воеводы многие, и города въ Сибири поставлены многие по Турь реку и Иртышу и Оби по великой реку, и въ тѣхъ городахъ люди многие устроены, а поставили въ Сибирской землѣ больше двадцати городовъ, а старыхъ городовъ во всей Сибирской землѣ до двухсотъ городовъ: И данъ съ Сибирскіе земли великому государю нашему шла многая: соболи и лисицы черные, и иной звѣрь всякой).

¹⁰⁰⁾ Чичеринъ. Опытъ, стр. 240.

¹⁰¹⁾ Собрание Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ т. I. № 54.

¹⁰²⁾ Собр. Госуд. Грам. и Договор. т. I. № 144.

¹⁰³⁾ Собрание Государствен. Грам. и Договор. томъ I. № 167—169.

¹⁰⁴⁾ Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго IX, прим. 299, СПб. 1819 г.

¹⁰⁵⁾ Собрание Государствен. Грамотъ и Договор. т. I. № № 187 и 188.

¹⁰⁶⁾ Дополненіе къ Актамъ Историческимъ т. I. № 222.

¹⁰⁷⁾ Актъ Ист. ч. II, № 315.

¹⁰⁸⁾ Актъ Ист. ч. II, № 316.

¹⁰⁹⁾ Актъ Ист. ч. II, № 317.

¹¹⁰⁾ С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XIII стр. 89, (изданіе 29-ти томное).

¹¹¹⁾ Иностранными знаками, т. е. филигранями.

¹¹²⁾ Русская Историческая Библиотека, т. VIII, стр. 234—250,

¹¹³⁾ Иностранцы, на примѣръ, научили русскихъ людей воздѣлыванію розъ, приучили ѣсть салатъ.

¹¹⁴⁾ Бояринъ Н. Н. Романовъ.

¹¹⁵⁾ Новгородская и псковская школа иконописи въ XV и XVI вв. стала мѣнять византійскія преданія на стиль возрожденія. Картины видныхъ представителей итальянской живописи эпохи возрожденія (Чимаббе, Перуджино) послужили образцами для иконъ Новгородскаго стиля (напримѣръ, иконы „Вѣрую“, написанной Василиемъ Мамыревымъ). Царскіе изографы въ XVII в. также начинали писать иконы „по живописному“. Изографъ Іосифъ въ посланіи своемъ къ Симону Ушакову нападаетъ на тѣхъ, которые „что застарѣло, того и держатся; а еже что отъ давна помрачено и обетшало, отъ сего наипаче выну приемятъ старину и смуглость похваляти“... „Кто изъ благомыслящихъ“ продолжаетъ разсуждать Іосифъ, „не посмѣется такому юродству, будто бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ?“..

¹¹⁶⁾ Храмъ Вознесенія въ селѣ Коломенскомъ (1532 г.) едва-ли не первый образецъ этого рода, затѣмъ главнѣйшимъ представителемъ котораго можно считать храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы или Василія Блаженнаго, сооруженный при царѣ Иванѣ IV.

¹¹⁷⁾ Н. Тихонравовъ. Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ. 2 тома СПб. 1874 года, а также и въ Собраніи сочиненій покойнаго московскаго профессора.

¹¹⁸⁾ Въ 1669 году, на примѣръ, А. А. Ордыну-Нащокину прислано было изъ-заграницы 82 латинскія книги.

¹¹⁹⁾ Географіи, на примѣръ, въ XVII в. могли учиться

по космографіи Меркатора подъ заглавіемъ „книга, глаголемая Космографія, сирѣчь всего свѣта описаніе“, переведенная съ оригинала переводчикомъ посольскаго приказа Б. Лыковымъ вмѣстѣ съ Иваномъ Дорномъ въ 1637 году. Нѣсколько позже появился переводъ съ латинской книги „Водный міръ“, сдѣланный А. Виніусомъ въ 1669 году.

¹²⁰⁾ *Пособія. Лебедевъ.* Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи, СПб. 1848 г.—*Еленевъ.* Польская цивилизація и ея вліяніе на западную Русь СПб. 1863 г.—*И. Шляпкинъ.* Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709 гг.) СПб. 1891 г. (приведено перечисленіе переводовъ съ польскаго и латинскаго).—*А. Пыпинъ.* Опытъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ.

¹²¹⁾ *И. Шляпкинъ* Св. Дмитрій Ростовскій и его время (1651—1709 гг.) СПб. 1891 г.

¹²²⁾ Исторія, напримѣръ, Іоанна Дельдена, извѣстная русскимъ людямъ во время царствованія Михаила Ѳеодоровича.

¹²³⁾ „По приходѣ почтъ“, говоритъ Кильбургеръ, „газеты тотчасъ посылаются въ замокъ (Кремль) въ посольскій приказъ и тамъ распечатываются для того, чтобы ни одинъ частный человекъ не узналъ прежде двора того, что происходитъ внутри государства и за-границей, а болѣе для того, чтобы каждый остерегался писать, что-нибудь непозволительное и для государства вредное“.

¹²⁴⁾ Въ XVI в. иностранцы принуждены были ходить по Москвѣ въ туземномъ платьѣ для того, чтобы не подвергаться оскорбленіямъ отъ народа. Но уже въ 1630-хъ годахъ такія предосторожности становились излишними; издано было даже особое постановленіе, въ силу котораго всякій напрасно оскорбившій иностранца подвергался наказанію. (*А. Олсарій*, Путешествіе, книга III, глава 5).

¹²⁵⁾ Въ 1675 г. правительству пришлось издать любопытный указъ, которымъ всѣмъ придворнымъ чинамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ повелѣвалось, чтобы они „иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ изычавъ не принимали, а также платья, кафтановъ и шапокъ (иноземныхъ) не носили и людямъ своимъ по тому же носить не велѣли.“

¹²⁶⁾ Кн. И. А. Хворостинъ, напримѣръ, не даромъ жаловался на то, что въ Москвѣ „все людъ глупый, жити не съ кѣмъ“.

¹²⁷⁾ Извѣстно, что сынъ А. Ордына-Нащокина бѣжалъ за границу и поселился во Франціи.

¹²⁸⁾ *Д. Иловайскій*—Смутное время Московскаго государства. Москва 1894 г. (Въ этомъ сочиненіи довольно подробно указаны и разобраны источники и пособія о Смутномъ времени).—*К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія Михаила Ѳеодоровича. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Іюль. Августъ. 1887 г. — *С. Ѳ. Платоновъ*. Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени, какъ историческій источникъ. СПб. 1888 г. (Рекомендуется обратить особое вниманіе на это прекрасное сочиненіе, которое помимо изложенія даетъ возможность отчетливо уяснить себѣ столь темное и сложное время въ Московской Руси).—*С. Ѳ. Платоновъ*. Очеркъ Смутнаго времени. 2-ое изд. СПб. 1900 г. (Въ высшей степени живое изложеніе. Рекомендуются по серьезнѣе ознакомиться, такъ какъ очерки продуктъ долголѣтней работы уважаемаго автора).—*С. М. Соловьевъ*. Обзоръ событій отъ Ѳедора Ивановича до Михаила Ѳеодоровича. Современникъ. 1848 и Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. VIII. (изд. 29-и томное)—*Н. М. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, т. XI. 1819 г.—*М. М. Щербатовъ*. Исторія Россійская, т. VII. СПб. 1790—1791 г.—*Арцыбашевъ*. Повѣтствованіе о Россіи, т. III. Москва 1843 года.—Hermann. Geschichte des Russischen Staates, t. III. Hamburg. 1846 — *Д. Бутурлинъ*. Исторія Смутнаго времени, т. I. СПб. 1839 г. (неоконченная).—*Рѣчь проф. Бережкова*. Троицкая Сергіева Лавра въ Смутное время Московскаго государства. Кіевъ 1893 г.—*Кедровъ*. Авраамій Палицынъ, какъ писатель. Русскій Архивъ. 1886 г. № 8 — *Кедровъ*. Авраамій Палицынъ. Чтенія Общества Исторіи и Древностей. 1880 г., кн. IV. — *А. И. Маркевичъ*. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1891 г. Сентябрь и октябрь (самое обстоятельное изслѣдованіе). — *Хмыровъ*. Историч. очеркъ „Избраніе и вступленіе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова“ СПб. 1863 г. — *Эрвинъ Бауеръ*. Die Wahl Michail Feodorowitsch Romanow's zum Zaren von Russland.—Зибеля Historische Zeitschrift. 1886. — *Д. Иловайскій*. Исторія Россіи. Эпоха Михаила Ѳеодоровича, т. 4, вып. 2. Москва. 1899 г. Умиротвореніе Московскаго государства, стр. 1—34. — *Д. Иловайскій*. Богатырь-казакъ Илья Муромецъ, какъ историческое лицо. Русскій Архивъ. 1893 г.,

№ 5. (Указано вообще на первенствующую роль казачества въ Смутную эпоху).

¹²⁹⁾ Народъ запечатлѣлъ въ своихъ памятникахъ эпоху этого времени отечественной исторіи со всѣми ея перепитіями. До насъ дошла масса легендъ, сказаній, повѣстей, пѣсень народнаго и книжнаго творчества, въ которомъ вылились симпатіи однимъ явленіямъ, лицамъ и антипатіи другимъ. Преподавателю слѣдовало бы ознакомить учениковъ съ выдающимися и характерными изъ памятниковъ этого времени. Всѣ эти памятники эпохи интересны не только въ литературномъ отношеніи, но и въ культурно - историческомъ. Этотъ моментъ въ русской исторіи вызвалъ и породилъ впервые пѣсню чисто элегическаго характера, что не маловажно отмѣтить при прохожденіи курса исторіи Русской словесности (приводится въ любомъ учебникѣ по исторіи словесности подъ наименованіемъ пѣсни Ксеніи Годуновой, записанной англичаномъ Джемсомъ и найденной въ сборникѣ Джемса въ библіотекѣ Оксфордскаго Университета). Кромѣ того, подобный родъ творчества указываетъ и на высшее развитіе духовной стороны народа: онъ уже не довольствовался внѣшней передачей фактовъ, ему нужна была и психологія ихъ. Народъ не откладывалъ своего творчества „ad graecas calendas“, а слагалъ „славу“ непосредственно за событіями — точно боялся, что забудеть что-нибудь или перепутаетъ, и тѣмъ лишитъ потомство возможности узнать о его волненіяхъ, тревогахъ и радостяхъ. Вотъ чѣмъ, напримѣръ, и замѣчательны былины о Скопинѣ, „что подтверждаютъ еще разъ, какъ въ Москвѣ слагались тогда былины тотчасъ за событіями, или, по техническому народному выраженію, документально идущему отъ „слова о полку Игоревѣ“, „пѣли славу“ извѣстному героическому лицу, славили его былиной о подвигахъ его, величали... (Кирѣевскій, пѣсни, вып. 7., стр. 114).“ Характерна былина о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ — народномъ любимцѣ, въ которой черта отца — кровожадность, любимца царя Ивана Васильевича, Малюты Скуратова переносится на дочь, являющуюся героинею этой былины и отравляющую князя на крестинахъ у Воротынскаго. Конечно, это анахронизмъ, но онъ вполне понятенъ, если вспомнить какъ князя Михаила, народъ любилъ и сколько толковъ породила въ народѣ его преждевременная смерть. Народъ искалъ лицо способное на подобное злодѣяніе, и остановился на дочери Малюты. — Былина эта помѣщена въ сборни-

къ Мордовцевой и Костомарова въ 2-хъ вариантахъ и сборникъ Кирѣевского. Приведу начала ея.

Михайло Скопинъ.

„У насъ было въ каменнѣй Москвѣ,
У князя было Воротынскаго,
Было пированье великое“... (стр. 23—25)

.

Вариантъ 2-ой.

„У князя было у Владиміра
Было пированье—почетный пиръ,
Было столованье—почетный столъ,—
А и ктили дитя княженецкое“. (стр. 25—26)

(Лѣтопись русской литературы и древностей, т. IV.
Сборникъ Мордовцевой и Костомарова, стр. 23—26).

Смерть Скопина.

„У насъ было въ каменнѣй Москвѣ,
У князя было Воротынскаго
Было пированье великое,
Ктили дитя княженецкое“.

(Сборникъ Кирѣевского вып. 7, стр. 109—111).

Порфирьевъ. Исторія русской словесности, ч. I. Древній періодъ. Изд. 6-ое. Казань. 1897 г. Пѣсни о князѣ Михайлѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, стр. 117—119.

Не указываю и не привожу ни легендъ, ни повѣстей, ни сказаній, ни другихъ пѣсень этого момента нашей исторіи по той причинѣ, что желающій найдетъ ихъ разбросанными по учебникамъ исторіи русской словесности и хрестоматіямъ, въ вышеприведенномъ трудѣ С. Θ. Платонова и нѣкоторыхъ другихъ, которые также выше указаны.

¹³⁰⁾ *Важнѣйшіе источники:* Матеріалы по исторіи земскихъ соборовъ, изд. В. Латкинымъ, СПб. — Протоколъ собора 1642 г. въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ, часть III.

Пособія. К. Аксаковъ. Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ. Собраніе сочиненій. Москва. 1861 г. стр. 291—306 и газета „День“ 1862 г. № 13; 1863, № 9. — Б. Чичеринъ. О народномъ представительствѣ (вообще). Москва 1866 г. Между прочимъ. Земскіе соборы въ Россіи, стр. 355—385. — И. Бѣляевъ. Земскіе соборы на Руси. Москва. 1867 г. — В. Сергѣевичъ. Земскіе соборы въ Москов-

скомъ государствѣ въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“, т. II, 1875 г.“—*В. Латкинъ*. Земскіе соборы древней Руси. СПб. 1885 г.—*В. Ключевскій*. Составъ представительства на земскомъ соборѣ древней Руси въ „Русской Мысли“ за 1891 г., № 1 и за 1892 г., № 1, стр. 140—172.

¹³¹⁾ *В. Ключевскій*. Боярская Дума (талантливо написанное изслѣдованіе). М. 1883 года. (Пользоваться нужно изданіемъ 1883 г., такъ какъ оно *значительно* исправлено и дополнено; въ настоящее время оно распродано, почему составляетъ библіографическую рѣдкость, и по высокой цѣнѣ мало кому доступно. Поступило за послѣднее время въ продажу переизданіе съ изданія 1883 г., но качественно тусклѣе).

¹³²⁾ *В. Латкинъ*. Земскіе соборы древней Руси. СПб. 1885 г.

¹³³⁾ Часто кажется легкимъ опредѣлить, что именно въ данное время было общающимъ блестящее развитіе, что осуждено пасть. Такъ кажется историкамъ. Иначе бываетъ съ современниками: воспитанные въ извѣстномъ духѣ, смотрящіе на міръ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, они принимаютъ то, что имъ кажется наиболѣе подходящимъ.

¹³⁴⁾ Въ началѣ люди останавливаются на одной внѣшности: техническія улучшенія въ особенности поражаютъ воображеніе; чѣмъ моложе народъ, тѣмъ онъ болѣе цѣнитъ внѣшность. Не даромъ первоначальная эпопея съ такимъ восторгомъ описываетъ вооруженія, убранство комнатъ и т. д. и мимоходомъ касается природы, и то облекая ее въ человѣкообразныя формы. Но и старость сходится часто съ молодостью: нашъ просвѣщенный вѣкъ, быть можетъ, черезъ-чуръ гордится своими техническими изобрѣтеніями, забывая о томъ, что „единое на потребу“. Европа привлекала русскихъ къ себѣ блескомъ своей внѣшней жизни, какъ прежде Польша привлекала къ себѣ перваго самозванца, а Швеція—Котошихина.

¹³⁵⁾ Теоретическое пониманіе этого далеко не удовлетворяетъ всѣхъ интеллигентныхъ людей: недостатки настоящаго ярко кидаются въ глаза и соблазняютъ надеждою на то, что замѣна существующаго наскоро написанными началами должна все исправить, все исцѣлить. Не даромъ указывалъ Мекензи Уоласъ на то, что въ нашихъ бюрократическихъ проектахъ всегда помѣщается историческій обзоръ; мы не можемъ обойтись до сей поры безъ подкрѣпленія себя примѣромъ Европы.

¹³⁶⁾ Пособіємъ можетъ служить трудъ дерптскаго юрьевскаго) профессора А. Брикнера „Европеизованіе Россіи“, авторъ котораго исходитъ изъ той мысли, что явленія культурной исторіи не могутъ быть изучаемы въ хронологическомъ порядкѣ, но требуютъ изложенія по разрядамъ. Вслѣдствіе того онъ выдѣляетъ нѣсколько вопросовъ, которые сводятся въ его представленіи къ вопросамъ объ измѣненіи въ территоріи и въ населеніи. Въ первомъ отношеніи онъ разсматриваетъ расширеніе русской территоріи на западъ, улучшеніе путей сообщенія, развитіе городовъ; во второмъ—вліяніе на русскую жизнь сожителства съ инородцами, вліяніе на нее поляковъ и малоруссовъ, которыхъ онъ разсматриваетъ какъ проводниковъ западной цивилизаціи, вліяніе балтовъ, т. е. балтійскихъ нѣмцевъ, иностранцевъ до Петра, послѣ Петра; вліяніе иностранныхъ техниковъ и ученыхъ; отъ иностранцевъ переходитъ къ русскимъ за границей, останавливаясь на дипломатахъ московскаго періода, на поѣздкахъ Петра, на его дипломатахъ и дворянахъ, посланныхъ имъ учиться за границу, на эмигрантахъ древней Руси (кн. Курбскій, Котошихинъ и др.), на путешественникахъ конца XVIII вѣка. Оканчивается книга указаніемъ на измѣненіе обычаевъ вслѣдствіе европейскаго вліянія.

¹³⁷⁾ „Европеизованіе Россіи“, сочиненіе профессора Брикнера. (Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Von A. Brückner. Gotta. 1888 г.) и разборъ этой книги сдѣланъ покойнымъ академикомъ К. Бестужевымъ-Рюминымъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ въ отдѣлѣ „Критика и библіографія“ за 1888 г. — Не бесполезно вообще познакомиться съ трудами профессора А. Брикнера (см. примѣч. 136).

¹³⁸⁾ *Чистовичъ*. Оеофанъ Прокоповичъ и его время. Сборникъ статей 2-го отд. Ак. Наукъ, т. VI. СПБ. 1868 г. — Считаю необходимымъ коротенько охарактеризовать такого виднаго дѣятеля и писателя эпохи Петра I, какъ Оеофанъ Прокоповичъ.

Оеофанъ Прокоповичъ составляетъ сосредоточіе писателей эпохи Петра Великаго. Нѣкоторые изъ нихъ вполне сочувствовали воззрѣніямъ и стремленіямъ Оеофана Прокоповича; другіе рѣзко отдѣлялись отъ него преимущественно въ вопросахъ, касающихся общественной жизни. Во главѣ дѣятелей и писателей, сочувствовавшихъ Оеофану Прокоповичу, стоитъ Петръ Великій. Въ исторіи рѣдко встрѣчается такое глубокое и искреннее согла-

сіе общественныхъ дѣятелей во взглядѣ на всѣ явленія умственной и государственной жизни, какое замѣчается между Оеофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ. Со стороны Оеофана подобное согласіе не было ни своекорыстнымъ расчетомъ, ни невольною уступкою могучей волѣ преобразователя. По складу своего ума, по отношеніямъ къ современному ему обществу, по своему внутреннему влеченію Оеофанъ всецѣло отдался идеѣ преобразованія, оживлявшей всѣ дѣйствія Петра Великаго. Еще въ началѣ своего литературнаго поприща, будучи вдали отъ общественной среды, въ которой онъ игралъ такую важную роль впослѣдствіи. Оеофанъ съ замѣчательной энергіей возставалъ противъ невѣжества, косности, лицемѣрія, застоя и безпощадными, сатирическими выходками преслѣдовалъ упорныхъ приверженцевъ старины, порицавшихъ разумныя нововведенія.

Чѣмъ искреннѣе Оеофанъ сочувствовалъ реформѣ, чѣмъ съ большею энергіей дѣйствовалъ въ ея духѣ, тѣмъ сильнѣе разгоралась вражда, возбужденная имъ въ кругу людей противоположнаго образа мыслей. Оеофану пришлось быть свидѣтелемъ многихъ печальныхъ событій, вызванныхъ враждебными отношеніями его къ противникамъ реформы. Но его несомнѣнная достоинства, его просвѣщенный умъ и вѣрность знамени, которое онъ съ такой честію держалъ въ рукахъ своихъ во время Петра Великаго, упрочили за нимъ уваженіе всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Въ ряду образованнѣйшихъ современниковъ Оеофана горячимъ приверженцемъ и ревностнымъ почитателемъ его былъ Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ. Литературное родство этихъ двухъ писателей не подлежитъ сомнѣнію. Многія черты въ сатирахъ Кантемира, самый взглядъ его на различные предметы и лица служатъ отраженіемъ Оеофановыхъ понятій и убѣжденій. Весьма часто Кантемиръ смотрѣлъ на вещи глазами Оеофана и повторялъ въ силлабическихъ стихахъ то же самое, что мѣтко выражено въ одушевленной прозѣ Оеофана Прокоповича, напоминающей своими оборотами *полновѣсную* и *своеобразную рѣчь* Ломоносова. Кантемиръ восхваляетъ всеобъемлющій умъ и знанія Оеофана и въ его словахъ и писаніяхъ видитъ откровеніе высшей истины, добра и мудрости. Обращаясь къ Оеофану, Кантемиръ говоритъ:

Дивный первосвященникъ, которому *сила*
Вышней мудрости свои тайны всѣ открыла,

И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
 Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
 Оеофанъ, которому *все то далось знати*,
Здрава челоуѣка умъ что можетъ поняти!.
 Пастырь прилежный своемъ о стадѣ радѣеть
 Недремно; спасенія сѣмя часто сѣять
 И растить примѣромъ онъ, такъ какъ словомъ, тщится.
 Главный и церкви всея правитель садится
 Не напрасно подъ царемъ. Церковныя славы
 Пристойно защитникъ онъ; изнуренны нравы
 Исправляетъ пастырей и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу.
 Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
 Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
 Намъ струи. Труды его безъ конца различны.

(Сатира III, о различіи страстей челоуѣческихъ, стих. 1—6, 361—372 и соотвѣтствующія примѣчанія. Сочиненія, письма и избранные переводы князя *Антіоха Дмитріевича Кантемира* (ред. изд. П. А. Ефремова). Спб. 1867 г.).

Хвалебный голосъ Кантемира не былъ одинокимъ. Ломоносовъ, Татищевъ, Сумароковъ, члены Петербургской Академіи Наукъ и иностранные ученые заявили свое высокое уваженіе къ заслугамъ знаменитаго сподвижника Петра Великаго.

Существенная особенность произведеній Оеофана Прокоповича заключается въ томъ, что они вытекаютъ изъ обстоятельствъ и духа своего времени, что въ нихъ выражается яркими чертами умственная и общественная жизнь Россіи въ началѣ XVIII вѣка.

Первую характеристику Оеофана Прокоповича далъ въ своей статьѣ, подъ названіемъ: „Взглядъ на успѣхи російскаго вѣтѣйства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1811 годъ № 19, стр. 195—200, ученый критикъ начала XIX вѣка, Каченовскій. Эта статья легла въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ отзывовъ о Оеофанѣ Прокоповичѣ, но изъ довольно обширнаго количества этихъ отзывовъ, большею частью безцвѣтныхъ, выдѣляется характеристика Оеофана Прокоповича, находящаяся въ сочиненіи г. Ю. Самарина: „Стефанъ Яворскій и Оеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники“. Г. Самаринъ смотритъ на Оеофана, какъ на даровитѣйшаго и искренняго сподвиж-

ника Петра Великаго въ дѣлѣ реформы, вполне согласной съ образомъ мыслей и убѣжденіями Оеофана. Литературный талантъ и направленіе Оеофана оцѣниваются авторомъ въ связи съ другимъ писателемъ Петровской эпохи, Стефаномъ Яворскимъ. По понятію г. Самарина, Стефанъ Яворскій былъ въ русской словесности представителемъ отживающей вѣкъ свой католической схоластики; въ Оеофанѣ же замѣчается присутствіе новой жизни, слышится жизненное начало, сближающее его съ первыми вождами реформы, отважно боровшимися за свои убѣжденія съ полнымъ сознаніемъ ожидающей ихъ побѣды. — Въ писаніяхъ Оеофана и въ ихъ связи съ идеями Петра Великаго авторъ видитъ живое доказательство замѣчательнаго факта — уваженія Петра Великаго къ общественному мнѣнію.

„Петру Великому“, говоритъ онъ, „нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Оеофанъ Прокоповичъ. Подвизаясь однако на пути своемъ, Петръ Великій зналъ, что очень немногіе сознавали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренне почти всѣ его осуждали. Не такого повиновенія требовалъ Петръ. Онъ хотѣлъ, чтобы вся Россія по убѣженію пріобщилась къ его стремленіямъ; чтобы народъ пересталъ смотрѣть на его дѣла, какъ на личныя прихоти, и чтобы поняли всѣ, что не для одного себя, а для общей пользы онъ трудился, отмѣнялъ старое и заводилъ новое. Это уваженіе къ общему мнѣнію въ Петрѣ Великомъ и при его желѣзной волѣ очень замѣчательно. Онъ искалъ человѣка, способнаго понять его, искренно и сознательно ему преданнаго, глубоко убѣжденнаго въ разумной необходимости его стремленій, который взялъ бы на себя отъ имени его говорить съ народомъ. Оеофанъ Прокоповичъ отозвался на это призваніе. Онъ посвятилъ свое слово Петру Великому и сталъ посредникомъ между нимъ и народомъ. Посвященный во всѣ виды Петра, его совѣтникъ и помощникъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразования — вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Оеофана Прокоповича, его задача, какъ оратора. Главное, положительное достоинство проповѣдей Оеофановыхъ, то, которое обличаетъ въ нихъ новое

направленіе, есть ихъ современность, ихъ живое отношеніе къ дѣйствительности. Оеофанъ Прокоповичъ хорошо зналъ состояніе умовъ, предразсудки и убѣжденія русскаго народа. Онъ внимательно слѣдилъ за его развитіемъ, не спускалъ съ него глазъ, вслушивался въ его толчки и ничѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти всѣ проповѣди Оеофана Прокоповича направлены противъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ и суевѣрій. Его дѣятельность, во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ: упрека, ироніи и самой язвительной сатиры. Школьный формализмъ и отвлеченная наука не могла сковать его дарованія. Здоровая природа вынесла его изъ этой колеи. Въ уклоненіяхъ и недостаткахъ Оеофана Прокоповича все-таки чувствуется присутствіе жизни; виденъ живой человѣкъ, способный забыться, притти въ гнѣвъ или разсмѣяться и сказать лишнее слово, тогда какъ у другихъ проповѣдниковъ, при тѣхъ же темныхъ сторонахъ, нѣтъ этой жизни“ и т. д. (Ю. Самаринъ. Стефанъ Яворскій и Оеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. М. 1884 г., стр. 156, 146, 155, 145 и др.).

¹³⁹⁾ „Завѣщаніе отеческое“, новое изданіе извѣстнаго сочиненія Посошкова, дополненное вновь открытою въ синодальномъ архивѣ *г. Прилежаевымъ*, второю половиною этого любопытнаго памятника, имѣющаго важное значеніе для характеристики русскаго общества въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. СПБ. 1893 г., стр. XL „..... Разумный патріотъ, онъ (Посошковъ) обнаруживалъ живое сочувствіе преобразовательнымъ начинаніямъ Великаго Государя для возвеличенія Русскаго государства. Ревнитель православія, онъ съ душевнымъ безпокойствомъ наблюдалъ, какъ, по его выраженію (въ неизданной второй запискѣ его къ м. Стефану Яворскому), *шатался столпъ нашея правыя вѣры*“, какъ русскій „народъ, отъ расколовъ мятущійся и отъ еретиковъ соблажняемый, наклонялся, еже пасти“. Среди своихъ современниковъ Посошковъ былъ одинъ изъ весьма немногихъ, дававшихъ себѣ отчетъ въ томъ, что вокругъ нихъ происходило. Въ сознаніи всей важности переживаемой эпохи и близко принимая къ сердцу интересы и благо отечества и церкви, онъ „дерзнулъ“ взяться за перо, охваченный неодолимымъ

желаніемъ послужить, по мѣрѣ своихъ силъ, выясненію насущныхъ нуждъ и потребностей Россіи“.

А. Галаховъ. Исторія русской словесности, древней и новой. Изданіе 3-ье, т. 1, отд. 2. Москва. 1894 г., стр. 24—28. — *А. И. Незеленовъ*. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 8-ое подъ редакціей А. И. Кирпичникова. Часть I. Москва. 1899 г., стр. 154—157. — Сочиненія Посошкова, изд. Погодинымъ. Москва. 1842 г. — *Г. В. Есиповъ*. Иванъ Посошковъ. Русское Слово. 1861 г., № 7. — Сочиненія Посошкова. М. 1863 г., — *А. Г. Брикнеръ*. Иванъ Посошковъ, какъ экономистъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1875—1876 гг. — *Его-же*. Статьи о Посошковѣ. Русский Вѣстникъ. 1878 г. іюнь, августъ; 1879 г. іюнь. — *Е. М. Прилежаевъ*. Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху. Христіанское Чтеніе. 1877 г., мартъ. — *А. А. Царевскій*. Посошковъ и его сочиненія. Москва. 1883 г. — Матеріалы для русской исторіи, изданные С. А. Бѣлокуровымъ. Москва 1888 г.

Князь Щербатовъ, недовольный нововведеніями и сочувствующій старинѣ, съ негодованіемъ говоритъ о Теофанѣ, какъ о необузданномъ честолюбцѣ, приносившемъ законъ въ жертву произволу Бирона и не устыдившемся быть судьей въ тайной канцеляріи. — Вотъ какъ онъ выражается въ своемъ сочиненіи: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“: „Въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его (Петра Великаго) князь *Меньшиковъ* когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврила Ивановичъ *Головкинъ* государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Галембурхомъ, съ Герцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента, ни *Остерманъ*, написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ, чтобы Иванъ *Мусинъ-Пушкинъ* его отъ такого поступка удержалъ, чтобы адмиралъ *Апраксинъ*, имѣющій такую повѣренность, что вопреки сказалъ государю. Но *всѣ* токмо согласіе свое изъявляли и *впускали вкореняться лести и рабству* для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и князь Я. О. Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны, духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ его панегириками. Между сими *Прокоповичъ*, который изъ духовенства хотя не любви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выпренный свой голосъ на хвалы государевы вознесъ.

Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно было бы, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы *Прокоповича*, сего непостриженного монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніемъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьей тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуеъ его собственное сочиненіе: „Правда воли монаршей”—памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому... *Оеофанъ Прокоповичъ*, архіепископъ Новгородскій, мужъ, исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества приобрѣсти. *Василій Никитичъ Татищевъ*, человѣкъ разумный и предприимчивый, искалъ своего счастія. Князь *Антіохъ Дмитріевичъ (Кантемиръ)*, человѣкъ ученый, предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ права перворожденія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся чрезъ умыслъ свой противу установленія получить и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ князя Алек. Мих. Черкасскаго богатѣйшаго изъ російскихъ благородныхъ. Сіи три, связанные дружбою, разумомъ и своими видами, учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія” и т. д.

Мнѣніе князя Шербатова о *Оеофанѣ* предвзятое и несправедливое. Оцѣнивать *Оеофана*, какъ всякаго общественнаго дѣятеля, нельзя, какъ человѣка вообще, а необходимо смотрѣть на него какъ на борца за просвѣщеніе. Великихъ заслугъ его въ послѣднемъ нельзя отрицать, да и самъ *Оеофанъ* выходящій изъ ряду человѣкъ.

¹⁴⁰⁾ См. *Л. М. Шахъ-Пароніанца*. Вліяніе колонизаціи на распространеніе просвѣщенія. Кронштадтъ. 1902 г.

¹⁴¹⁾ *Цейсъ Густавъ*. Учебникъ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія культуры, ч. 1-ая, стр. 56.

¹⁴²⁾ *Николаевъ А.* Пособія къ изученію всеобщей исторіи, стр. 65.

¹⁴³⁾ *Цейсъ Густавъ*. Учебникъ всеобщей исторіи съ точки зрѣнія культуры ч. 3-я (Колонія ея Массилія) стр. 60.

¹⁴⁴⁾ *Дрэперъ*. Исторія умственнаго развитія Европы, стр. 108.

¹⁴⁵⁾ *Бестужевъ — Рюминъ*. Русская исторія. Томъ I, стр. 357.

¹⁴⁶⁾ *Н. Полевой*. „Исторія Русскаго Народа“, 6 т. 1828—33 г.

¹⁴⁷⁾ *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 29 томовъ. 1859 года и изданіе типогр. „Общественной Пользы“ съ приложеніемъ въ 10-ти томахъ.

¹⁴⁸⁾ *С. М. Соловьевъ*. Отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ. М. 1846 г.

¹⁴⁹⁾ *Ewers*. Das älteste Recht der Russen, Dorp. 1826 г.

¹⁵⁰⁾ См., кромѣ указаннаго сочиненія *С. М. Соловьева*, статью: „О родовыхъ отношеніяхъ Московскихъ князей древней Руси“ въ Московскомъ Литературномъ Сборникѣ 1846 г.; соч.: „Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847 г.; „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, особенно 1 и 2 т. (29-ти томное изданіе).

¹⁵¹⁾ *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ*. Русская Исторія, т. I. СПб. 1872 г., т. II, вып. 1-ый. СПб. 1885 г. и ея продолженіе въ статьѣ „Обзоръ событій отъ смерти царя Іоанна Васильевича до избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова“ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, ч. ССII отд. 2, стр. 49—113 и стр. 245—296.

Перечисленіе остальныхъ трудовъ нашего историка въ ст. *И. Козеко*: „Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева—Рюмина. СПб. 1889 г.

¹⁵²⁾ Ср. *Θ. Леонтовичъ*. Задружно-общинный характеръ быта древней Руси, журн. Мин. Нар. Просв. CLXXIII, 1874 г., стр. 218—220.

¹⁵³⁾ *Д. Пв. Пловайскій*. Исторія Россіи т. I, ч. I, Кіевскій періодъ 1876 г.; часть II, Владимирскій періодъ М. 1880 г.; т. II, М. 1884 г. Московско-Литовскій періодъ или собиратели Руси, т. III, М. 1890 г. Московско-Царскій періодъ: первая половина или XVI вѣкъ. Смутное время Московскаго государства, т. IV.

Оглавление.

1.	Предисловіе	1.
2.	Основа древняго быта славянъ	3.
3.	Почитаній животныхъ	7
4.	Принятіе христіанства на Руси	9.
5.	Проповѣдь и прозелитизмъ въ начальномъ развитіи	13.
6.	Культурное вліяніе христіанства на духовное развитіе русской народности и его послѣдствія	15.
7.	Историческое значеніе монастырей въ Россіи	20.
8.	Владычество татаръ и его послѣдствія	21.
9.	Географическія, этническія, соціальныя и политическія условія, повліявшія на возвышеніе Московскаго княжества	25.
10.	Основные начала русской государственности	31.
11.	Экономическія, культурныя и политическія послѣдствія татарскаго ига	33.
12.	Внѣшняя политика Московскихъ государей въ XVI—XVII вв.	41.
13.	Водвореніе майоратнаго порядка единонаслѣдія въ Руси сѣверовосточной	55.
14.	Вліяніе западно-европейской культуры на русскую жизнь XVI и XVII вв. и послѣдствія его	72.
15.	Главнѣйшія причины, вызвавшія смуту, характерныя ея особенности, и обстоятельства, способствовавшія водворенію порядка послѣ 1613 года	75.
16.	Причины паденія земскихъ соборовъ	81.
17.	Видоизмѣненіе внѣшней русской политики въ Московскомъ государствѣ подъ вліяніемъ смутнаго времени	84
18.	Мѣстничество, его значеніе и причины уничтоженія	88.
19.	Европейское вліяніе на русскую жизнь	95.
20.	Образованіе Россійской Имперіи въ XVIII вѣкѣ подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи	96.
21.	Русское политическое сознаніе въ XVIII вѣкѣ	99.
22.	Вліяніе колонизаціи на распространеніе просвѣщенія	102.
23.	Характеристика трудовъ и направленій— <i>Н. Полевого</i> , „Исторія Русскаго Народа“;— <i>С. М. Соловьева</i> , „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“;— <i>В. О. Ключевскаго</i> , „Исторія Россіи“;— <i>К. Н. Бестужева—Рюмина</i> , „Русская Исторія“;— <i>Д. Ив. Пловцкаго</i> , „Исторія Россіи“	108.
24.	Примѣчанія и разясненія	116.
25.	Опечатки	160.